

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

На правах рукописи

КОЗИК КОНСТАНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С ГРЕЦИЕЙ И
КИПРОМ В КОНЦЕ XX–НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

**Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Э.Г. Вартаньян

Краснодар 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ И КИПРА	
В 1980-Е ГГ.	28
1.1. Основные тенденции развития внешней политики Турции в 1980-е гг. и отношения с Грецией.....	28
1.2. Происхождение Эгейских противоречий между Турцией и Грецией, их состояние в 1980-е гг.	48
1.3. История возникновения и сущность Кипрского вопроса. Политика Турции в отношении Кипра.....	80
2. ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ, ГРЕЦИИ И КИПРА В 1990-Е ГГ.	
.....	108
2.1. Турция и Греция в новых геополитических условиях 1990-х гг.....	108
2.2. Кризисные явления в двусторонних отношениях в Эгейском регионе в 1990-е гг.	137
2.3. Проблема Кипра в политике Турции в 1990-е гг. Стремление международных организаций урегулировать Кипрский вопрос.....	152
3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ, ГРЕЦИИ, КИПРА В НАЧАЛЕ XXI	
В.....	170
3.1. Новая внешнеполитическая доктрина Турции и её влияние на турецко–греческие отношения в начале XXI в.....	170
3.2. Кипрский вопрос в начале XXI в. Попытки решения проблемы разделённого острова.....	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	216
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Межгосударственные отношения Турции, Греции и Кипра в 1980–2010-х гг. являются актуальной темой новейшей истории Восточного Средиземноморья, выявляя взаимосвязь внутригосударственных и внешнеполитических факторов исторического развития данных стран. Кипрский и Эгейский конфликты – показательные примеры того, как исторические традиции определяют направленность и формы развития межгосударственных отношений. Тема остаётся малоизученной в отечественной историографии вопреки тому, что актуальность исследования конфликтов и миростроительства в Восточном Средиземноморье возрастает.

Один из основных принципов внешней политики Турции с момента основания республики в том, что международная политика не должна служить препятствием на пути экономического и общественного развития страны. В связи с этим внутреннее развитие имело приоритет над международными отношениями, пока национальная целостность и суверенитет оставались нетронутыми. Поэтому внешняя политика сменяющих друг друга правительств Турции ориентирована на сохранение существующего положения. Но это не исключает вероятности ведения активной внешней политики в случае ущемления интересов Турции. Примером такой активности Турции можно рассматривать оккупацию Северного Кипра в 1974 г. После этой акции турецкая политика в отношении Кипрского вопроса вернулась к сохранению статус-кво. Среди основных задач внешней политики Турции с 1980 г. по начало XXI в. – стремление к членству в ЕС, ограничение прав Греции в Эгейском море, влияние на политику «вассальной» Турецкой Республики Северного Кипра, соблюдение прав турецких меньшинств в сопредельных государствах (в случае Греции – Западная Фракия). На протяжении истории Турция и Греция редко имели хорошие отношения, и нынешние отношения подпитываются взаимными обидами и исторической памятью.

Измножества проблем, которые в исследуемый период (с 1980 г. по настоящее время) разделяли обе страны, самые сложные – это Кипрский вопрос и комплекс проблем, связанных с водами и островами пограничного Эгейского моря. Согласно турецкой позиции по Эгейскому вопросу, основной источник напряжения между Турцией и Грецией – желание греков рассматривать всё Эгейское море как «греческое озеро», что существенно ограничит турецкие воды. По мнению Анкары, греко-турецкие отношения должны основываться на принципе того, что Эгейское море – это общее море для обоих государств, следовательно, обе страны могут пользоваться воздушным пространством и открытым морем беспрепятственно. Но это не мешало туркам много раз нарушать воздушное пространство Греции над Эгейским морем не только в 1980–1990-х гг., но и в начале XXI в.

В отношении Кипра позиция Турции заключалась в создании на острове государства с двухкоммунным, двухзональным федеративным устройством, основанном на суверенном равенстве турко-киприотского и греко-киприотского сообществ в соответствии с планом К. Аннана¹. Турецкая позиция исходила из того, что членство Кипра в ЕС может обсуждаться только после полного урегулирования конфликта на этом острове. Также, по мнению турок, ещё одним условием вступления федеративного Кипра в ЕС, было одновременное вступление Турции в Евросоюз. Турция выступила с резкой критикой «совместной» доктрины безопасности, предполагающей сотрудничество между Грецией и Республикой Кипр.

Объект диссертационного исследования – межгосударственные отношения между Турцией, Грецией и Кипром.

Предмет диссертационного исследования – тенденции развития и противоречия в межгосударственных взаимоотношениях между Турцией, Грецией и Кипром, а также процесс урегулирования Кипрского конфликта в 1980–2017 гг.

---

¹ Carley P. U.S. Foreign Policy and Future of Greek-Turkish Relations/ Greek-Turkish relations and U.S. foreign policy. Cyprus, the Aegean, and regional stability. Washington, 1997. P. 1.

Хронологические рамки исследования: 1980-е гг. – 2017 г. Нижняя хронологическая граница определена началом 1980-х гг., т.е. государственным переворотом в Турции под руководством военных и последовавшим за ним с принятием конституции 1982 г. началом Третьей Республики. Верхняя граница обусловлена внешнеполитическим курсом умеренно-исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) Турции, пришедшей к власти в 2002 г. и правящей по настоящее время.

Географические рамки работы – территории Турции, Греции и Кипра.

Степень научной разработанности проблемы. Политика Турции в отношении Греции и Кипра является предметом исследования отечественных и зарубежных авторов, хотя комплексных работ, охватывающих важнейшие аспекты внешней политики Турции в Восточном Средиземноморье, недостаточно. Имеющиеся исследования можно разделить на две группы. К первой группе относятся работы отечественных ученых, ко второй – зарубежных, в том числе турецких, греческих и западных.

Большой вклад в изучение внешнеполитических аспектов истории Турции принадлежит одному из ведущих востоковедов Н.Г. Кирееву. Он раскрывает политику Турции на Балканах, в том числе турецко-греческих отношений 1990-х гг.¹ Н.Г. Киреев отмечает отход турецкого правительства от принципов кемализма в идеологии политической элиты Турции в 1980-х гг.²

Значительный вклад в изучение Кипрской проблемы внёс Э.П. Теплов³. Он отмечал негативную роль Великобритании и других государств НАТО в разжигании вражды между греками-киприотами и турками-киприотами.

По вопросам истории возникновения Кипрского вопроса необходимо выделить значение работ А.Г. Нестерова «Британская политика на Кипре

---

¹ Киреев Н.Г. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.

² Киреев Н.Г. Метаморфозы правящей элиты Турции // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.

³ Теплов Э.П. Кипр – зеркало противоречий Средиземноморья. Л., 1989.

вовторой половине 1940-х гг.: Конституционный проект лорда Вистера»¹ и «Британский проект урегулирования ситуации на Кипре в 1957–1958 гг.»².

В работе А.А. Улуныа обзорно освещаются отношения Греции с Турцией в 1980–1990-е гг.³ Следует отметить монографию В.А. Шмарова, в которой автор затрагивает отношения между Турцией и Грецией с 1970-х гг. В контексте двусторонних турецко-греческих отношений рассматривается вопрос о желаемом для турецкой элиты членстве в ЕС и связанный с этой проблемой Кипрский вопрос⁴.

Принципиально важны работы видного востоковеда В.А. Надеина-Раевского, посвященные внешнеполитическим проблемам Турецкой Республики и международным отношениям в регионе⁵. Новый аспект темы – влияние этнокультурных объединений Турции на её внешнюю и внутреннюю политику исследован в статьях В.В. Цибенко⁶.

В.А. Шахбазов затрагивает не только Кипрский вопрос, но и Эгейскую проблему⁷. Не меньший интерес представляет работа Б.М. Поцхверии⁸, в которой автор затрагивает причины возникновения противоречий в Эгейском море. По мнению историка, главной причиной заинтересованности греческой стороны в расширении своих территориальных вод являлось наличие нефти в

---

¹ Нестеров А.Г., Златоустова М.И. Британская политика на Кипре во второй половине 1940-х гг.: Конституционный проект лорда Вистера // Научный диалог – V. 1.3. Екатеринбург, 2017. С. 176–188.

² Нестеров А.Г., Златоустова М.И. Британский проект урегулирования ситуации на Кипре в 1957 – 1958 гг. // Научный диалог – V, 1.5. Екатеринбург, 2017. С. 240–253.

³ Улуныа А.А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. М., 1998.

⁴ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986.

⁵ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92; Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. М., 2017.

⁶ Цибенко В.В. Убийство российского посла глазами турецких черкесов // Азия и Африка сегодня. 2017. № 4. С. 10-16; она же. Черкесский взгляд на конституционный референдум в Турции // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов н/Д, 2017. № 3. С. 77-86.

⁷ Шахбазов В.А. Проблема Кипра в политике Турции в 1960–1980 годах. Орджоникидзе, 1983.

⁸ Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов XX в. М., 1986.

районе Эгейских островов. Эгейская проблема характеризуется в монографии Ж.С. Сыздыковой¹. Автор указывает на причины и ход кризиса вокруг о. Имия (Кардак). Главной причиной конфликта являлась негативная реакция правящих кругов Турции на стремление Греции реализовать право расширить свои территориальные воды в соответствии с конвенцией по морскому праву ООН. Кроме того, сказалось недовольство турецкой стороны тем, что правительство Греции пыталось заселить необитаемые острова Эгейского моря.

Системный анализ причин и проявлений этноконфессионального конфликта на Кипре, попыток его международного регулирования дал О.Н. Бредихин². И.И. Иванова выясняет предысторию возникновения противоречий между греческой и турецкой общинами Кипра³.

В работе А. Рытова подчёркивается стремление правящих кругов Турции к интеграции с ЕС⁴. Поворот в мировой политике в связи с распадом СССР означал конец ориентации Турции только на США. Теперь турецкие правящие круги не были заинтересованы оставаться в статусе «сторожа» восточных рубежей НАТО.

М.Ф. Каневская доказывает улучшение турецко-греческих отношений после встречи премьер-министров обоих государств в Давосе 1992 г.⁵ Позитивным изменениям в турецко-греческих отношениях после 1999 г., на этапе переговоров между турецким министром иностранных дел И. Джемом и его греческим коллегой Г. Папандреу, посвящена статья Ю.С. Кудряшовой⁶. Те-

---

¹ Сыздыкова Ж.С. Особенности региональной политики Турции. М., 1999.

² Бредихин О.Н. Эволюция межобщинных отношений на Кипре // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 38-48.

³ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007.

⁴ Рытов А.Г. Кипр: новая еврореальность и старые проблемы // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 262-274.

⁵ Каневская М.Ф. Эгейский вопрос в греко-турецких отношениях // Россия в мировой политике. М., 2003. Ч. 2.

⁶ Кудряшова Ю.С. Перспективы дальнейшего сближения Турции с Европейским Союзом и его последствия для России // Востоковедный сборник. М., 2007. Вып. 7.

ма улучшения отношений между Турцией и Грецией освещена в статье А.Г. Гаджиева¹.

Анализ диссертационных исследований отечественных авторов свидетельствует об их большом интересе к проблеме Кипра в региональном аспекте, в глобальной системе международных отношений, в контексте стремления Турции в ЕС², внешней политики Греции в условиях меняющегося мира, военных аспектов турецко-греческих отношений³. В диссертации Ю.В. Мавриной «Концепция Давутоглу и её влияние на внешнюю политику Турции (2001–2011 гг.)» выделяются основные теоретические принципы построения внешней политики Турции на основе концепции «ноль проблем с соседями»⁴. Н.М. Жукова в исследовании «Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений» уделяет особое внимание международным организациям в попытках решения Кипрского вопроса и вступления Республики Кипр в ЕС. Автор указывает на то, что Турция препятствовала вступлению РК в ЕС, но впоследствии, не без влияния США, Анкара изменила свою позицию⁵.

Значительный комплекс работ о внешней политике Турции в Восточном Средиземноморье создан зарубежными исследователями.

---

¹ Гаджиев А.Г. «Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 21.08.2014).

² Шахбазов В.А. Кипрский вопрос в политике Турции (1960–1975 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Биктимиров Б.Т. Кипрская проблема в политике Великобритании в 1945–1965 гг. Историко-политический анализ. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009; Жукова Н.М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Шахин Э. Кипрский вопрос в переговорах о вступлении Турции в Европейский Союз (1990-е – начало XXI в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.

³ Каневская М.Ф. Внешняя политика Греции: преемственность и трансформация в условиях меняющегося мира: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2003; Логвинов О.А. Военные аспекты турецко-греческих отношений во второй половине XX столетия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁴ Маврина Ю.В. Концепция Давутоглу и её влияние на внешнюю политику Турции (2001 – 2011 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014.

⁵ Жукова Н.М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Необходимо отметить совместную работу турецкого и греческого авторов – М. Айдына и К. Инфантиса «Безопасность в Эгейском море»¹, в которой указываются причины спора вокруг территориальных вод Эгейского моря. Упомянем и монографию турецкого исследователя Б. Орана «Внешняя политика Турции»². Автор углубляется в причины и ход Эгейской проблемы, Кипрского вопроса. Не обошли стороной исследователи и изменения на политической карте мира после распада Советского Союза, внешнеполитических задач Турции в новых геополитических условиях.

Значительный интерес представляет монография турецкого исследователя Э. Калайджиоглу «Турецкая динамика. Мост через беспокойные земли»³. Э. Калайджиоглу раскрывает основные аспекты развития Третьей Республики в Турции: внешнюю политику, отношения с Грецией и ЕС (до начала периода правления Партии справедливости и развития). В т.ч., автор освещает Эгейскую проблему и изменения в турецкой конституции 1982 г.

Отдельного внимания заслуживает тема влияния ЕС на турецко-греческие отношения. Кроме российских исследователей этот вопрос изучался в работе турецких авторов Айше Бетюль Челик и Бахар Румелли «Роль ЕС в решении курдского вопроса в Турции и греко-турецкий конфликт». Отмечено, что до 1999 г. вмешательство ЕС в двусторонний конфликт между обоими государствами не влияло на разрешение главных противоречий между Турцией и Грецией⁴.

В статье «Влияние ЕС в греко-турецкий конфликт» Б. Румелли отмечает, что членство Греции в ЕС ограничивало позитивную роль Евросоюза в решении турецко-греческих проблем. По мнению автора, это объяснялось тем,

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London; N.Y., 2004.

² Oran B. Turk dis politikasi.Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010.

³ Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005.

⁴ Celik A., Rumelli B. Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts// European Foreign Affairs. L. 2006. P. 217.

что Греция являлась членом ЕС, а Турция нет¹. Также Б. Румелли принадлежит статья «Лиминальность и увековечивание конфликтов: турецко-греческие отношения в контексте общественного устройства к ЕС»². В изучении турецко-греческих отношений обращают на себя внимание статьи турецкого исследователя Т. Бахчели. Например, в его статье «Кипр в эре после холодной войны: движение к соглашению»³ раскрыта подготовка Республики Кипр к членству в ЕС в начале 1990-х гг. Относительно приобретения вооружений Республикой Кипр для сдерживания возможной агрессии со стороны Турции и Турецкой Республики Северного Кипра Т. Бахчели отмечает не только опасность гонки вооружений, но её экономическую невыгодность вследствие увеличения расходов на оборону. Но автор признаёт, что для турков-киприотов гарантией безопасности является наличие турецких войск на острове, а у греков-киприотов аналогичной гарантии нет. По его мнению, в связи с этим нужно уменьшить количество турецких войск в ТРСК и соответственно увеличить военный контингент Республики Кипр.

Кипрский вопрос затрагивается и в статье турецкого исследователя Ф. Аксу, он отмечает критику правительства Республики Кипр со стороны Генерального секретаря ООН из-за медленного решения Кипрского вопроса⁴. Турецкий исследователь Тунч Айбак в статье «Внешняя политика в новом веке» анализирует взаимодействие неправительственных организаций Турции и Греции, а также Турции и ЕС в процессе интеграции Анкары в ЕС. Это взаимодействие проходило как на уровне предпринимательских кругов, так и гражданского общества в целом⁵.

---

¹ Rumelli B. The European Union's impact on the Greek-Turkish conflict: A Review of the Literature // Working paper series in EU border conflicts studies. Birmingham, 2004. No. 6. P. 45.

² Rumelili B. Liminality and perpetuation of conflicts: Turkish-Greek Relations in the Context of Community-Building by the EU // European Journal of International Relations. 2009. P. 224.

³ Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. P. 20.

⁴ Aksu F., Konusundaki K. Son gelismeler. URL: <http://www.turkishgreek.org>. (дата обращения: 25.05.2015).

⁵ Aybak T. Foreign Policy in the New Century // Turkish transformation. The Eothen Press, 2002. P. 232.

В статье Е. Турбедара «Новая активность Турции на Западе Балкан» анализируются глобальные внешнеполитические планы министра иностранных дел А. Давутоглу, получившие отражение в его работе «Стратегическая глубина»¹. Ильтер Туран и Дилек Барлаш в статье «Турецко-греческий баланс: ключ к миру и сотрудничеству на Балканах» подчёркивают невыгодность роста напряжённости на Балканском полуострове для обоих государств. По их мнению, Республика Турция с самого своего образования старалась проводить сдержанную и миролюбивую политику в регионе. В этом контексте авторы отмечают стремление Турции соблюдать баланс сил в регионе как препятствие конфронтации между соседними государствами². В статье Дуйгу Сезер «Стратегическая матрица перспектив Турции» затрагиваются отношения последней с США и Грецией в 1980-е гг. в рамках союзничества в НАТО³. Автор указывает на баланс военных сил Греции и Турции как вероятных противников, а также затрагивает Кипрский конфликт. По его мнению, напряжённость, возникшая из-за споров за Эгейские острова и Кипрский вопрос, привела обе страны в 1980-е гг. дважды к состоянию вооружённого конфликта. Что касается Давосской инициативы, предпринятой в 1988 г. премьер-министрами А. Папандреу и Т. Озала, то Д. Сезер считает целью этих встреч урегулирование проблем, возобновление двусторонних переговоров и предотвращение угрозы войны. Эти переговоры можно охарактеризовать как попытку диалога между лидерами обоих государств, мотивированную политической необходимостью. В статье М.А. Биранда «Турция и «Давосский процесс» подчёркивается, что, хотя приход к власти Т. Озала и изменил политический баланс в Турции, он не имел полного контроля над

---

¹ Turbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans: Ambitions and Obstacles // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13, No. 3. P. 139–158.

² Turan I., Barlas D. Turkish-Greek balance: A key to peace and cooperation in the Balkans // *East European Quarterly*. 1999. XXXII. № 4. P. 473.

³ Sezer D. The Strategic Matrix of the SEM: A Turkish Perspective // *The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences/ ed. by D. Consta. Bonn, 1991.*

своей партией¹. Поэтому Т. Озал не мог полагаться на поддержку общественного мнения и во внешней политике. Не исключением был и Давосский процесс. По мнению Д. Сезер, это была одна из главных причин того, что Давосский процесс не решил главных проблем в двусторонних турецко-греческих отношениях.

В работе Гюльден Айман «Переговоры и устрашения в асимметричных ситуациях: турецко-греческий случай» освещена предыстория двустороннего конфликта со времён обретения независимости Греции в 1830-х гг. и складывания турецкой нации². Главное – изложена стратегия Турции и Греции в 1990-е гг. Если Турция полагалась на собственные возможности в устрашении Греции, то для Греции расширение своих возможностей и прав через союзников по НАТО было наиболее фундаментальным элементом стратегии против Турции. По мнению Г. Айман, турецкая стратегия в отношении Греции была двойственной. С одной стороны, она базировалась на милитаризме для устрашения Греции, чтобы не допустить изменения статус кво (например, Кардакский кризис 1996 г. – Имия/Кардак способствовал усилению модели турецкой стратегии). Кризис закончился, когда Греция столкнулась с угрозой войны, к которой она не была готова. С другой стороны, стратегия Турции основывалась на усилиях по поиску решения через переговоры.

Большой вклад в изучение внешней политики Турции периода правления Партии справедливости и развития (с 2002 г.), в частности, концепции А. Давутоглу «ноль проблем с соседями», внесли М. Йешильташ и А. Балджи. В работе «Словарь турецкой внешней политики в период ПСР: Концептуальная карта» авторы рассматривают интересы Турции и мотивы, которые подталкивали новое руководство страны к политике «мягкой си-

---

¹ Birand M.A. “Turkey and the Davos Process”: Experiences and Prospects // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991.

² Ayman G. Negotiations and Deterrence in Asymmetrical Power Situations: The Turkish-Greek Case // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991.

лы»¹. Вместе с тем, авторы отмечают отрицательные стороны политики «ноль проблем с соседями» из-за того, что улучшение отношений с одними государствами часто приводят ухудшению с другими.

Работы греческих исследователей также посвящены широкому спектру двусторонних проблем. Значительный вклад в изучение греко-турецких отношений внес К. Инфантис. В его статье затрагиваются разные проблемы двусторонних отношений². В. Коуфодакис³ анализирует греко-турецкие отношения с 1974 г. по конец 1980-х гг., затрагивая последствия Давосской конференции. Он отмечает позицию правящих кругов Греции (с 1974 г., после правления военной хунты «чёрных полковников») в отношении спорных вопросов с Турцией, заинтересованность США и НАТО в урегулировании двусторонних проблем. В. Коуфодакис подчёркивает прозападный внешне-политический курс последующих правительств Греции. Автор характеризует политику правительств К. Караманлиса и Г. Раллиса как соответствующую устоям партии Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК), которая пришла к власти в 1981 г. Эта партия практически не ориентировалась на Запад. Кроме того, США и НАТО отказались предоставлять гарантии Греции в отношении турецкой угрозы. Но продолжающаяся оккупация Северного Кипра Турцией, турецкие провокации и требования в Эгейском море подталкивали греческие правящие круги к переговорам с Анкарой. В итоге встречи в Давосе в 1988 г. и последующих встреч между А. Папандреу и Т. Озалом последовало греко-турецкое сближение. По мнению В. Коуфодакиса, А. Папандреу мог высказывать несогласие с позициями Запада и Турции и тем самым использовать греко-турецкие вопросы во внутренних целях.

---

¹ Yesiltas M., Balci A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map // SAM Papers. Centr for strategic research. May 2013. No. 7. P. 35.

² Infantis K. Negotiations and Deterrence in Asymmetrical Power Situations: The Turkish-Greek Case // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991.

³ Coufoudakis V. Greek Political Party Attitudes towards Turkey: 1974–89 // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences...

Можно упомянуть статью К. Данопуласа «Кипрская проблема и перспективы объединения»¹, в которой автор углубляется в историю Кипрского вопроса со времён завоевания острова османами в 1573 г. при султানে Селиме II и установления британского контроля над островом в 1878 г. (формально в 1923 г.). К. Данопулос отмечает, что несмотря на вмешательство ООН, в 1980-е – начале 1990-х гг. Кипрский вопрос не получил решения. Наоборот, раскол острова на два государства принял чёткие рамки. Налицо была полная экономическая и политическая зависимость ТРСК от Турции.

В совместной статье К. Степану и Х. Тсарданидиса раскрывается влияние членства Греции в ЕС на отношения последней с Турцией, влияние Евросоюза на греко-турецкие отношения в сфере экономики². Рассматривая отношения Турции и ЕС в 1970–1980-е гг., авторы считают, что их сотрудничество не потерпело бы неудачу, если бы не исключительный случай, произошедший в первые три года греческого членства в сообществе. Военный переворот 12 сентября 1980 г. заморозил развитие отношений между ЕС и Турцией. Авторы оценивают Кипрский вопрос, в частности, позицию таких ведущих государств-членов ЕС, как Германия и Великобритания.

Не меньший интерес вызывает статья А. Платиаса³. Автор выявляет теоретические положения стратегической доктрины Греции, указывает на то, что с 1974 г. Греция пыталась развивать доктрину, в соответствии с которой главной задачей являлось представление о центральной роли Греции в регионе, преувеличение стратегической важности Греции для Европы и региона. Налицо и страх Греции перед большей по населению и экономическим ресурсам Турцией. Автор указывает на то, что лежащий в основе внешней политики Греции после 1974 г. принцип оборонной политики в том, что страна

---

¹ Danopoulos C.P. The Cyprus Problem and Prospects of Reunification // Balkan Forum. 1997. Vol. 5, No 2(19), June.

² Stephanou C., Tsardanides Ch. // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991.

³ Athanasios P. Greece's Strategic Doctrine: In Search of Autonomy and Deterrence // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991.

проводила автономную политику безопасности, опираясь на собственные ресурсы в соответствии турецкой угрозой.

Исследованиями греко-турецких отношений занимался и Й. Ковертарис. Он излагает турецко-греческие отношения в контексте членства в НАТО обоих государств¹. Кроме того, аналитик оценил Эгейскую проблему. По его мнению, НАТО и США не удалось вместе решить проблему национального суверенитета и безопасности Греции, в то время как Греция желала мира с Турцией и ясно дала ей понять, что статус греческих островов в Эгейском море несомненен и не подлежит переговорному процессу. Автор подчеркивает, что именно Турция неправомерно вторглась и оккупировала Кипр и пока Турция не уйдёт из Кипра, не будет соблюдать уважение к международным договорам, напряжённость между Грецией и Турцией сохранится.

В числе историков стран Запада значительный вклад в изучение турецко-греческих отношений начала XXI в. внёс М. Наом². Он указывает на экономические основы сближения Турции и Греции, рост товарооборота между ними. С начала XXI в. отмечается сдерживание гонки вооружений как стороны Анкары, так и Афин на фоне улучшения двусторонних отношений.

Интересна работа М. Стефена³, в которой отмечается причина тупиковой ситуации в решении Кипрской проблемы. По мнению историка, существовали две причины: США и Великобритания поддерживали признание мировым сообществом правительства Республики Кипр единственным легитимным на острове; во-вторых, Республика Кипр стала членом ЕС в 2004 г., в связи с этим, по мнению Турции, греческая сторона не упустит шанса ис-

---

¹ Kourvetaris Y. The Southern flank of NATO: Political Dimensions of the Greco-Turkish conflict since 1974 // East European Quarterly. 1988. XXI. No. 4, January.

² Naoum M. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999–2004: paradigm shift or epiphenomenon. Monterey, 2004.

³ Stephen M. The Cyprus Question; A concise guide to the history, politics. A low of the Cyprus question. Rew ed. London, 2001.

пользовать членство в ЕС против ТРСК. Предыстория и сущность комплекса проблем Эгейского моря и Кипрского вопроса раскрыты в статье К. Додда¹.

Итак, анализ работ отечественных и зарубежных исследователей по теме позволяет сделать вывод о том, что авторы обращают внимание на такие вопросы в отношениях между Турцией и Грецией, как проблемы разграничения островов и акватории Эгейского моря, Кипрское урегулирование, роль Евросоюза во взаимоотношениях стран региона. Но очевиден недостаток обобщающих трудов по проблемам внешней политики Турции в отношении с Грецией и Кипром в период с 1980 по 2017 гг., отсутствие комплексных исследований по проблеме.

Цель диссертации – раскрыть причины и сущность противоречий во взаимоотношениях Турции с Грецией и Кипром в 1980-х – 2017 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих **задач**:

1. Раскрыть основные тенденции развития политики Турции в отношении Греции в 1980-х гг.;
2. Установить причины возникновения Эгейских противоречий между Турцией и Грецией и их состояние в 1980-х гг.;
3. Выявить исторические предпосылки и сущность Кипрского вопроса как предмета конфликта между Турцией и Грецией в 1980-х гг.;
4. Определить изменения параметров турецко-греческих противоречий в новых геополитических условиях 1990-х гг.;
5. Раскрыть причины, сущность и этапы развития кризиса в греко-турецких отношениях в Эгейском регионе в 1990-х гг.;
6. Установить изменения в трактовке кипрской проблемы Турцией в 1990-х гг., роль международных организаций в урегулировании Кипрского вопроса;

---

¹ Dodd C. The Eastern Mediterranean: Turkey, Greece and Cyprus // The Maghreb Review. L., 2006. Vol. 31. № 1-2.

7. Интерпретировать новую внешнеполитическую доктрину Турции и её возможности для улучшения отношений с Грецией в начале XXI в.;

8. Определить причины неудачи попыток решения Кипрского вопроса в начале XXI в.

Теоретической и методологической основой работы являются принципы историзма и объективности. С помощью принципа историзма удалось хронологически проследить последовательность внешнеполитических взаимоотношений между правительствами Турции и Греции. Исходя из принципа объективности и научной достоверности, проведён критический анализ фактологического материала.

Специфика исследования, предполагающая изучение внешнеполитических отношений между государствами, определила использование комплекса специальных методов. Среди них: историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-системный и историко-типологический.

Проблемно-хронологический метод позволил рассматривать события и основные проблемы взаимоотношений между акторами в хронологической последовательности.

Историко-системный подход дал возможность выделить аспекты двусторонних проблем Турции и Греции в систему, которая обусловлена разного рода связями между её элементами, а также влиянием внешней международной среды. Сочетание исторического и системного подходов помогло изучить противоречия греко-турецких взаимоотношений в Восточном Средиземноморье в развитии.

Историко-сравнительный метод позволил выделить общее и особенное в изучении внешнеполитических инициатив Турции и Греции в регионе Восточного Средиземноморья, а также подойти к предмету исследования как к единому комплексу аспектов.

Применение историко-генетического метода обеспечило выявление контекста и детерминант турецко-греческих отношений в 1980-х – начале XXI в.,

болевых точек в отношениях между странами, как и факторов, обусловивших возможность диалога между государствами.

Историко-типологический метод применен для раскрытия перманентных и краткосрочных детерминант развития отношений между Турцией и Грецией, внешней политики Турции в Восточном Средиземноморье.

Источниковая база исследования. В работе проанализированы документы официального характера правительств Турции и Греции, речи и выступления государственных деятелей этих стран, межгосударственные договоры и соглашения, материалы международных организаций, выступления политиков, а также протоколы переговоров и внешнеполитические документы участников мировой политики, резолюции, соглашения, доклады и отчеты МИД¹ и др. В этих официальных документах раскрывается общая концепция межгосударственных отношений, определяется внешнеполитический курс государства.

Важнейшим видом источников являются международные договоры, проекты договоров, конвенции и соглашения. Ценным источником по изучению Эгейской проблемы в турецко-греческих отношениях является «Конвенция по морскому праву» ООН, принятая 10 декабря 1982 г. в Монтего-Бей, в частности, статья 76 Конвенции посвящена определению «континентального шельфа» Эгейского моря². По Давосскому переговорному процессу важным источником является «Греко-турецкое коммюнике 1988 г., включающее в себя переговоры в Давосе 31 января 1988 г., Брюсселе 4 марта 1988 г., 27 мая и 15 июня 1988 г. в Афинах, 8 сентября 1988 г. – в Анкаре³.

Среди источников по Кипрской проблеме вызывают интерес «Договор о гарантиях», подписанный 16 августа 1960 г. между Республикой Кипр, с од-

---

¹ Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs/Turkey's Relations with NATO. URL: <http://www.mfa.gov.tr/nato.en.mfa> (дата обращения: 08.06.2014).

² United Nations Convention on the Law of the Sea (done at Montego Bay, December 10, 1982) Article 76. URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.P.53 (дата обращения: 07.05.2017).

³ Major Greek – Turkish Communiques in 1988 // Fascell D. Committee on Foreign Affairs. Tampa: Foreign Affairs, 1988. December 28. P. 13–18.

ной стороны, и Грецией, Турцией, Великобританией – с другой¹, Проект соглашения по Кипру, представленный Генеральным секретарём ООН в апреле 1985 г.² В этих документах отмечается стремление третьих сторон участвовать в решении Кипрского вопроса.

Другим не менее важным источником является «Проект рамочного соглашения» по Кипрскому вопросу, представленный 29 марта 1986 г. генеральным секретарём ООН³. Проект помогает раскрыть сущность Кипрской проблемы, роль и позицию ООН в попытках прийти к компромиссу между сторонами. Позиция правительства Республики Кипр отражена в «Заметках по проекту рамочного соглашения» от 29 марта 1986 г.⁴. Содержание документа 1985 г. сохранено со значительными поправками, например, поправка по «провинциям федеративного государства, которые могут действовать в своих районах согласно общей конституции, но не должны дублировать полномочия и функции федеративного правительства в соответствии с федеративной конституцией»⁵. Для полного изучения внешней политики Турции в начале XXI в. необходимо обратить внимание на программу правящей в Турции Партии справедливости и развития (АКР)⁶.

Важными источниками являются официальные письма между различными государственными деятелями, чиновниками международного уровня, например, письмо президента Республики Кипр С. Киприану Генеральному

---

¹ Treaty of Guaranty. Signed at Nicosia on 16 August 1960. URL: http://www.mfa.gr/images/docs/kypriako/treaty_of_guarantee.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

² Draft statement and consolidated Draft agreement presented by the Secretary – General in April 1985 // Turkish Policy on Cyprus and efforts to solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 50.

³ Draft Framework Agreement on Cyprus presented by the U.N. Secretary General on 29 March, 1986 // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999.

⁴ Notes on «Draft framework agreement on Cyprus» of 29 March, 1986 (Cyprus Government positions) // Turkish Policy on Cyprus and efforts to solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 111.

⁵ Ibid. P. 111.

⁶ Программа Партии справедливости и развития. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar> (дата обращения: 12.07.2014).

секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру от 20 марта 1986 г.¹ Не менее важным источником является письмо президента Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК) Р. Денкташа Генеральному секретарю ООН от 21 апреля 1986 г.² Позицию Турции в отношении ТРСК помогает раскрыть письмо постоянного представителя Турции в ООН Инала Бату, адресованное председателю Совета Безопасности ООН от 23 января 1995 г.³

Крупный государственный и политический деятель Турции, премьер-министр страны в 2014–2016 гг. А. Давутоглу оказал большое влияние на формирование внешней политики Турции 2000-х гг. В 2001 г. он опубликовал книгу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции». Этот источник важен для раскрытия теоретической основы новой внешней политики Турции начала XXI в.⁴

Ценными источниками являются выступления высших должностных лиц государств. Например, выступление министра иностранных дел Республики Кипр Георгиеса Иакову перед Советом Безопасности ООН в связи с провозглашением независимого «Турко-Кипрского» государства⁵, речь Генерального секретаря ООН К. Вальдхайма от 9 августа 1980 г.⁶, выступление министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу 14 апреля 2017 г.⁷

---

¹ President Kyprianou's letter to U.N. Secretary – General // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 78.

² Mr. Denktash's Letter to the U.N. Secretary General dated 21 April 1986 // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem; President Kyprianou's Letter to the U.N Secretary General dated 20 April 1986 // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 106.

³ Letter dated 23 January 1995 from permanent representative of Turkey to the United Nations addressed to the president of the Security Council // United Nations. Security Council. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/42167/S_1995_71-EN.pdf?sequence=3&isAllowed=y (дата обращения: 12.10.2017).

⁴ Davutoglu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2016.

⁵ Выступление Г. Иакову перед Советом Безопасности ООН в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия, 1983.

⁶ The U.N. Secretary – General's opening statement on 9 August 1980 / The Cyprus Problem. Historical review and latest developments. Nicosia, October, 1997. P. 141.

⁷ Turkish Foreign Minister Cavusoglu: “There is no sincere effort from the Greek Cypriot side to resolve the Cyprus Problem” // TRNC Public Information Office. URL: <http://pio.mfa.gov.ct.tr/en/turkish-foreign-minister-cavusoglu-there-is-no-sincere-effort-from-the-greek-cypriot-side-to-resolve-the-cyprus-problem/> (дата обращения: 28.09.2017).

В контексте политики Европейского союза в отношении желания Турции стать членом ЕС, а также отношений с Грецией как членом ЕС внимания заслуживают документы, резолюции, договоры, принятые ЕС и ООН (в том числе Советом безопасности ООН) в отношении стремления Турции к членству в ЕС и по Кипрской проблеме¹. Значительными источниками по исследованию Кипрского вопроса являются резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 37/253 от 13 мая 1983 г.², № 550 от 11 мая 1984 г.³, № 541 от 18 ноября 1983 г.⁴, № 649 от 12 марта 1990 г.⁵, заявление Генерального секретаря ООН от 22 февраля 1990 г. (S/2160), резолюция ООН по Кипру, принятой Европарламентом 14 марта 1991 г.⁶

Нельзя не упомянуть публикации в периодических изданиях. Это статьи в немецком журнале «Шпигель»,⁷ французской газете «Ле Монд»⁸, газетах Северного Кипра: «Гюнайдын»,⁹ «Йенидузен»¹⁰ и др. Также представлены материалы турецких изданий «Хюрриет», «Миллиет», «Заман», американ-

---

¹ U.N. Security Council Resolution 550 (11.5.84) /Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem; Agenda for the Third Round of the Secretary-General's Proximity Talks on Cyprus //Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem p. 43; Notes on «Draft Framework agreement on Cyprus» of 29 Marh, 1986 (Cyprus Government positions) / Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. p.111; Resolution 15.3.1990 // European stand on the Cyprus Problem. London, June 2001. P. 91.

² U.N. General assembly resolution 37/253 of 13 May 1983 / The Cyprus Problem. Nicosia, 1997. P. 143.

³ Security Council Resolution 550 of 11 May 1984 // The Cyprus Problem. Historical review and latest developments. Nicosia, October, 1997. P. 152.

⁴ U.N. Security Council Resolution 541 of 18 November 1983 // The Cyprus Problem. Historical review and latest developments. Nicosia, October, 1997. P. 147.

⁵ U.N. Security Council Resolution 649 (1990) // The Cyprus Problem. Historical review and latest developments. Nicosia, October, 1997. P. 166.

⁶ Resolution on the application of United Nations Resolutions on Cyprus, adopted by the European Parliament on 14 March 1991 // The Cyprus Problem. Historical review and latest developments. Nicosia, October, 1997. P. 173.

⁷ Der Spiegel 17.7.1978 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 230–31.

⁸ Le Monde. The Cypriot crisis: Shaking off the general indifference 19.5.1979 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 230.

⁹ Gunaydin: 7-14.1.1986 (special supplement on Cyprus) // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. July 2001. P. 231.

¹⁰ Yeniduzen (newspaper) 14.2.1990 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 231.

ских – «Нью-Йорк таймс», российских – «Российская газета», портал «Regnum», «Время новостей» и др. Из средств массовой информации почерпнуты оценки визитов государственных деятелей, тексты интервью известных политиков, коммюнике по итогам переговоров¹.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Раскрыты изменения во внешнеполитической ориентации правительства Турции в отношении Греции за 1980-е гг.
2. Определён комплекс противоречий между Турцией и Грецией, составлявший Эгейскую проблему, выявлено их происхождение и состояние в 1980-х гг.
3. Раскрыты причины возникновения Кипрского вопроса, охарактеризована политика Турции в отношении Кипра в 1980-е – 1990-е гг.
4. Выявлены изменения параметров турецко-греческих противоречий в новых геополитических условиях 1990-х гг.
5. Определены причины, сущность и этапы развития кризиса в греко-турецких отношениях в Эгейском регионе в 1990-х гг.
6. Установлены изменения в трактовке Кипрской проблемы Турцией в 1990-х гг., роль международных организаций в урегулировании Кипрского вопроса.
7. Интерпретирована новая внешнеполитическая доктрина Турции и её возможность для улучшения отношений с Грецией в начале XXI в.

---

¹ В Афинах сжигают турецкий флаг на фоне успешных греко-турецких переговоров // Regnum. Информационное агентство. 15 мая 2010 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1283988.html> (дата обращения: 20.04.2016); Тарасов. Турция хочет пересмотреть границы: Эрдоган ругает Ататюрка и Лозаннский договор // Regnum. Информационное агентство. 30 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2186919.html> (дата обращения: 02.04.2017); Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 05.04.2016); Мельник Г. МИД Греции о политике Турции по пересмотру границ // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21062-mid-gretsii-o-politike-turtsii-po-peresmotru-granits.html> (дата обращения: 28.04.2017); Онойко П. В Турции назвали «шоу» визит греческого министра на спорный остров // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21010-v-turtsii-nazvali-shou-vizit-grecheskogo-ministra-na-spornyj-ostrov.html> (дата обращения: 28.04.2017); Лабеецкая К., Тарутин И. Кипрский провал Евросоюза. Греческий Юг отказался объединяться с турецким Севером // Время новостей. 2004. № 72. 26 апр. URL: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 10.01.2015).

8. Определены причины неудачи попыток решения Кипрского вопроса в начале XXI в.

Положения, выносимые на защиту:

1. После передачи власти военных гражданскому правительству и установления Третьей Республики новая правящая элита Турции начала отходить от кемалистских принципов ведения внешней политики. Происходит усиление националистических и традиционалистско-исламских тенденций. В силу этих обстоятельств отношения с Грецией не могли развиваться в обстановке доверия. Турецко-греческие отношения этого периода – напряжённые. Основные причины сложностей в отношениях двух стран – последствия оккупации Кипра турецкими войсками в 1974 г. Приход к власти в Греции не симпатизировавшей Турции партии ПАСОК под руководством А. Папандреу накладывал определённые трудности на установление позитивного диалога. В то же время к власти в Турции приходит архитектор реформ и прагматик Т. Озал, который был не против переговоров по ключевым спорным аспектам и установления позитивных отношений с Грецией.

2. Комплекс проблем по Эгейскому морю, возникший в 1970-е гг., получил своё развитие в 1980-е – 1990-е гг. Турецкое правительство резко выступило против стремления Греции расширить свои территориальные воды в Эгейском море до 12 миль. По мнению турецкой стороны, реализация греческих стремлений превратит Эгейское море в закрытое «греческое озеро». Тем не менее, набор мер против Афин у турецкого правительства был весьма ограничен, поскольку Греция не только являлась членом НАТО, но и ЕС, в которую Турция не одно десятилетие стремилась.

3. На протяжении 1980-х гг.– начала XXI в. Турция последовательно влияла на внешнюю и внутреннюю политику Турецкой Республики Северного Кипра. В эти годы проходила активная колонизация Северного Кипра турками из внутренних регионов Турции. Это, наряду с присутствием турецких войск на острове, создавало опасность для населения Республики Кипр. Установлено, что колонизация севера Кипра анатолийскими турками встре-

тила негативную оценку со стороны турок-киприотов. Греция и Республика Кипр стремились «интернационализировать» проблему острова для защиты от новой возможной агрессии со стороны Турции.

4. В 1990-е гг., после краха СССР, изменилось положение Турции, которая активизировала географически близкое к Греции балканское направление. Своё влияние Турция усиливала за счёт ослабления позиций Греции в регионе. Положение турецкого меньшинства греческой Западной Фракии Анкара использовала для того, чтобы выставить греческие власти в глазах ЕС как сторону, склонную к проведению дискриминационной политики в отношении турок. Кроме того, для Турции было чрезвычайно важно вступление в ЕС. По этой причине идти на прямую конфронтацию с западным соседом турецким правительствам было бессмысленно. Со своей стороны, Греция пыталась использовать своё членство в ЕС для давления на Анкару. Греция «пошла навстречу» Турции в отношении её стремления к членству в ЕС. Причиной такой политики Греции являлось её стремление «умиротворить» потенциального агрессора общим членством в ЕС. Таким образом, это создало бы второй сдерживающий фактор (после общего членства в НАТО) в предотвращении эскалации конфликтов.

5. Разногласия между Турцией и Грецией в Эгейском море осложняли и напряжённость между странами на протяжении 1980-х–1990-х гг. Территориальные воды и континентальный шельф Эгейского моря имели как военно-стратегическое, так и экономическое значение для обоих государств, поэтому из-за спорных островов в пограничной акватории Эгейского моря, между обоими государствами происходила конфронтация. Неуступчивость турецких и греческих политиков можно объяснить отсутствием желания нести репутационные потери в глазах общественности обоих государств. Что касается возможности вооружённого конфликта, то в этом вопросе давало о себе знать членство Турции и Греции в НАТО. Вероятность военного конфликта снижалась не только из-за вмешательства третьих сторон в лице НАТО и США. Прежде всего, военный конфликт был невыгоден обеим сторонам. В

этом случае, вопрос о членстве Турции в ЕС был бы отброшен на неопределённый срок. В свою очередь, Греция, скорее всего, осталась бы один на один с более сильным по ресурсам противником.

6. В начале XXI в. со стороны ООН предпринимались попытки урегулировать Кипрскую проблему. В частности, в 2004 г. при участии Генерального секретаря ООН К. Аннана была предпринята попытка решения Кипрского вопроса через проведение референдума по объединению острова. Референдум провалился по причине отказа греков-киприотов принять этот план урегулирования, в то время как население ТРСК в большинстве приняло данный план как решение насущного вопроса.

7. Новая внешнеполитическая доктрина Турецкой Республики в своей основе была компромиссной – «ноль проблем с соседями». Теоретическим обоснованием концепции явилась книга министра иностранных дел, а впоследствии премьер-министра Турции А. Давутоглу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции». По сути, внешнеполитические амбиции Турции никуда не исчезли, они лишь обрели новую форму так называемой «мягкой силы». Это означало стремление правящей элиты Турции к усилению её влияния не только на соседние государства, но и на те, которые ранее входили в состав Османской империи. Таким образом, эту идеологию можно отождествлять с «османизмом». Не составили исключение и взаимоотношения с Грецией. Вместе с проводившимся курсом на сближение и смягчение отношений, элита Турции не забывала о своих устремлениях. Например, в Эгейском вопросе А. Давутоглу полностью подтверждал позицию своих предшественников. Таким образом, старые разногласия не исчезли.

8. Несмотря на попытки международных организаций урегулировать Кипрскую проблему, шанс на компромиссное объединение греческой и турецкой общин Кипра в единое федеративное государство провалился. В начале XXI в. ТРСК фактически продолжала являться «вилайетом» Турции. Отрицательным последствием такового положения для Анкары было то, что это один из главных препятствий на пути к членству в ЕС. Для Республи-

ки Кипр свершившееся вступление в ЕС означало также форму «энозиса», так как два «братских» государства стали членами европейского интеграционного объединения.

Соответствие диссертационного исследования Паспорту специальности ВАК. Представленное диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история), в том числе: пункту 6. Новейшая история (XX – XXI вв.); пункту 8. История цивилизации, стран, регионов, народов; пункту 16. Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление глобальной цивилизации.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения понятийного аппарата и выводов диссертации при осмыслении не только внешней политики Турции в Восточном Средиземноморье, но и общей типологии аннексионистских и ирредентистских межгосударственных конфликтов в новейшей истории. Теоретические обобщения автора открывают возможности системного анализа роли Восточного Средиземноморья во внешней политике Турции. Автором предложен алгоритм исследования политики Турции в отношении Греции и Кипра в контексте эволюции внешнеполитической позиции сменяющих друг друга правительственных кабинетов, разработки технологий урегулирования долгосрочных конфликтов.

Практическая значимость диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в научных изысканиях по Восточному Средиземноморью, в учебном процессе высших учебных заведений по направлениям подготовки «История» и «Зарубежное регионоведение», в том числе в преподавании дисциплин по новейшей истории Запада, новейшей истории Востока, истории международных отношений, внешней политике Турции и Греции, регионоведению, при подготовке специальных курсов.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована на заседании кафедры всеобщей истории и международных

отношений Кубанского государственного университета. Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены и обсуждены на международных конференциях, в частности: международной научно-практической конференции «Проблемы новистики и исторического славяноведения (памяти С.В. Павловского)» (Краснодар, 2010 г.); VIII международной научной конференции востоковедов «Страны Востока: прошлое в настоящем» (Краснодар, 2011 г.); XX международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2015 г.); международной научно-практической конференции «Турция и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей» (Краснодар, 2016 г.) и др. По основным аспектам исследования опубликовано 9 статей общим объемом 4,2 п.л., в том числе – 4 статьи в ведущих научных рецензируемых изданиях, входящих в перечень рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы обусловлена целью и задачами данного исследования и подчинена проблемно-хронологическому принципу исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ И КИПРА В 1980-Е ГГ.

1.1. Основные тенденции во внешней политике Турции в 1980-е гг. и отношения с Грецией

Как известно, противоречия и проблемы между государствами чаще всего возникают по целому ряду факторов: этноконфессиональных, экономических, историко-психологических и т.д. Эти факторы вполне применимы для понимания проблем между Турцией и Грецией, так же, как и между обеими общинами Кипра. Противоречия, возникающие между государствами и народами можно разделить на две группы. В первую группу входят те, появление которых исходит от элит государств, а нации выполняют лишь роль исполнителей этих процессов. Вторую группу противоречий составляют те межгосударственные проблемы, которые «живы» в исторической памяти народов часто до складывания наций. В этом случае элита вынуждена балансировать между прагматизмом и выполнением роли «поборников справедливости» в глазах общества. Однако, это не означает, что в далёком прошлом процесс появления этих противоречий не исходил от правящих кругов или влияния третьих сторон. Во вторую группу противоречий и входят проблемы между Турцией и Грецией также, как и острые противоречия между турками и греками Кипра. Поэтому субъектность обеих наций в турецко-греческих противоречиях очевидна.

Для того чтобы изучить внешнюю политику Турции в отношении Греции, нужно разобраться в особенностях внешнеполитической доктрины Анкары со времён правления Кемаля Ататюрка. Ряд исследователей по данной теме считает, что составной частью внешней политики Турции, как правило, являются методы и способы достижения поставленных целей. Характеризуя политику турецкого внешнеполитического ведомства в этом вопросе, можно отметить, что, по крайней мере, до 1990-х гг. преобладали такие тенденции

как осторожность, пассивность и стремление сохранить статус кво. В 1968 г., вспоминая ранний период существования Турецкой Республики, бывший президент Исмет Иненю говорил: «В своей внешней политике нам следует уклоняться от создания себе врагов... Нам нужно вести свою внешнюю политику осторожно, не допуская каких-либо резких действий, которые могли бы настроить против нас любое из сильных государств»¹.

Для понимания сути внешней политики Турции 1980–1990-х гг., следует уяснить то, что представляла собой политическая элита страны. На протяжении десятилетий, вплоть до окончания «холодной войны», основной задачей всех сменяющих друг друга правительств Турции было оградить низы общества от воздействия социалистической и коммунистической идеологий. Наиболее эффективным средством против подобных идеологических течений, также как, впрочем, и от исламизма, мог выступить тюркизм (турецкий национализм). Во время Второй мировой войны и после её завершения, в Турции стал набирать силу так называемый пантюркизм². В отличие от кемализма эта идеология считалась крайне националистической даже в самой Турции. Под ее лозунгами была создана партия «Националистического движения» (МНР) во главе с Альпарсланом Тюркешем (умер в 1997 г.). В конце 1970-х гг. партия А. Тюркеша стала набирать силу. Однако очередной военный переворот 1980 г. под кемалистскими лозунгами устранил угрозу усиления А. Тюркеша. По мнению Н.Г. Киреева, «вернуть политическую элиту Турции к политике первоначального кемализма у генералитета теперь уже не было возможности. К тому же, сама военная верхушка Турции заметно отличалась от прежних кемалистских генералов. Возрождённое после ухода военных от власти гражданское правительство нельзя назвать кемалистским»³. Ученый объясняет это тем, что, идеологией турецкой элиты стала представ-

---

¹ Раштда М. Основные задачи и цели внешней политики Турции // Ближний Восток и современность. Сборник статей. М., 2010. Вып. 41. С. 133.

² Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М., 2017.

³ Киреев Н.Г. Метаморфозы правящей элиты Турции // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С. 81.

ленная в различных нюансах концепция турецко-исламского синтеза. Этот принцип был провозглашён на высшем совете имени Ататюрка 20 июня 1986 г., который проходил под председательством президента К. Эврена и с участием премьер-министра Т. Озала¹. Таким образом, элита новой Третьей Республики отходила от сугубо кемалистского курса во внешней политике.

Во внешней политике Турции конца 1970-х – начала 1980-х гг. важное место продолжали занимать острые противоречия с Грецией. На повестке дня оставались такие ключевые темы двусторонних разногласий, как кипрское урегулирование и комплекс споров, связанных с водами Эгейского моря.

Одним из наиболее важных событий до рассматриваемого периода являлось соглашение об ассоциации Греции с ЕЭС, подписанное 28 мая 1979 г. в Афинах. Примечательно, что Турция в принципе не возражала против полного членства Греции в ЕЭС, хотя в Анкаре не скрывали своего беспокойства в связи с тем, что этот шаг мог привести к возникновению препятствий развитию отношений между Турцией и Европейским сообществом. Министр иностранных дел Турции Ахмет Гюндюз Окчун, в частности, заявил о необходимости не допускать возможности превращения двусторонних турецко-греческих противоречий в проблему между Турцией и ЕЭС. Он высказывался за создание некоего политического консультативного механизма, который регулировал бы связи Турции с ЕЭС. Стоит отметить, что до начала официальных переговоров с Грецией (март 1976 г.) руководство ЕЭС попыталось успокоить Турцию путём разработки пакета предложений, где предусматривалось предоставление ей финансовой помощи, увеличение турецкого экспорта в страны Сообщества, учреждение консультативного органа в области политико-экономического сотрудничества. Однако на практике, этот пакет предложений оказался далёким от реализации, что было расценено турецкой стороной как нарушение баланса между партнёрами. Турецкое правительство

---

¹ Киреев Н.Г. Метаморфозы правящей элиты Турции // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000. С. 82.

посчитало себя проигравшей стороной и отказалось от участия в заседаниях Совета по ассоциации¹. Так, западная печать охарактеризовала поездку премьер-министра Турции Бюлента Эджевита по ряду стран Западной Европы в мае 1978 г. как «последнюю карту», которую Турция разыгрывала в стремлении добиться хотя бы временного отказа ЕЭС принять в свои члены Грецию до тех пор, пока не будут урегулированы Кипрский вопрос и вопросы двусторонних отношений. Иллюзорный дипломатический успех выразился в том, что министр иностранных дел Великобритании Д. Оуэн на совещании ЕЭС в Дании призвал вновь рассмотреть все аспекты вступления Греции в «Общий рынок» в связи с отношениями последней с Турцией.

5 февраля 1980 г. во время встречи представителей ЕС и Турции по вопросу ассоциации, в Европейском сообществе уверяли Анкару в том, что вступление Греции не отразится на отношениях между Турцией и ЕС. Однако Греция, по мнению турецкой исследовательницы Бехидже Озлем Гёкакын, безусловно имела возможность мешать вступлению Турции в Европейское сообщество. По её мнению, «Греки радостно использовали своё членство в ЕС, для шантажа турок Кипрским вопросом»². Данные обстоятельства ухудшили отношения Анкары и ЕС.

В 1980-х гг. Турция ассоциировалась с Партией отечества (ПО, турецкая аббревиатура АНАП) и её лидером Тургутом Озалом, а Греция – с Всегреческим социалистическим движением (ПАСОК) и её лидером Андреасом Папандреу. Для того, чтобы разобраться в турецко-греческих отношениях того времени, следует внимательно рассмотреть философию этих двух партий в контексте меняющейся конъюнктуры мира.

После победы на выборах в Греции социалиста Андреаса Папандреу в октябре 1981 г., отношения Греции с Турцией стали ухудшаться. Это объясняется, главным образом, тем, что в это время у власти в Турции находились

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 37.

² Gokakin B. The Turko – Greek dispute and Turkey's Relations with the European Union. Ankara: January, 2001. P. 62.

военные. А. Папандреу приостановил диалог с властями Турции частично из-за того, что был против правительства, управляемого генералитетом, частично из-за продолжающегося присутствия турецких войск на части территории Кипра. В связи с этим, он неоднократно заявлял на греческих и западных форумах о реальной угрозе безопасности Греции со стороны Анкары. Кроме того, он подчёркивал, что турецкая угроза гораздо более реальна и значительна, чем со стороны СССР и стран Варшавского договора. Риторика греческого лидера становилась жёстче на фоне обнаружения минеральных ресурсов в спорных водах Эгейского моря и, как следствие, военного напряжения в этом районе¹. Ситуацию изменил приход к власти в Турции в 1983 г. правительства Тургутта Озала. Новый турецкий лидер сразу же произнёс несколько примирительных речей и предложил договор о ненападении с Грецией.²

Одним из самых актуальных вопросов для внешней политики Турции в 1980-е гг. являлся вопрос вступления в ЕС через призму взаимоотношений с Грецией как члена этой организации. Стремление Греции быстро вступить в ЕС объяснялось турецкими аналитиками желанием первой получить поддержку объединённой Европы в Эгейском вопросе. Однако, по мнению В.А. Шмарова, истинные цели ориентации внешней политики Греции заключались в снижении экономической зависимости от США, получении помощи от объединённой Европы для достижения внутренней стабильности³.

Что касается восточного соседа Греции, то можно отметить, что он стал ассоциированным членом ЕЭС в соответствии с подписанным в Анкаре договором 1963 г., который вступил в силу 1 декабря 1964 г. Однако рост внешнеторгового дефицита негативно сказался на отношениях между Турцией и ЕЭС. Турция требовала от ЕЭС повышения квоты и снятия таможенных ограничений на экспорт в страны Западной Европы турецкой сельскохозяй-

---

¹ Athanassopoulou E. Greek foreign policy and the Middle East: from possibility to fulfilment? // Byzantine and modern greek studies. 2010. Vol. 34. N. 2. P. 223.

² Fascell D. Committee on Foreign Affairs. 1983. P. 2.

³ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 38.

ственной продукции. Анкара также высказывалась об увеличении ей финансовой помощи, как и о реализации договорённости «о свободном передвижении рабочих» в странах «девятки» и их гарантированном трудоустройстве. В ответ на эти требования представители ЕЭС заявляли, что не в состоянии удовлетворить эти требования Турции, оглашаясь лишь на частичные уступки. Например, ЕЭС обещал предоставить ряд льгот на экспорт только отдельных видов сельскохозяйственной продукции из Турции. В то же время, за экспортёрами из стран ЕЭС были закреплены льготы, наносящие ущерб турецким производителям. Государства ЕЭС заявили, что пойдут навстречу Турции в предоставлении её рабочим возможности получить работу, но предупредили, что турецкий эмигрант получит работу лишь в случае, если на его место не будет претендовать гражданин той страны, в которую он прибыл. Кроме того, можно отметить, что непризнание многими европейскими государствами Турецкой Республики Северного Кипра оказывало значительное воздействие на отношения Турции и ЕЭС. В этой связи членство Греции в ЕЭС было наиболее важным, поскольку Афины имели возможность, используя своё право вето бойкотировать любые решения, направленные на интеграцию Турции в ЕЭС¹.

В 1983 г. Турция вернулась к демократическим выборам и многопартийной политической системе. В декабре 1983 г. Партия Родина выиграла выборы в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ – турецкий парламент) со значительным преимуществом (набрав 45% голосов), несмотря на то, что влиятельные военные круги во главе с президентом – Кенаном Эвреном поддерживали другую партию. Теперь эта партия контролировала большинство мест в ВНСТ². Достаточно интересно, что Тургут Озал был единственным человеком в партии, пользовавшимся популярностью внутри страны и за рубежом.

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 39.

² Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 132.

После всеобщих выборов в 1984 г. Т. Озал был избран премьер-министром и пробыл на этом посту до 1989 г. До своего возвышения, в течение трёх лет после военного переворота 1980 г., он был основным экономическим советником военных властей. Под его руководством правительство сделало дальнейшие шаги в сторону либерализации турецкой экономики и свободного рыночного капитализма¹. Положительный отзыв о Т. Озале был напечатан в английском журнале «Экономист», в соответствии с которым за предыдущие 50 лет никто из турецких руководителей не мог сравниться с его заслугами². Его уникальность проявилась благодаря способности обсуждать политические и экономические проблемы раскованно и открыто. Стиль его общения Т. Озала был естественным и не слишком замысловатым. Разрушая доминирующее табу в обсуждении экономических и политических вопросов, общественность сразу же прониклась симпатией к этому лидеру, который, несмотря на то, что мало обещал, трезво оценивал обстановку. Наконец в Турции появился лидер, который смог заострить внимание на экономических вопросах. В этих обстоятельствах Т. Озал быстро завоевал симпатии турецкого народа. Т. Озал положительно зарекомендовал себя не только в рамках Турции, но и по всему миру. Во внешнеэкономических и финансовых кругах он быстро завоевал поддержку Международного валютного фонда и Всемирного банка. Политическим приоритетом для Т. Озала было вывести Турцию из трудного финансового положения. Ему пришлось использовать все средства для создания обстановки, которая помогла бы турецкой экономике встать на ноги³.

Важно отметить и влияние США и ЕС на Турцию. В то время Турция стояла лицом к лицу перед несгибаемыми Европой и США, выполнявшими роль союзников только на словах, перед традиционным противником Советским Союзом, а также Болгарией, Сирией, Ираном и Ираком и, наконец, Гре-

---

¹ Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 132.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 44.

³ Oran B. Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents. 2010. P. 582.

цией. Это самое разнообразное давление ставило внешнюю политику Турции в довольно уязвимое положение. В этой связи на втором месте по значимости для Т. Озала стояло сломать эту напряженность в отношениях с соседями и начать диалог для решения всех внешнеполитических проблем. С 1985 г. отношения с соседними государствами стали налаживаться, несмотря на существующие расхождения. Так, было достигнуто взаимопонимание с Сирией, распутаны некоторые узлы с Ираном и Ираком, найдено решение проблем с СССР, был возобновлён диалог с Болгарией, снизилось и напряжение с Европой.

Предметом особой важности для Т. Озала был поиск путей для улучшения отношений с Грецией. Этот аспект он считал первоочередной задачей во внешней политике своей страны¹. В своей первой правительственной программе он выдвинул курс, называемый в Турции «политикой оливковой ветви»². Т. Озал мотивировал свой курс тем, что, по его мнению, для эгейских стран нет причин продолжать политику конфронтации. Он считал, что общие интересы в добром соседстве и экономической кооперации перевешивают проблемы, разделяющие две страны. Разрешение конфликта может пойти на пользу обоим государствам. В соответствии с этой позицией Т. Озал неоднократно предлагал открытые переговоры с греческим правительством по всем вопросам, особенно касающимся сотрудничества в сфере экономики и туризма. По мнению исследователя Мехмета Али Биранда, политика Т. Озала отличалась от политики его предшественников рядом важных аспектов: Т. Озал считал, что только конструктивные переговоры создадут новый импульс для урегулирования отношений с Грецией, вытаскают отношения с соседней страной из системы «окаменелой» бюрократии и застойных рамок «военной обороны»; греческое общество должно быть заинтересовано в турецких инициативах по урегулированию спорных вопросов, т.к. считал, что

---

¹ Birand M.A. Turkey and the Davos Process: Experiences and Prospects // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences / ed. by D. Conostas. Bonn, 1991. P. 29.

² Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London, N.Y., 2004. P. 66.

Греция боится Турции¹. Этот подход согласовывался с «классическим» мотивом внешней политики Турции о том, что экономическая и социальная модернизация страны будут достигнуты наилучшим способом, если Турция будет иметь стабильные и мирные отношения с соседними государствами. В контексте экономических и политических планов подготовить страну к желаемому членству в ЕС и превратить её в экономического лидера восточного Средиземноморья, Т. Озал был заинтересован в уменьшении внешнеполитического давления на Турцию². Это касалось не только взаимоотношений с Грецией. Например, Анкара провозгласила нейтралитет по отношению к ирано-иракской войне 1980–1988 гг., параллельно укрепляя отношения с Сирией, а также делая попытки прийти к соглашению с Болгарией. С обеими последними странами Турция имела серьёзные разногласия, такие как, например – спор из-за провинции Хатай и положение турок в Болгарии. Проводя свою внешнеполитическую линию, Т. Озал принципиального сопротивления внутри Турции не ощущал, так как этот курс находился в полном соответствии с кемалистской традицией внешней политики. Критика со стороны политической оппозиции и иногда турецкой прессы, направленная на процедурные или тактические вопросы, состояла в предупреждении против слишком ранних или значительных уступок Турции, которые могут не привести к эквивалентным движениям со стороны Греции.

Следует отметить, что до 1981 г. турецко-греческие отношения оставались в атмосфере «диалога», хотя стороны никогда не приходили к согласованию ни одного конкретного вопроса. После турецкой оккупации Северного Кипра отношения изменились в худшую сторону³. Приход к власти в Греции партии ПАСОК также не способствовал поиску компромисса по основным проблемам двусторонних отношений. А. Папандреу, чётко осознавая нега-

---

¹ Birand M.A. “Turkey and the Davos Process”: Experiences and Prospects // *The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences ...* Bonn, 1991. P. 30.

² Aydin M., Ifantis K. *Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean*. London, N.Y., 2004. P.66.

³ Oran B. *Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents*. 2010. P. 582.

тивное мнение Европы, созданное о Турции из-за прихода к власти военной администрации, изменил политический подход Греции в отношении Турции, предприняв ряд действий в этом направлении. После прихода к власти в Турции в 1984 г. Т. Озала, А. Папандреу не изменил своей политики в отношении восточного соседа. Он полагал, что выборы в Турции были проведены под давлением и далеко не прозрачны. Кроме того, А. Папандреу считал, что правительство Партии отечества и Т. Озал находились под влиянием военных, поэтому, рассматривал новое турецкое правительство как одно из тех, которые не игнорируют военные методы в решении спорных вопросов¹. Так, А. Папандреу поднял вопрос о возможной турецкой опасности в НАТО и в других влиятельных организациях. В Европейском парламенте А. Папандреу не упускал случая критиковать нарушение прав человека, и, в целом, демократию в Турции, тем самым сыграв важную роль в уменьшении доверия между Турцией и ЕС. Также А. Папандреу довольно успешно использовал греческое лобби в американском Конгрессе, поддерживал турецких диссидентов, курдских и армянских активистов. В конце концов, Греция порвала связи с Турцией из-за присутствия военных у власти. А. Папандреу заявил, что возобновит диалог только на двух условиях: вывод турецких войск из Кипра, признание Турцией прав Греции на Эгейский регион. Кроме того, в общественном мнении обеих стран были сильны идеи о «турецкой» и «греческой» угрозах. Например, на конгрессе ПАСОК 10 мая 1984 г. А. Папандреу назвал членов турецкого правительства шовинистами и империалистами². Со своей стороны, Т. Озал заявил, что Турция не имеет никаких претензий на земли Греции и призвал к началу двустороннего диалога. Однако, готовившийся к выборам 1985 г. А. Папандреу не предпринял встречных шагов и заявил, что в рамках Новой военной доктрины он снова собирается перейти к размещению греческих военных сил на островах Эгейского моря. 17 декабря

---

¹ Birand M.A. Turkey and the Davos Process: Experiences and Prospects // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. Bonn, 1991. P. 29.

² Oran B. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 585.

1984 г. греческие войска были передислоцированы в сторону турецкой границы, на что министерство иностранных дел Турции заявило, что данные действия Афин противоречат целям НАТО, поэтому Турция предпримет все необходимые меры для своей защиты. Стоит отметить, что в то время из-за кампании по изменению имён у болгарских турок, были испорчены и болгаро-турецкие отношения.

Напряжение в двусторонних отношениях породило опасность роста вооружений, что привело бы, в конечном счете, к истощению экономик обеих государств. В этой связи Т. Озал отличался от других турецких премьер-министров тем, что понимал, что единственный путь решения конфликта – перевести отношения с Грецией в русло доверия и сотрудничества¹. Пытаясь решить старые проблемы через привычные официальные каналы, он полагал, что гораздо легче отбросить какую бы то ни было враждебность между двумя сторонами, открывая новые сферы деятельности для сотрудничества – от туризма до коммерции. Турецкий премьер отбросил старую идею о том, что «греки никогда не приблизятся к нам». Несмотря на критику в СМИ и тот факт, что Греция не шла навстречу такой политике, Т. Озал продолжал свой курс. Он верил, что, в конце концов, заметив разумность турецких намерений, греческий премьер-министр возобновит переговоры между государствами.

В то время, когда все турецкие СМИ и правящие круги оценивали А. Папандреу как неуравновешенного политика, Т. Озал воспринимал его всерьёз и надеялся на сдвиг к лучшему в двусторонних отношениях.

Для создания атмосферы взаимного доверия, Т. Озал сделал первый шаг в этом направлении, предприняв следующие меры:

1. В качестве односторонней меры отменил визовые ограничения для граждан Греции, желающих посетить Турцию;

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London; N.Y., 2004. P. 87.

2. Создал благоприятные условия для развития двусторонней торговли и предпринимательства;
3. Пересмотрел политическую линию 1964 г., касающуюся владения имуществом греческими гражданами в Стамбуле;
4. Подготовился подписать серию соглашений, включающих договор о ненападении (предложение Греции);
5. Правительству было запрещено делать враждебные заявления в адрес Греции¹.

Подготовка переговоров Т. Озала и А. Папандреу держалась в тайне министерствами иностранных дел обеих стран. Считалось, что если эта новость просочится в прессу, то А. Папандреу под давлением общественного мнения в Греции будет вынужден отказаться от переговоров. Была запланирована встреча глав государств в Давосе под руководством председателя Международного экономического форума Клауса Шваба. На 2 февраля 1986 г. был назначен совместный завтрак двух премьер-министров. По причине того, что одна из турецких газет опубликовала эту новость, А. Папандреу в одностороннем порядке отменил завтрак и первая встреча в Давосе была сорвана.

Тем не менее, были сделаны первые попытки двустороннего диалога, правда, безуспешные. Не стал исключением март 1987 г. Начало общению двух премьеров послужила переписка, содержание которой неизвестно. После победы Т. Озала на выборах 1987 г., А. Папандреу отправил ему поздравительную телеграмму, а также проинформировал Т. Озала о том, что готов к незапланированным переговорам.

Примечательно, что турецко-греческий диалог начался не с обсуждения исторически укоренившихся проблем, а с их умалчивания. Встреча двух лидеров состоялась как частная встреча, поэтому разговоры о начале диалога были не больше чем просто слова. Но важность состояла в том, что переговоры начались. Стремление к диалогу с Афинами соответствовало внешне-

---

¹ Yeshiltash M., Balji A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map // Center for strategic research. 2013. № 7. May.

политическому курсу правительства Т. Озала. Следуя политике улучшения отношений с Грецией, Т.Озал сделал несколько предложений о примирении, включая договор о ненападении, а также намёки на более гибкую позицию в международном судебном решении по вопросу континентального шельфа Эгейского моря.

Кроме того, многие наблюдатели объясняли примирительную позицию Т. Озала стремлением к полноправному членству в ЕС. Учитывая то, что Турция являлась ассоциированным членом ЕС с 1963 г., с 1987 г. наметилась линия продвижения к полному членству в ЕС. В связи с этим многие эксперты отмечали активность Т. Озала добиться новой встречи в Давосе. Это объяснялось его стремлением продемонстрировать политическую и дипломатическую привлекательность Турции для Европы¹. Мартовский кризис между Турцией и Грецией 1987 г. в Эгейском море (из-за нефтеносного шельфа, см. п. 1.2) также прибавил мотивации турецкому правительству для нормализации отношений с Афинами. Т. Озал, чей политический авторитет в немалой степени основывался на его реформаторском курсе и экономических успехах Турецкой Республики, был обеспокоен тем, что конфронтация с Грецией могла навредить экономическим интересам страны.

Что касается позиции правящих кругов Греции, то здесь, по мнению греков, можно отметить заинтересованность стран Запада и, в частности, США, в продолжении турецко-греческих противоречий. Для Греции это означало необходимость размещения на своей территории американских военных баз из-за возможной угрозы со стороны Турции. Для последней – вмешательство третьих сторон, которые выступали против членства Турции в ЕС и использовали для этого турецко-греческие противоречия. Лидеры обоих государств понимали, что двусторонний диалог может устранить возможность внешних сил манипулировать и влиять на турецко-греческие отношения. Премьер-министр Греции А. Папандреу в своих многочисленных публичных заявлениях отмечал два фактора, повлиявших на его стремление

---

¹ Fascell D. Committee on Foreign Affairs. W., 1988. P. 5.

проводить переговоры с властями Турции. Первым фактором являлся страх перед вероятностью войны. Эта вероятность возросла с тех пор, когда в марте 1987 г. Турция и Греция практически оказались на грани вооружённого конфликта. После этого кризиса А. Папандреу заявил, что он склоняется к поиску других способов для урегулирования противоречий с турецкой стороной. Второй фактор – это изменяющийся международный климат. На А. Папандреу, по-видимому, повлияла тенденция к потеплению отношений между США и СССР и встречи Р. Рейгана с М.С. Горбачёвым.

Турецкая исследовательница Дуйгу Сезер отмечала, что отношения соперничества между Турцией и Грецией долгое время значительно перевешивали союзнические (в рамках НАТО – прим. автора). По её мнению, напряженность, которая исходила от споров по Эгейским проблемам и Кипрскому вопросу, ставила обе страны на грань войны в 1980-е гг. как минимум дважды. Последним таким случаем был март 1987 г. (см. 1.2). В связи с этим, Давосская инициатива была запущена Т. Озалом и А. Папандреу для продолжения двустороннего диалога и не допущения военных действий¹.

30–31 января 1988 г. Т. Озал и А. Папандреу встретились в Давосе на международном экономическом форуме. После двухдневной серии встреч озвучена совместная декларация, в которой говорилось о том, что стороны провели переговоры, касающиеся обеих стран в дружественной обстановке. Акцент был сделан на следующем: нельзя злоупотреблять проблемами, скопившимися из-за отсутствия взаимопонимания сторон; для восстановления взаимопонимания требуется время, хорошие намерения и много труда; стороны должны сосредоточиться на становлении хороших отношений для того, чтобы не допустить повторения конфликтов, подобных последнему Эгейскому кризису².

---

¹ Sezer D. The Strategic Matrix of the SEM: A Turkish Perspective // The Greek-Turkish Conflict in the 1990-s. Domestic and External influence. Bonn, 1991. P. 119.

² Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001) Istanbul, 2010. P. 158.

Вместе с демонстрацией положительных намерений, были оглашены и конкретные решения. Провозглашалось, что будут созданы экономический и политический комитеты: экономический (Комитет совместного сотрудничества) будет призван исследовать возможности совместного торгового, информационного и культурного сотрудничества; политический будет способствовать сокращению разногласий по проблемам и действовать в направлении принятия решений. Было принято также решение о создании Делового совета или совместной Торгово-промышленной палаты с целью общения и сотрудничества гражданских и военных лиц, бизнесменов, представителей прессы. Предполагались встречи премьер-министров хотя бы раз в год, визиты обоих лидеров друг к другу, установление прямой телефонной линии, развитие сотрудничества по линии международных организаций двух стран. После встречи в Давосе, 5 февраля 1988 г. было отменено решение турецких властей от 1964 г. о замораживании недвижимости, принадлежавшей грекам в Турции¹.

Встреча между Т.Озалом и А. Папандреу в Брюсселе 3–4 марта 1988 г. завершилась совместной декларацией, согласно которой было решено воздерживаться от действий, которые могут нарушить положительное развитие двусторонних отношений. В частности, предполагалось:

1. Обсуждение вопросов проведения совместных учений национальных военных сил, а также полётов военных самолётов;
2. Возобновление работы Комитета по поиску пропавших людей на Кипре;
3. Подготовка всего необходимого для возвращения всех прав греческим гражданам в соответствии с законодательством Турции;
4. Греция перед совместным Советом ЕС – Турция, планируемым на 25 апреля 1988 г., должна была подписать протокол соглашения относительно Анкарского договора и дополнительного протокола от 1964 г.;

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001) Istanbul, 2010. P. 159.

5. Комитеты, созданные в Давосе, должны собраться в Анкаре и Афинах 26 мая 1988 г., а по приглашению премьер-министра Греции премьер-министр Турции должен был посетить Грецию с официальным визитом 13–15 июня 1988 г.¹

Следует отметить, что от работы Комитетов, созданных в Давосе, не было получено никаких конкретных результатов. Поэтому, вся надежда в достижении положительного итога переговорного процесса была возложена на визит Т. Озала в Грецию. Как было запланировано, 13–15 июня 1988 г. Т. Озал посетил Афины с официальным визитом. В состав его делегации входило 170 человек, преимущественно бизнесменов. Основной целью визита было налаживание торгово-экономических отношений, которые могли бы создать надёжную платформу для решения политических проблем. Атмосфера визита в целом характеризовалась как позитивная. Во время встречи в Афинах были предприняты серьёзные меры безопасности. В ходе встречи оба лидера не смогли договориться по списку необходимых для обсуждения текущих вопросов. Турецкая сторона предложила широкую повестку дня, включающую вопросы воздушного пространства над Эгейским морем. Греция заявила, что единственные вопросы, уместные для переговоров – континентальный шельф Эгейского моря и Кипрская проблема. В действительности А. Папандреу упомянул проблему Кипра на своей пресс-конференции после встречи с Т. Озалом. Однако он признал, что Кипр формально не является вопросом греко-турецких отношений, в то же время отметил, что «от решения Кипрского вопроса зависит ход греко-турецкого сближения»². Таким образом, в виду сложности поставленных задач, этот визит не стал ничем большим, чем заголовком на первых страницах газет³.

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 160.

² Dante B. Fascell Committee on Foreign Affairs. Washington, 1988. P. 4.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 161.

По завершению визита турецкой делегации греческая сторона изменила некоторые параметры диалога, настаивая на том, чтобы прогресс в экономических вопросах сопровождался прогрессом и в политических отношениях. На второй серии встреч Экономического и Политического комитетов 5–7 сентября 1988 г. (в это время состоялся визит министра иностранных дел Греции К. Папульяса в Анкару и визит государственного министра Турции Аднана Кахведжи в Афины), греки выразили опасение тем, что отсутствие улучшений в политической сфере приводит к выгоде одной только Турции. Со своей стороны, Турция приняла замечание, что прогресс должен иметь место в обоих Комитетах, отражая видимое желание Т. Озала удовлетворить запросы греческой общественности¹.

Большая часть проблем между обоими государствами так и осталась без реального решения. Виной такому положению дел являлось оставившее негативный отпечаток на общественное мнение Греции турецкое военное присутствие на севере Кипра. Также имели место националистические настроения в Турции. Таким образом, наиболее значительные аспекты турецко-греческих противоречий – такие как Эгейская проблема и Кипрский вопрос, так и остались без чёткого решения. Налицо, что ни одна из сторон не отошла от своих позиций по Эгейскому вопросу, несмотря на предложение Т. Озала перенести решение вопроса о континентальном шельфе Эгейского моря в орбиту Международного суда в Гааге². В конце встреч (26 мая 1988 г.) министры иностранных дел Турции и Греции договорились подписать договоры по нескольким незначительным аспектам, касающимся проблем Эгейского моря. В частности, подписание меморандума о «дорожных картах» во время военных учений в Эгейском море и соглашение о завершении длительного спора вокруг вопроса о фондах инфраструктуры НАТО для Греции

---

¹ Dante B. Fascell. Committee on Foreign Affairs. Washington, 1988. P. 4.

² Ibid. P. 9.

и Турции. Однако с мая 1988 г. Турция и Греция возобновили споры о военных учениях в Эгейском море и об инфраструктуре НАТО в этом регионе¹.

Ещё в меньшей степени изменения коснулись Кипрского вопроса. Можно отметить, что нежелание А. Папандреу связывать решение Кипрского вопроса с турецко-греческими отношениями вызвало недовольство в Греции. С другой стороны, А. Папандреу в начале 1988 г. неоднократно указывал на продолжающуюся турецкую оккупацию Северного Кипра. Таким образом, если раньше греческое руководство допускало упоминание о «разделении» острова, то позиция А. Папандреу усилила противоречия по данной проблеме.

Итак, встреча в Давосе 30–31 января 1988 г. не принесла каких-либо изменений в позиции обоих государств по Кипрскому и Эгейскому вопросам. Если участники давосского процесса и допускали какой-либо прогресс относительно проблемы Эгейского моря, то решение проблемы Кипра вовсе не было целью этих переговоров.

Несмотря на нерешённость главных проблем двусторонних отношений, данные спорные вопросы не являлись неразрешимыми, так как обе стороны показали способность вести переговоры. Предвоенный кризис 1987 г., который привёл Грецию и Турцию к ситуации, близкой к вооружённому конфликту и росту военных расходов, убедил правящие круги двух членов НАТО в ненужности эскалации конфликта (см. п. 1.2). Более того, как было отмечено ранее, вооружённый конфликт не был выгоден ни одной из сторон. Несмотря на военное превосходство, Турция была связана Кипрским вопросом, а поэтому не могла не считаться с Афинами. Пока турецкие войска оставались на Кипре, Анкаре часто приходилось оправдываться по этому вопросу перед ООН, Конгрессом США и даже НАТО. Кроме того, потребность Турции в экономической помощи из Западной Европы и США, чрезвычайная важность для неё быть принятой в ЕС, отодвигали на второй план нерешённость территориальных споров с Грецией. Сказывалось также и членство

---

¹ Dante B. Fascell. Committee on Foreign Affairs. Washington, 1988. P. 9.

Греции в НАТО. Незначительные улучшения в турецко-греческих отношениях были достигнуты в предотвращении несчастных случаев в Эгейском море, и в некоторых других вопросах¹.

Политическая элита Запада и пресса всех стран НАТО отреагировала на давосскую встречу однозначно позитивно. После Давосских переговоров имели место признаки одобрения общественным мнением обоих государств процесса поиска компромиссов. Например, опросы общественного мнения в Греции показали быстрое изменение отношения народных масс к Турции. Несмотря на то, что за два месяца до начала Давосского процесса греки считали, что со стороны Турции исходила основная угроза безопасности Греции, то количество тех, кто так считал, в 1987 г. упало с 93% до 85% в 1988 г. Число тех, кто считал, что уступки в греко-турецких спорах должны исходить лишь от одной Турции, снизилось также с 50% до 35% соответственно².

Однако в оценке этих переговоров не всё было безоблачно. Как в Турции, так и в Греции эксперты задавали вопрос о том, не пришлось ли лидерам обоих государств пожертвовать вопросами национального суверенитета на пути к сближению и компромиссу в каких-то секретных договорённостях. В Турции многие относились скептически к позиции А. Папандреу и беспокоились о том, что это скорее краткосрочный тактический ход, чем долгосрочная перспектива перестройки внешнеполитического курса своей страны. Ответственность Турции также задавалась вопросом о том, сможет ли Т. Озал смягчить позицию Турции по Эгейской проблеме. Были известны разногласия по этому вопросу между министерством иностранных дел и премьер-министром Турции. В связи с этим, кабинету министров Т. Озала пришлось объясняться перед парламентом о том, какие уступки были сделаны в Давосе. Чувствительным для турок было решение правительства Т. Озала 24 марта 1988 г. отменить декрет 1964 г., который запрещал гражданам Греции иметь

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London; N.Y., 2004. P. 32.

² Fascell D. Committee on Foreign Affairs. Washington, 1988. P. 5.

некоторые имущественные права в Стамбуле. Министру иностранных дел Турции пришлось убеждать своих коллег в том, что данная мера не должна быть взаимной со стороны Афин, так как в Греции не существовало аналогичных мер в отношении имущественных прав турецкого населения¹.

В свою очередь, общественность Греции беспокоили возможные последствия давосских решений относительно Кипра. Даже в правящей ПАСОК существовали сомнения в том, что А. Папандреу изменил свою позицию относительно турецкого военного присутствия на острове. Кроме того, один из членов Центрального комитета ПАСОК назвал Давос «дипломатическим Ватерлоо», который мог привести к моральному, политическому и дипломатическому обезоруживанию Греции².

Итак, можно сделать вывод о том, что Давосский процесс способствовал расширению двусторонних турецко-греческих отношений на правительственном и общественном уровнях. Учитывая то, что обе страны сохраняли отношения даже вовремя довольно острых противоречий, это сближение не следует рассматривать как сенсационное. Для политических элит обоих государств итоги Давосского процесса не были однозначны. Если в американских и европейских кругах позиция Т. Озала и А. Папандреу по сближению двух государств получила положительную оценку, то никто из них так и не смог использовать Давос для укрепления своих внутривнутриполитических позиций. Более того, болезнь А. Папандреу и скандал вокруг его личной жизни свели к минимуму политический эффект от Давосского процесса в Греции. Т. Озал также встретился с внутривнутриполитическим противостоянием в своей стране, хотя и не касающимся давосских переговоров, и его лидерство на политической арене Турции уже нельзя было считать непоколебимым.

Итак, несмотря на некоторый отход от кемалистских принципов со стороны турецкой элиты, пришедший к власти Т. Озал был заинтересован в переговорном процессе с Грецией для установления нормальных отношений с

---

¹ Fascell D. Committee on Foreign Affairs. Washington, 1988. P. 5.

² Ibid. P. 5.

соседом. Этому соответствовало стремление Турции к членству в ЕС и забота об экономическом развитии государства. Для руководства Греции, несмотря на членство обеих стран в НАТО, опасность вооружённого конфликта с более сильной турецкой армией была вероятна. У обеих сторон была общая мотивация для переговорного процесса – экономический аспект, так как постоянная гонка вооружений отвлекала на себя огромные средства, которые можно было направить на развитие экономики. Оценивая Давосский процесс можно отметить, что он не повлиял на дальнейшие взаимоотношения между двумя государствами по ключевым проблемам. Одной из главных причин этого переговорного цикла стало нежелание общественности обоих государств идти на уступки. Это был тот случай, когда сами народы активно вовлечены во внешнюю политику имея перед собой историческую память об «образе врага», а элиты, несмотря на руководимый ими прагматизм, выполняют или учитывают политический «заказ» со стороны своих обществ.

1.2 Происхождение Эгейских противоречий между Турцией и Грецией, их состояние в 1980-е гг.

В 1980-е гг., как и в предыдущее десятилетие, предметом серьезных разногласий между Турцией и Грецией была целая цепочка вопросов, связанных с Эгейским морем – разграничение воздушного пространства над территориальными водами, спор вокруг континентального шельфа и территориальных вод в Эгейском море, а также милитаризация некоторых греческих островов вблизи турецких берегов¹. Эгейский вопрос тесным образом связан с взаимоотношениями Турции и Греции в рамках НАТО². Все эти проблемы составляли комплекс вопросов, называемых Эгейским.

---

¹ Сыздыкова Ж.С. Особенности региональной политики Турции. М., 1999. С. 54.

² Иванов И.И. Балканская политика Турции // Турция: современные проблемы экономики и политики. М., 1997. С. 126.

В данной цепи двусторонних противоречий следует выделить, прежде всего, проблему территориальных вод. Активизация двусторонних противоречий территориальных вод относится к началу 1970-х гг. В это время Греция и Турция стали проводить разведку нефти в районе островов. В то же время, по договору между Турцией и Италией от 1938 г., территориальные воды были определены в размере 6 миль¹. Следует отметить, что на протяжении XX в. ширина территориальных вод, на которую претендовали государства, постоянно, росла. Если в начале XX в. она определялась в размере 3 миль, то в 1936 г. Греция объявила об установлении шестимильной зоны территориальных вод в Эгейском море. Турция выступила против. Однако в Чёрном и Средиземном морях была установлена 12-мильная зона. Проблема усугубилась в связи с закреплением в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 3) и введением в международную практику 12-мильного предела ширины территориальных вод для государств Эгейского моря². На этом основании Греция заявила о том, что, «никогда не откажется от права в любое время увеличить свои территориальные воды до 12-миль»³. Учитывая то обстоятельство, что некоторые греческие острова находились в 3–5 км. от турецких берегов, подобная акция значительно бы увеличила долю греческих территориальных вод в Эгейском море. Турция посчитала несправедливым соблюдение 12-мильного предела территориальных вод в Эгейском море. В связи с этим власти Турции заявляли, что в случае расширения территориальных вод в Эгейском море значительно ограничится плавание иностранных судов (в том числе турецких), так как это стремление Греции неизбежно приведёт к сокращению открытых вод Эгейского моря с 56 до 26%, в то время, как греческие территориальные воды увеличатся с 35 до 64%. Таким образом, за Турцией останется 10% акватории Эгейского моря. Кроме того, увеличение

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London; N.Y., 2004. P. 27.

² Конвенция ООН по морскому праву. Ст. 3. Ширина территориального моря // United Nations – Treaty Series. 1994. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea1-45.pdf (дата обращения: 21.04.2014).

³ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 91.

территориальных водвокруг греческих островов до 12 миль сократит число выходов в Эгейское море для турецких судов с пяти до двух, притом ограниченного использования, а также заблокирует судоходство между основными портами Турции (в том числе оказался бы закрыт и Измир)¹. К тому же, по мнению турецкой стороны, в случае реализации стремлений Греции, все морские пути из эгейских и черноморских портов Турции будут проходить через подконтрольные Грецией воды, т.е. Турция будет фактически блокирована вне Эгейского моря и ограничена в своих территориальных водах. Поэтому Турция расценивала позицию Афин как попытку превратить Эгейское море в «закрытое греческое озеро». Согласно утверждениям тогдашнего министра иностранных дел Турции Ихсана Чаглаянгиля, турецкие правящие круги неоднократно заявляли, что если Греция в дальнейшем продолжит действия, направленные в отношении реализации своего плана по установлению 12-мильной зоны территориальных вод в одностороннем порядке, то Турция будет вынуждена объявить войну. Об этом ещё раз напомнил официальный представитель МИД Турции Ахмед Акыман².

Турция отклонила подписание Международной конвенции по морскому праву, принятую в декабре 1982 г. В свою очередь, турецкое правительство в мае 1982 г. приняло новый закон о территориальных водах, в соответствии с которым правительству Турции разрешалось пересматривать границы территориальных вод своей страны³. По статье 76 конвенции ООН по морскому праву, принятой 10 декабря 1982 г., «континентальный шельф» прибрежного государства включал в себя «морское дно и недра районов субмарин, которые простираются за пределы его территориальных вод на протяжении естественной пролонгации территории этого государства к концу континенталь-

---

¹ Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов XX в. М., 1986. С. 246.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 91.

³ Там же. С. 131.

ного отрезка или дистанции 200 навигационных миль от того уровня, от которого измеряется ширина территориальных вод»¹.

Выступая на заключительной сессии Третьей конференции ООН по морскому праву (6–10 декабря 1982 г., г. Монтего-Бей, Ямайка), представитель Турции заявил, что «двенадцатимильный предел ширины территориальных вод не имеет обычно-правового характера и не может быть принят в отношении Греции. Разграничение континентального шельфа и исключительной экономической зоны в замкнутых и полузамкнутых морях (Эгейское море попадает под данный критерий) может производиться лишь путём прямого соглашения заинтересованных сторон на основе принципа справедливости»². С точки зрения властей Турции норма Конвенции о границах вокруг островов в Эгейском море не может применяться в отношении тех островов, которые подлежали разграничению³.

Аргументируя свою позицию в данном вопросе, официальная Анкара исходила из того, что противоречия по вопросу территориальных вод были связаны с притязаниями Греции на исключительный суверенитет в Эгейском бассейне, тогда как особенности этой акватории требовали принятия критериев, учитывающих географическую специфику районов.

Кроме того, турецкая дипломатия пыталась интернационализировать проблему территориальных вод в Эгейском море. В этих целях акцентировалось внимание на том, что увеличение Грецией зоны своих территориальных вод не только неизбежно сократит международные воды в Эгейском море, но и поставит в зависимость от Греции СССР и США.

В свою очередь, в 1980-е гг. в вопросе о территориальных водах Греция придерживалась прежней позиции. Однако она не рисковала идти на прямое противостояние в отношении Турецкой Республики. Министр иностранных

---

¹ United Nations Convention on the Law of the Sea (done at Montego Bay, December 10, 1982) Article 76. URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_ep.53 (дата обращения: 07.05.2017).

² Sule Kut. The Aegean Continental Shelf Dispute Between Turkey and Greece // Balkan Forum. Skopje, Volume 3, Number 1 (10) March 1995. P. 185.

³ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 132.

дел Греции Георгиос Раллис (с 1980 по 1981 гг. был премьер-министром), в своём выступлении по позиции своей страны в отношении морского права на 3-й конференции ООН, которая начала свои сессии в декабре 1973 г. и завершила принятием соответствующей Конвенции в 1982 г. в Монтего-Бей, заявило о правах Греции на расширение своих территориальных вод в Эгейском море¹. Так, Г. Раллис вновь повторил в парламенте 29 февраля 1980 г., что «Греция, как и другие государства, имеет право на территориальные воды в 12 миль. Добавив также, что сроки реализации этого права зависят от правительства Греции². Можно сказать, что эти постоянные заявления Греции о праве на двенадцатимильную зону, представляли собой один из инструментов давления на Турцию для получения от неё уступок по другим проблемным аспектам двусторонних отношений. Так, Андреас Папандреу в своём интервью американской газете «Нью-Йорк Таймс», говоря о возможном расширении греческих территориальных вод до 12 миль, заявил, что «это суверенное право Греции и вопрос о его использовании и сроках реализации этого права входит в компетенцию правительства Греции»³.

В июне 1980 г. была возобновлена прерванная в 1974 г. связь между турецким портом Мармарис и греческим островом Родос. Таким образом, несмотря на заинтересованность Греции в минеральных ресурсах Эгейского моря, Афины проявляли осторожность и готовность идти на компромиссы во взаимоотношениях с Турцией, принимая во внимание как экономические выгоды, так и риск возможного конфликта с восточным соседом. В связи с этим спор о территориальных водах был приостановлен и заморожен в течение многих лет.

Следующим аспектом Эгейского вопроса являлся спор о континентальном шельфе в районе греческих островов и берегов Турции. Основной причиной данных разногласий являлось наличие нефтяных запасов в этом по-

---

¹ Конвенция ООН по морскому праву. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1096 (дата обращения: 21.04.2014).

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 92.

³ Там же. С. 93.

граничном районе. Эти районы располагались в спорных северо-восточной и центральной части Эгейского моря. Впервые вопрос о континентальном шельфе особенно остро возник после опубликования 1 ноября 1973 г. постановления турецкого правительства о выдаче разрешения турецкой нефтяной компании на поисковые работы в 27 районах (28 июня 1974 г. число районов было увеличено)¹.

Поисковые работы в акватории Эгейского моря в 1973 г. выявили наличие значительных запасов полезных ископаемых, прежде всего нефти. Сравнительная простота разработки и количество нефтяных запасов в пределах континентального шельфа Эгейского моря открывали заманчивую перспективу – отказаться в будущем от импорта нефти, что могло положительно сказаться на экономике обоих государств (в то время Турция импортировала более 14 млн. тонн нефти ежегодно, Греция – до 8 млн. тонн) и обеспечить им независимость от поставок энергоносителей. Эти обстоятельства побудили руководство обоих эгейских государств занять наиболее решительную позицию для отстаивания своих интересов в данном вопросе.

Следует отметить, что границы между Грецией и Турцией в Эгейском море были определены Лондонским и Афинским договорами 1913 г., Севрским договором 1920 г. и мирным договором с Италией 1947 г. В соответствии с данными договорами, многочисленные острова Эгейского моря, кроме небольшой их части, расположенной преимущественно в прибрежной к Турции трехмильной зоне, являлись греческими².

В связи с этим, с обеих сторон была развёрнута острая споры относительно шельфа. В течение этих споров, появились разные трактовки понятия континентального шельфа и различные подходы к решению данной проблемы. Также сказывалось отсутствие взаимной «юридической основы» для его наиболее объективного рассмотрения.

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. London; N.Y., Routledge, 2004. С. 29.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 87.

Турецкая сторона утверждала, что континентальный шельф в геологическом аспекте представляет собой часть континента (Анатолии), так же как и острова, расположенные рядом с анатолийским побережьем Турции. Кроме того, с точки зрения турецкого истемблишмента, острова Греции частично закрывали часть континентального шельфа. Учитывая понятие «продолжение анатолийского континента», и относя его к островам у берегов Анатолии, турецкие правящие круги заявляли, что её шельф простирается от берега до того уровня, где глубина моря составляет 200 м. (в соответствии с международной нормой – примечание автора). В соответствии с данной точкой зрения, Турция имела право также на континентальный шельф вблизи островов, принадлежащих Греции. В соответствии с этим турецкая сторона отвергла предложение властей Греции о так называемой «серединной линии» между островами и турецким побережьем, в случае реализации которого, по мнению правящих кругов Турции, приведёт к превращению Эгейского моря в «закрытое озеро Греции»¹.

Кроме того, в противовес греческим аргументам, Турция выдвигала также демографический принцип, в соответствии с которым дно Эгейского моря должно быть разделено пропорционально между двумя странами. При этом Анкара обращала внимание на то, что население греческих островов в Эгейском море составляло 330 тыс. чел., в то время, как население турецкого побережья этого региона – 10 млн. чел. Руководствуясь вышеизложенными статистическими данными, турецкая сторона предлагала либо разделить Эгейское море по срединной линии между двумя материками, либо заняться разработкой естественных ресурсов в этом районе на паритетных началах. В более развёрнутой форме предполагаемый раздел выглядел следующим образом: 1) Турция контролировала бы восточную часть Эгейского моря кроме шестимильной зоны территориальных вод вокруг греческих островов, а Греция – его западную часть; 2) все районы Эгейского моря, кроме шестимиль-

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y., 2004. P. 29.

ной зоны территориальных вод, считаются открытым морем, где Греция и Турция могли бы проводить исследования и совместно пользоваться ресурсами морского дна. После того, как Греция отклонила эти предложения, Турция предложила установить «ограниченный» континентальный шельф для греческих островов, границы раздела которого можно было бы определить на последующих переговорах. Но и это предложение было отвергнуто Афинами¹.

Со своей стороны Греция утверждала о том, что принятие предложений Турции в отношении континентального шельфа поставит под угрозу её территориальную целостность. Греция предложила решить эту проблему в Международном суде юстиции. Судебное заседание состоялось в 1976 г., но по итогам его решения в удовлетворении позиции Афин было отклонено. В конце 1976 г. в Берне между Грецией и Турцией состоялось подписание договора. По этому договору стороны обязались проводить переговоры в соответствии с достигнутым соглашением. Было принято решение об отказе от любых действий в отношении континентального шельфа. Переговоры между Анкарой и Афинами проходили без окончательного соглашения вплоть до 1981 г. После этого премьер-министр Греции Андреас Папандреу приостановил переговорный процесс с Турцией по причине критики его политики внутри страны и, в частности, партии ПАСОК².

В Эгейский комплекс противоречий относился также вопрос о воздушном пространстве над Эгейским морем, который напрямую был связан с вопросом о территориальных морях. В соответствии с Чикагской конвенцией 1944 г. о гражданской авиации, каждое из государств имело полное правовое отношение воздушного пространства над собственной территорией. Однако ещё раньше, в 1928 г., правительство Греции в одностороннем порядке приняло решение об установлении 10-мильной зоны воздушного пространства над своим участком территориальных вод размером в 6 миль. Контроль Гре-

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 90.

² Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. P. 29.

ции над своим воздушным пространством осуществлялся по двум направлениям: гражданским и военным (так называемый оперативный контроль).

Для раскрытия всей сути обстоятельств эгейских противоречий, необходимо упомянуть о Региональной полётной информационной службе (FIR), отвечающей за регион Эгейского моря. Актуальные относительно того времени соглашения FIR по воздушному пространству над Эгейским морем были проработаны Международной организацией гражданской авиации (ИКАО) в 1952 г. В соответствии с этими соглашениями, значительная часть воздушного пространства над водами Эгейского региона, за исключением воздушного пространства, принадлежащего Турции, была предоставлена под ответственность Афин¹.

Турция была вынуждена согласиться с подобным разграничением ответственности за контроль над полётами гражданских самолетов в Эгейском море, так как не располагала достаточными техническими средствами и службами для совместного с Грецией выполнения подобной задачи. Таким образом, с согласия Турции были определены воздушные коридоры для полётов самолётов над Эгейским морем под наблюдением диспетчерской службы Афин².

Однако по мере возрастания влияния Турции в средиземноморском регионе, активизации её деятельности в рамках НАТО, между двумя странами появились разногласия по вопросу о воздушном пространстве Эгейского моря. Эти противоречия были усилены введением Грецией новых воздушных коридоров в непосредственной близости от турецкого побережья, а также закрытием Грецией воздушного пространства над некоторыми греческими островами. Анкара расценила действия Греции как односторонние и 25 ноября 1973 г. потребовала (нота в адрес Международной организации гражданской

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 29.

² Bahceli T. Greek-Turkish relations since 1955. Boulder, 1990. P. 142.

авиации – ИКАО) реорганизации воздушного сообщения над Эгейским морем на основе равноправия и одинаковой ответственности.

Теперь, игнорируя требование Греции, Турция неоднократно использовала своё право летать по международному воздушному пространству на расстоянии 6 миль над греческим пространством. Это вызывало регулярный протест Греции на основании того, что Турция нарушала её воздушное пространство. Следует отметить, что факты нарушения 10-мильного воздушного пространства Греции имели место не только со стороны Турции, но и других государств, в том числе и членов НАТО, неоднократно проводивших военные учения в Эгейском море. После оккупации северного Кипра турецкими войсками и последующим за этим выходом Греции из военного блока НАТО в 1974 г., воздушное пространство между двумя государствами можно было считать «запретной зоной» для полётов¹. Это произошло вследствие того, что в августе 1974 г. турецкое правительство уведомило ИКАО о том, что все воздушные суда, приближающиеся на расстояние 50 км. от турецкого побережья, должны информировать о себе власти Турции². В качестве ответной меры Греция объявила воздушное пространство Эгейского моря опасной зоной, что и привело к прекращению полётов гражданских самолётов над морем.

В последующие годы Греция и Турция, в ходе проведения серии двусторонних переговоров, пришли к соглашению о возможности полётов турецких самолётов с официальными лицами на борту для участия в заседаниях и совещаниях НАТО. В марте 1978 г. в Монтрё обсуждался вопрос о воздушном пространстве на уровне премьер-министров обеих стран. Позиция Греции, изложенная премьер-министром Константиносом Караманлисом, сводилась к следующему: 1) обе стороны должны снять введённые ими ограничения; 2) обе стороны возобновляют переговоры с целью решения вопроса об обмене информацией о полётах военных самолётов над Эгейским морем таким обра-

---

¹Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 29.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 93.

зом, чтобы обеспечить безопасность каждой из стран. Турция предлагала равноправное и совместное использование воздушного пространства в рамках международного права и существующей международной практики, делая особый упор на установление совместного контроля за международным воздушным сообщением в пределах Афинского района полётной информации. Однако такое предложение Греция считала неприемлемым, так как воздушное сообщение между континентальной Грецией и ее островами было бы поставлено перед необходимостью предварительного уведомления и, в конечном счёте, одобрения полётов турецкими властями. Как и в вопросе о континентальном шельфе, Греция усматривала в этом опасность нарушения единства государства.

В ходе двусторонних переговоров стороны согласились разделить решение вопроса о воздушном пространстве на два этапа: сначала договориться об открытии коридоров для гражданской авиации, а затем перейти к разграничению зон военного контроля.

Полёты гражданской авиации между Турцией и Грецией над Эгейским морем возобновились после 23 февраля 1980 г. таким образом, после шестилетнего перерыва, начала функционировать прямая линия воздушного сообщения между Афинами и Стамбулом, обслуживаемая турецкими и греческими самолётами. В Афинах возобновление полётов комментировалось как шаг, направленный в сторону нормализации греко-турецких отношений. В Анкаре – как жест доброй воли со стороны Турции. Однако сложности не заставили себя долго ждать. Анкара обвинила Афины в том, что та ввела слишком большое число дополнительных авиалиний между материковой частью и островами, которые, по мнению турок, создавали опасность для полётов над всем Эгейским морем. В связи с этим, район острова Лемнос был объявлен Турцией «опасной зоной»¹. В этих условиях турецкое правительство было подвергнуто острой критике внутри страны за отмену ограничений воздуш-

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 136.

ного пространства. Со своей стороны, руководство находившейся тогда у власти в Турции Народно-республиканской партии (НРП) заявило, что эта мера была вынужденной и предпринята, главным образом, для получения экономической помощи от стран Запада. Представитель турецкого правительства заявил о добровольности принятого решения и отсутствия давления со стороны других государств. В результате возникшего в Анкаре скандала был отправлен в отставку министр иностранных дел Турции Х. Эркем. Этот факт показал степень влияния данного аспекта эгейской проблемы, как и всей внешней политики, на внутривластную ситуацию в Турции.

13 декабря 1980 г. в Брюсселе в ходе сессии Совета НАТО на встрече министров иностранных дел Греции и Турции был достигнут прогресс в деле урегулирования разногласия по гражданскому контролю над воздушным пространством Эгейского моря. Было принято решение опровержении переговоров в Анкаре и Афинах на уровне посольств по данной проблеме. 6 марта 1981 г. греческая сторона в качестве жеста доброй воли объявила о снижении верхнего и нижнего пределов воздушного коридора, ведущего из Кавалы на Родос, препятствовавших ранее полётам турецких самолётов в пределах международного воздушного пространства в районе острова Лемнос. 16–20 марта 1981 г. на встрече генеральных секретарей МИД Греции и Турции был согласован вопрос об отмене «опасных зон» в воздушном пространстве Эгейского моря, которые были введены в районах проведения регулярных военных учений, и об оповещении таких учений специальными нотами. Греки согласились на увеличение потолка полётов над Эгейским морем до 7,5 тыс. футов (турки предлагали 10 тыс. футов)¹.

Это соглашение на уровне министерств иностранных дел обеих стран, было положительно встречено как в Турции, так и в Греции. Однако, положительный результат переговоров испортили не заставившие себя долгождать новые осложнения. Так, 8 апреля 1981 г. самолёты ВВС Турции нарушили

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 137.

греческое воздушное пространство в Эгейском море. В ответ на греческий протест по этому поводу, Турция выразила своё официальное недовольство в отношении с антитурецкой демонстрацией, организованной в Афинах 9 апреля 1981 г. одной из армянских организаций по случаю годовщины геноцида армян 1915 г. Эти обстоятельства способствовали принятию турецким руководством решения об отмене очередной встречи генеральных секретарей МИД в апреле 1981 г. Однако взаимные претензии были предъявлены несколько позже – на встрече обоих министров иностранных дел в ходе сессии Совета НАТО в Риме 3 мая 1981 г. В то же время, стороны договорились о продолжении переговоров на всех уровнях.

Летом 1982 г. произошло некоторое улучшение в турецко-греческих отношениях. 4 октября 1982 г. министры иностранных дел обеих стран Ильтер Тюркмен и Иоанис Хараламбопулос провели переговоры во время встречи в рамках НАТО в Оттаве, целью которых являлось возобновление регулярных встреч. Но в ноябре в этих отношениях вновь возникла очередная напряжённость. Это произошло после того, как А. Папандреу отказался от участия Греции в учениях НАТО в Эгейском море под кодовым названием «Коралл-82» в знак протеста против нарушения турецкими ВВС воздушного пространства Греции. Эти нарушения произошли в районе островов Лемнос, Лесбос, Псара и были восприняты в Афинах как подтверждение агрессивных планов Турции¹.

Наряду со спорами по вопросу о гражданском аспекте проблемы воздушного пространства, возникли противоречия и в вопросе о разграничении зон ответственности военного контроля. В эгейском комплексе вопросов эта проблема называется вопрос «об оперативном контроле за воздушным пространством Эгейского моря» и полностью относится к компетенции НАТО, поэтому сведения о нём довольно ограничены.

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 137.

Нуждается в детальном рассмотрении вопрос о трёх группах островов: Додеканезских, Эгейских и островов, расположенных у входа в пролив Чанаккале. Примечательно, что эта проблема возникла после турецкой оккупации Северного Кипра 1974 г. В это время Греция приняла решение о увеличении своего военного присутствия на принадлежащих ей Эгейских (Додеканезских) островах, которые ранее были демилитаризованы в соответствии с международными договорами.

Известно, что в связи с решением Лозаннской мирной конференции 1923 г. Турция потеряла ряд своих территорий. Так, в соответствии со статьёй 15-й данного договора, Турция отказалась в пользу Италии от всех своих прав на Додеканезские острова, расположенные в восточной части Эгейского моря, причём часть этих островов должна была быть демилитаризована. Кроме того, некоторые турецкие острова были переданы Греции.

В период до Второй мировой войны, так называемая проблема островов активно использовалась гитлеровской дипломатией для привлечения Турции на сторону Тройственной «оси». В этих целях Германия даже рекомендовала Италии «передать Турции два маленьких незначительных островка, входящих в группу Додеканезских островов и расположенных под самым носом у Турции»¹. В это время турецкие правящие круги заявляли о желании пересмотреть решения Лозаннской конференции. Также турки заявляли о необходимости в укреплении своих проливов. В дальнейшем, на основании Парижского мирного договора с Италией 1947 г., Греции были переданы на правах полного суверенитета, принадлежащие ранее Италии, Додеканезские острова, о которых говорилось, что они «должны быть, и останутся демилитаризованы»². Под «демилитаризацией» подразумевалось запрещение в пределах территории островов и их территориальных вод «всех военно-морских, военно-воздушных и военных сооружений, укреплений и их вооружения»³. Также запрещалось базирование, пребывание как постоянно, так и временно

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 95.

² Там же.

³ Там же.

каких-либо частей сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, а также военное обучение в какой-либо форме и производство военных материалов и техники.

Однако Турция отказалась подписать Парижский договор и раскритиковала его, назвав односторонним и нарушающим статус кво в регионе. В 1950-е гг. в правящих кругах Турции все более отчетливо выдвигалось собственное понимание отношения судьбы Эгейских островов. Суть данной концепции, изложенной в 1955 г. министром иностранных дел Турции Ф. Зорлу на лондонской конференции по Кипру, заключалась в том, что Эгейские острова чрезвычайно важны для Турции и составляли неотъемлемую часть Анатолии¹. Естественно, турецкие газеты всё чаще указывали на принадлежность Эгейских островов Османской империи в течение многих столетий, которая впоследствии «благородно уступила» эти территории².

После кризиса на Северном Кипре 1974 г. произошла актуализация проблемы милитаризации греческих островов, находящихся поблизости от турецких берегов. Это стремление Греции объяснялось её опасением того, что оккупация Северного Кипра турками 1974 г. могла повториться на любых из эгейских островов. Теперь Афины активно приступили к развёртыванию военной инфраструктуры восточных островов Эгейского моря, в том числе Додеканесских. Кроме того, началась переброска греческих войск из материковой Греции на острова. Турция поспешила предъявить претензии Греции в нарушении международных соглашений. Так, со своей стороны, Турция неоднократно поднимала об этом вопрос в ООН. В начале 1975 г. она разослала ноту протеста всем государствам, подписавшим Парижский договор 1947 г., с осуждением Греции как стороны, нарушившей данное соглашение.

Греция постоянно отвергала наличие этих обязательств как, впрочем, и сам факт их нарушения. В своём выступлении на 32-й сессии Генеральной

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 137.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 95.

Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Греции Д. Бициос напрямую подтвердил процесс милитаризации Додеканесских островов. Более того, он заявил о том, что его страна имеет все права на повышение обороноспособности своих территорий¹. После заявлений греческого МИД были приняты практические меры по милитаризации островов. Греческое руководство связывало свои действия по милитаризации с тем, что Турция ввела свою 4-ю армию в район Эгейских островов со штаб-квартирой, расположенной в Измире, дублировав тем самым «эгейскую» армию Греции. Более того, Анкара разместила вблизи греческих островов военные корабли с десантом (120 судов). Таким образом, эта активность Турции создавала почву для опасений Греции в отношении планов турок в Эгейском регионе. Греки заявляли о том, что их меры по милитаризации носили сугубо оборонительный характер. Также был подчеркнут временный характер этого процесса до устранения опасности с турецкой стороны².

Таким образом, спор вокруг Эгейских островов возник из-за отсутствия доверия между Турцией и Грецией. Оккупация Северного Кипра турецкими войсками и стремление к проведению исследований по поиску нефти в Эгейском море вынуждали греков с опасением смотреть на действия турок в регионе. Анкара расценивала милитаризацию Грецией Эгейских островов как стремление нарушить статус кво и турецкие интересы в акватории пограничного моря.

По мнению М. Айдына и К. Инфантиса, греческие и турецкие военные части, находящиеся в этом регионе, не представляли серьёзной опасности друг для друга. Это объяснялось особенностями географического расположения греческих островов, почти примыкающих к турецкому побережью. В случае вооружённого конфликта у турецкого командования, отмечают иссле-

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 96.

² Там же. С. 96.

дователи, несмотря на численное и техническое преимущество, возникнут сложности в переброске войск между многочисленными островами¹.

Характеризуя турецко-греческие отношения в целом, нельзя забывать и о том, что между обоими государствами существовали весьма заметные различия в военном отношении. Эти различия возникли, прежде всего, во второй половине XX в., и естественным образом влияли на позицию правительств по вопросу о национальной безопасности. Например, в 1930 г. Греция играла важную роль на Балканах и в Восточном Средиземноморье, извлекая выгоды от поддержки могущественных союзников, таких как Великобритания. В то время Турция была занята в основном внутренними делами, поскольку Мустафа Кемаль искал пути создания новой светской республики на руинах Османской империи. Кроме того, вследствие поражения Турции и её союзников в Первой мировой войне, она была изолирована как от Европы, так и от Среднего Востока. Только в 1932 г. Анкара присоединилась к Лиге Наций. Относительная изоляция этой страны в 1920-х гг., частично в результате краха Османской империи, частично из-за изоляционистских стремлений кемалистов, повлияла на утрату Турцией веса в международных отношениях, и особенно на рычаги, которые Анкара могла использовать по отношению к Афинам в решении двусторонних разногласий.

Турция 1980-х гг., несмотря на экономические трудности и на один из самых низких в Европе ВВП на душу населения, являлась гораздо более сильным государством, чем она была в 1930 г. как в военном, так и в дипломатическом отношении. Её население увеличивалось со скоростью 2,5% в год, что составляло в пять раз больше, чем в Греции, у которой был практически нулевой прирост населения. Численность турецких вооружённых сил была пропорционально больше чем у Греции, а также лучше обучена. Явля-

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 31.

ясь членом НАТО, Турция больше не была изолирована дипломатически, как это было в 1930 г.¹

В свою очередь, Греция, вернувшись в военный блок НАТО в 1980 г., избежала такой экономической проблемы Турции, как ежегодный уровень инфляции размером в 50% и даже более. Выход Греции из НАТО в 1974 г. изолировал её от своих союзников по альянсу. Турецкая же сторона путём эффективной дипломатии и с помощью последовательной политики, направленной против Греции, успешно создавала в НАТО впечатление о том, что Турция стремилась минимизировать негативное воздействие на союзников, исходящее от двусторонних противоречий.

Итак, можно сделать вывод о том, что повышение доверия Запада к Турции создаёт неуверенность для Афин в конфронтации с Анкарой. Турция не только обладала большей территорией и населением чем Греция, но получила, по крайней мере, на 30% больше военного снаряжения чем последняя². Как отмечено выше, вероятность военного конфликта в то время была минимальна из-за географического положения сторон. Однако нельзя забывать о том, что у Турции в любом случае будет преимущество не только в военной технике, но и в живой силе. Вопрос заключается лишь в том, хватило ли бы у Турции дипломатического авторитета использовать своё военное преимущество в случае военного конфликта с Грецией? С одной стороны, чувство неуверенности в способности Греции защитить свои острова могло послужить турецким интересам, чего нельзя сказать о буферной зоне на Кипре, патрулируемой силами ООН. Конечно, здесь факторы, связанные с передвижением и снабжением войск, более благоприятны для Турции, чем в Эгейском регионе. С другой стороны, серьёзные нарушения мирной договорённости могли создать для Турции огромные проблемы, как военные, так и дипломатические. В этом случае Анкара стала бы защищать не только этническое турецкое

---

¹ Brown J. *Delicately Poised Allies: Problems, Policy Choices and Mediterranean Security*. Brassey's (UK), L., 1991. P. 104.

² Ibid. P. 105.

меньшинство, но и вступила бы в союз с самопровозглашённой Турецкой Республикой Северного Кипра, которую до сих пор не признало ни одно государство, кроме Анкары. Таким образом, вне зависимости от хода военных событий, международное положение Турции, включая её положение в НАТО, оказалось бы катастрофическим. Поэтому Анкара выиграла бы от соблюдения статус-кво до тех пор, пока Кипрский вопрос не был бы урегулирован путём переговоров, включая вывод турецких войск из северной части острова. Следовательно, Эгейская проблема и Кипрский вопрос в некоторой степени связаны между собой.

Таким образом, несмотря на первоначальный региональный характер Эгейской проблемы в отношениях Анкары и Афин в целом, нельзя не упомянуть и о роли США и НАТО в этом соперничестве. С начала 1980 г. старания США в становлении мира между странами НАТО стали приносить свои плоды. К тому времени эгейский регион открылся для воздушного сообщения. Однако основная цель США – способствовать отмене вето, наложенного Турцией и вернуть Грецию в сферу своего влияния, одним из основных каналов которого являлось членство в НАТО. Согласие Турции было бы закономерным, так как интересы НАТО – один из важнейших факторов её внешней политики. Однако распри между различными турецкими партиями в борьбе за власть, а также их взаимные обвинения в недостаточной твёрдости в отношении Греции, мешали гражданским правительствам принять меры, связанные с укреплением юго-восточного фланга НАТО.

После переворота 12 сентября 1980 г. и прихода к власти в Турции генералитета, новое подконтрольное военными правительство было ориентировано прежде всего на НАТО. Таким образом, в Турции наметился отход от традиционного подхода к ведению внешней политики, предусматривающего восприятие всего Запада как единого целого. На это обстоятельство повлияло то, что пришедшие к власти военные круги основные внешнеполитические решения принимали самостоятельно. Кроме того, военное правительство Турции было отвергнуто Европой и тогда Анкара сделала своим приорите-

том ориентацию на США. В свою очередь, Вашингтон оценил изменения в Турции и начал новые действия, направленные в сторону улучшения и стабилизации греко-турецких отношений. Чуть ранее, в июле и августе 1980 г., в Анкару и Афины для обсуждения этого вопроса приезжал главнокомандующий объединёнными силами НАТО в Европе генерал Бернард Уильям Роджерс. Б. Роджерс на переговорах с главой государства генералом армии Кенаном Эвренем сумел убедить последнего применить план, который впоследствии стал носить его (Роджерса) имя. В соответствии с этим планом Турция сразу снимала вето, наложенное ею в отношении возврата Греции в военное крыло НАТО. 20 октября 1980 г. президент Турции К. Эврен, поверив «слову военного» – Б. Роджерса, принял этот план, чем решил самую главную проблему Греции. Тем самым турки потеряли самый главный козырь против Греции. В сентябре 1980 г. произошло возвращение Греции к членству в НАТО¹.

Следует отметить, что на эти обстоятельства накладывались общие натовские интересы, а также увеличение военной и экономической помощи со стороны США. Это способствовало тому, что обе страны отодвинули на время те взаимные претензии, которые до этого связывали с возвращением Греции в военную организацию блока. После того, как Анкара без каких-либо выгод для себя дала своё согласие на возвращение Греции в военное крыло НАТО, 3 декабря 1980 г. в Афинах начались переговоры относительно командования и управления эгейскими территориями.

Нужно отметить, что на протяжении 1980-х гг. споры между Турцией и Грецией из-за воздушного пространства над водами Эгейского региона всё ещё имели место. Турция требовала изменить полномочия эгейской FIR в соответствии с принципами равенства и национальной безопасности. Афины отрицали эти требования, настаивая на том, что турецкая сторона должна согласовывать планы полётов своей авиации с греческими властями. Греческое

---

¹Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 31.

руководство остерегалось, что в случае того, если Анкара получит право ответственности за полётной зоной хоть немного западней от островов Греции, это создаст угрозу территориальной целостности их страны. Поэтому греческие власти были заинтересованы в сохранении «статус кво». Со своей стороны, Турция высказывала недовольство в отношении того, что Греция злоупотребляла своим правом ответственности FIR¹.

Кроме того, приход к власти в Греции отнюдь не симпатизировавшей Турции партии ПАСОК во главе с Андреасом Папандреу осенью 1981 г., вновь способствовал застою в двусторонних отношениях. Большая часть основных вопросов, затрагивающих греко-турецкие отношения, была определена ещё к моменту образования ПАСОК осенью 1974 г. Эти проблемы вместе с позициями и действиями сверхдержав усилили престиж ПАСОК и позицию националистов, подтверждая стратегию партии в международных отношениях. ПАСОК оценила долгосрочные планы Турции в отношении Греции как экспансионистские. Турция в действительности преследовала данные цели в отношении Эгейского моря при попустительстве и поддержке США. Кроме того, США и НАТО не предоставляли Греции каких-либо гарантий против угрозы со стороны Турции. Более того, США и Альянс оказывали давление на Грецию, заставляя её отзываться на турецкие запросы².

Поэтому Греция заявила о проведении более независимого внешнеполитического курса. Главной задачей этой политики являлось добиться решения вопросов, связанных с контролем над Эгейским морем, а также по проблеме Кипра в пользу Афин, которые столь длительное время вызывали греко-турецкие споры. ПАСОК заявляла о том, что Греции нужна от Турции дружба, которая, впрочем, не должна ущемлять греческие интересы и территориальную целостность. Тем не менее, в отношении Турции правительство А.

---

¹Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 32.

² Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 162.

Папандреу заняло жесткую линию¹. В связи с этим правительство Греции приостановило переговоры с Турцией по нормализации двусторонних отношений, что повлекло за собой их обострение. Греческие правящие круги объясняли приостановление переговорного процесса тем, что дальнейший диалог с турецкой стороной имеет смысл только в случае, если он не будет нарушать суверенных права Афин². В связи с этим, правительство А. Папандреу обвинило Турцию в том, что она ущемляет суверенные права Афин в районе Эгейского моря и угрожает войной. В октябре 1981 г. в интервью каналу «Би-би-си» А. Папандреу сделал важное заявление: «Здесь, в Греции, нас всех, как правых, так и левых, беспокоит не угроза с Севера, а угроза с Востока. Начиная с 1973 г. турецкие правительства попирают наши территориальные права и выдвигают претензии, несовместимые с территориальной целостностью греческого государства. Таким образом, если мы останемся в НАТО, нам должны гарантировать наши восточные границы. И мы считаем недопустимым, чтобы НАТО снабжало Турцию оружием, которое последняя использует как угрозу нашим территориям в Эгейском море»³.

Несмотря на идеологические заявления ПАСОК, формирование и ведение международного курса и политики безопасности Греции по ключевым вопросам характеризовалось прагматизмом. Также присутствовала значительная преемственность с их консервативными предшественниками. Таким образом, контроль ПАСОК над греко-турецкими отношениями включал в себя осторожный баланс идеологических позиций и требований прагматического характера. Данный политический курс включал в себя: 1) подтверждение греческих обязательств мирного сосуществования с Турцией, но не ценой суверенных прав Греции; 2) стремление избегать одностороннего расши-

---

¹ Иванова И.И. Некоторые особенности греко-турецких отношений на современном этапе // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в геополитических процессах (материалы междунар. конф. г. Москва, 2 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 86.

² Иванова И.И. Некоторые особенности греко-турецких отношений на современном этапе // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в геополитических процессах (материалы междунар. конф. г. Москва, 2 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 86.

³ Kourvetaris Y.A. The Southern flank of NATO: political dimensions of the Greco-Turkish conflict since 1974 // East European Quarterly. Boulder, 1988. Vol. XXI, no. 5, January. P. 436.

рения территориальных вод Греции до 12 миль, даже при сохранении за Грецией права делать это по существующему международному законодательству; 3) умеренная, но решительная реакция на все нарушения воздушного пространства и территориальных вод Греции посредством дипломатических протестов к Турции, США и НАТО и перехвата турецких воздушных и водных судов; 4) отказ от участия в любых совместных военных учениях, осмотрах командных пунктов и создания пагубных прецедентов для разрешения других турецко-греческих противоречий.

Следует отметить, что общее членство в НАТО Турции и Греции мало влияло на восприятие «турецкой угрозы» в Греции. Несмотря на стремление НАТО ориентировать обе страны против СССР, Афины намного больше беспокоила угроза с востока, чем с севера.

Со своей стороны, Турция обвинила Грецию в осознанном повышении напряжённости и стремлении решить двусторонние разногласия в ущерб Анкаре. Турецкие правящие круги настаивали на двусторонней основе ведения переговоров с греческой стороной. В связи с этим они, в отличие Афин, отрицали необходимость участия в этом процессе НАТО, ООН, а также других международных организаций или отдельных государств.

А. Папандреу выступил в НАТО с требованием о предоставлении Греции «особого статуса» в блоке, при котором греческие вооруженные силы находились бы в мирное время под полным контролем Афин. В декабре 1981 г. на заседании Комитета военного планирования НАТО А. Папандреу заявил о приостановке действия соглашения о возвращении Греции в военное крыло НАТО (по плану Роджерса), и о том, что это соглашение являлось неприемлемым¹. В ходе заседания комитета А. Папандреу потребовал зафиксировать в заключительном коммюнике положение о гарантиях целостности греческих границ со стороны НАТО от нападения вооружённых сил Турции. Поскольку это требование было отклонено, А. Папандреу заблокировал принятие заключительного коммюнике. В итоге впервые за время существования важно-

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 163.

го натовского органа его заседания закончились без принятия согласованных решений, вновь обострился «греческий вопрос» (вопрос о членстве Греции) в НАТО. Более того, весной 1982 г. вследствие действий обеих сторон, направленных на подтверждение своих претензий друг другу по всему комплексу противоречий в районе Эгейского моря, ситуация ещё более обострилась. По мнению А. Папандреу, права суверенитета Турции в Эгейском регионе не могли быть даже рассмотрены по причине угрозы со стороны последней в отношении Греции. В знак демонстрации своей позиции греческий премьер посетил острова Лемнос и Лесбос, расположенные вблизи турецкого побережья с целью инспектирования находящихся там греческих военных частей. Допускалась только одна тема для обращения в международный суд юстиции – установление границ эгейского континентального шельфа. Все остальные темы, касающиеся целостности греческой земли, не обсуждались. Греческая сторона заявила о том, что двусторонние переговоры по полному спектру вопросов, состоятся лишь после вывода турецких войск с Кипра. Кроме того, правительство ПАСОК заявило о том, что план Б. Роджерса интересовал предыдущее правительство, а они не имеют никакого отношения к данным переговорам. Таким образом, правительство А. Папандреу связало Эгейский вопрос с Кипрским. Это объяснялось тем, что у Афин в данном регионе было больше рычагов, в отличие от Кипра, где к тому времени реализовалась политика «свершившихся фактов» (оккупация Севера острова), на которую ни НАТО, ни ЕС не могли или не хотели повлиять.

Таким образом, в 1982 г. Греция отменила военные манёвры НАТО «Экспресс-82» в северной части Эгейского моря из-за того, что командование НАТО отказалось использовать в качестве учебной цели военный аэродром на острове Лемнос и, таким образом, подчеркнуло неправомерность содержания на этом острове вооружённых сил. Данная позиция НАТО совпала с точкой зрения Турции, которая требовала демилитаризации ближайших к ней греческих островов.

Вместе с тем во время визита в Афины в августе 1982 г., командующий силами НАТО в Южной Европе адмирал Вильям Кроу настаивал на выполнении Грецией положений «плана Роджерса», особенно в части создания штаба НАТО в Ларисе. Уступая этому давлению, Греция согласилась участвовать в осенних манёврах НАТО в Средиземном море – «Дисплей Детерант Форс»¹.

Беспокоясь за свой юго-восточный фланг, натовские державы предприняли попытки хоть как-то смягчить греко-турецкие разногласия. Достигнутая летом 1982 г. при содействии США и НАТО договорённость о так называемом моратории (отказе от действий, способных вызвать новую напряжённость) в турецко-греческих отношениях не привела к положительным результатам.

Однако, несмотря на предвыборную риторику правительства А. Папандреу, его внешнеориентация в контексте политики прагматизма, не удалась от «фарватера» НАТО. Это объяснялось опасениями Греции о повышении стратегической значимости Турции для США и Альянса. Кроме того, правительство А. Папандреу успешно завершило переговоры с США, первоначально предпринятые правительством партии «Новая демократия». Однако А. Папандреу не удалось получить гарантии от США и НАТО от турецкой угрозы. Сказывалась также и необходимость американских технологий для модернизации вооружённых сил и оборонной промышленности Греции².

Возобновление турецко-греческого диалога на различных уровнях включало в себя переговоры, исключающие угрозу применения силы отлюбых провокаций, и предполагалось только обсуждение тех вопросов, которые исключали спор о суверенных правах обоих государств. Тем не менее, ни одного саммита между А. Папандреу и его турецким коллегой до 1988 г. запланировано не было, хотя обе стороны указывали на его вероятность при долж-

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 163.

² Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 46.

ной подготовке. Прерывистый, но безрезультатный диалог привёл к недолговечному «мораторию», о котором договорились 22 июля 1982 г., имевшем целью создать условия, ведущие в дальнейшем к переговорам, согласно которым обе стороны должны были воздерживаться от провокационных действий и заявлений. В соответствии с духом «моратория», встреча министров иностранных дел двух стран состоялась в Оттаве 4 октября 1982 г. в рамках сессии НАТО. На этой встрече были обсуждены некоторые процедурные вопросы, заявлено о стремлении продолжить диалог, хотя сущность турецко-греческих разногласий не затрагивалась. Министры договорились встретиться вновь 9 декабря 1982 г. в Брюсселе. Однако, заявленный «мораторий» оказался весьма недолгим. Обе стороны стали утверждать, что их позиции по наиболее острым двусторонним вопросам не были затронуты мораторием. Так, Греция энергично заявляла о турецкой военной угрозе на различных международных форумах и искала союзнические гарантии против Анкары. Кроме того, в ходе турецких военных учений под кодовым названием «Коралл-82» греческое воздушное пространство в 10 миль неоднократно нарушалось самолётами ВВС Турции. Недовольство Греции вызвало также исключение острова Лемнос из военных учений НАТО. В связи с этими обстоятельствами мораторий был приостановлен в ноябре 1982 г. Выразив в связи с этим резкий протест, Греция отказалась от намеченной встречи в Брюсселе.

На сессии Комитета военного планирования НАТО, которая проходила в Брюсселе в декабре 1982 г., не скрывалась безуспешность сглаживания противоречий между Афинами и Анкарой. В этой связи в очередной раз ставился вопрос о ненадёжности южного фланга Североатлантического альянса. Премьер-министр и министр обороны Греции А. Папандреу выступил с резкой критикой в отношении действий турецкого руководства, обвинив его в фактическом срыве двустороннего диалога, начатого после июньской сессии НАТО в Бонне. Претензии греческой стороны касались трёх вопросов – нарушения турецкими самолётами воздушного пространства Греции; сохранения крупной военно-морской базы Турции в непосредственной близости от

греческих островов; турецкой интерпретации статуса острова Лемнос. А. Папандреу упрекнул натовское руководство в том, что оно на деле потворствовало экспансионистским устремлениям Анкары¹.

Эти противоречия проявились в ходе осенних манёвров НАТО 1983 и 1984 гг. А. Папандреу не соглашался с проведением переговоров в отношении командования и управления эгейскими территориями. Он снова настаивал на включении восточных эгейских островов, в первую очередь, о. Лимии, в план военных учений НАТО в сентябре 1983 г. и говорил о том, что если этого не произойдет, Греция не будет участвовать в учениях Альянса в регионе, планировавшихся на 3–5 октября 1983 г. В свою очередь, Турция выразила протест в отношении позиции Греции, критикуя Афины в стремлении к милитаризации этого острова, что противоречило соглашениям. Анкара настаивала также на том, чтобы на острове не появилась военная база. НАТО отказали Греции в просьбе. В ответ 17 сентября 1983 г. Афины заявили о своём отказе от участия в военных учениях Альянса. Стоит заметить, что этот двусторонний конфликт в рамках НАТО из-за о. Лимии продолжился и в период правления Т. Озала. Такая же ситуация повторилась и на следующий год – 17–24 октября 1984 г. Греция снова выдвинула свою просьбу о включении Лимии в план военных учений. 4 сентября 1984 г. она сделала заявление о том, что, если не будут произведены изменения в планировании границ учений, греческая сторона будет иметь полное право охранять свои интересы в регионе и предпримет для этого все необходимые шаги. Греция также объявила о своём намерении проводить военно-морские и военно-воздушные учения в регионе 2–12 октября, включая остров Лимия. На это Турция 11 сентября заявила, что не обязана предоставлять военным самолётам полётную информацию. Поэтому, если Греция осуществит озвученные планы, то сама будет нести ответственность. В ответ Греция закрыла воздушный коридор G18 для гражданских судов, проходящих через Эгейское море. В свою очередь Анкара 24 сентября 1984 г. сделала оповещение пилотам, что грани-

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 163.

цами её ответственности в рамках военных учений является воздушный путь G18, начинающийся с греко-югославской границы, проходящей через остров Лимия в Эгейском море и простирающейся до южной границы Родоса, что включало в себя часть района полётной информации Афин. Спустя некоторое время после разгара конфликта вокруг Лимии, 17 ноября, когда НАТО проверял свой годовой план, правительство Греции предоставило официальный документ о размещении вооружённых сил на острове Лимия. Турецкое правительство решительно возразило против этого, обвинив Грецию в попытке использовать НАТО для поддержки милитаризации эгейских островов. Кроме того, Анкара заявила о том, что такое положение противоречит демилитаризованному статусу Лимии и, в случае согласования этого документа на форумах НАТО, Турция будет вынуждена использовать своё право вето. После этого, блок НАТО пытался выступить в роли примирителя конфликта, но это не дало никаких результатов. На Комитете военного планирования Турция наложила вето не только на милитаризацию Лимии, но и на всё то, что Греция предоставила НАТО. В ответ Греция предприняла «зеркальные» меры, наложив вето на все предложения, которые предоставляла Турция в НАТО. В итоге двусторонний конфликт так и не получил какого-либо развития или решения, ограничившись взаимными вето.

Некоторая умеренность и противоречивость в формировании внешней политики Греции заключалась в особенностях внутривнутриполитического положения правящей партии ПАСОК. Дело в том, что с приходом этой партии к власти она заняла центристскую позицию по внешнеполитическим вопросам, находясь между правой партией «Новая демократия», выражающей интересы монополистической буржуазии и левыми силами в лице Коммунистической партии Греции. ПАСОК объективно стояла ближе к левому крылу оппозиции, хотя старалась ориентироваться на колеблющееся общественное мнение и националистические чувства мелкобуржуазной среды. Отсюда наряду с акциями, способствовавшими урегулированию различных конфликтов, про-

должали действовать реваншистские настроения. Эта противоречивость проявлялась во взаимоотношениях с НАТО, ЕЭС и Турцией в Эгейском вопросе.

Стоит отметить, что США и НАТО были обеспокоены напряжённостью в турецко-греческих отношениях. Их попытки западных убедить турок и греков необходимости консенсуса в интересах атлантической солидарности не приводили к реальным положительным результатам. Более того, противоречия между двумя государствами имели тенденцию к обострению. В частности, отвечая на вопрос корреспондента турецкой газеты «Хюрриет»: «Начнётся ли война между Турцией и Грецией?», премьер-министр Турции Б. Улусу заявил: «Мы не хотим употреблять слово “война”. Тот, кто захочет, тот поймёт, что мы хотим сказать. Мы преисполнены решимости не допускать “свершившихся фактов”»¹.

Вследствие возникшей напряжённости в греко-турецких отношениях, в марте 1982 г. около ста турок в восточной Фракии (регион Греции) лишились своих земель из-за разногласий с греческими властями. В г. Ксантии начались протесты местных турок. Об этих событиях тотчас спешили сообщить турецкие СМИ, преподнесшие все это в слишком драматичном контексте. Эти события побудили правительство Турции 12 сентября приступить к действиям против Греции. В частности, как знак протеста против действий Афин, можно отнести принятый турецкими властями закон от 26 марта 1982 г., дававший право конфискации имущества греков, проживающих на территории Турции. Сразу после этого решения, которое, впрочем, так и не вступило в законную силу, 12 июня было принято более умеренное решение, в соответствии с которым, грекам запрещалось передавать своё имущество, находящееся в пределах Турции, кому-либо.

В конце 1980-х гг. Эгейский вопрос проявил себя в очередной раз. Как и ранее, это было связано с запасами нефти, имевшимися в этом регионе. По мнению Баскина Орана, хотя Эгейский кризис 1987 г. был вызван поисками нефти в Эгейском море, в реальности это была надуманная ситуация. Греция

---

¹ Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М., 1992. С. 166.

начала проводить исследования по поиску нефтяных месторождений в начале 1980-х гг. Т. Озал предпочёл сохранять сдержанность по этому вопросу. Однако, вскоре его стали критиковать в Турции за его позицию в отношении Греции¹. Также можно добавить, что по мнению Баскина Орана, Греция, вероятно, хотела использовать обострение напряжённости 1987 г. для создания препятствий для Турции перед переговорами по процессу принятия последней в ЕС². Однако, этот вопрос назревал годами и вспыхнул в фазу кризиса только марте 1987 г., в то время, когда Т. Озал выехал из Турции на лечение. Внешняя политика турецкого МИД проводилась в сотрудничестве с высшим армейским командованием. Бюрократия была не довольна примирительной политикой Т. Озала в отношении Греции, что, по их мнению, повышало напряжённость в регионе³.

События развивались следующим образом: 27 февраля 1987 г. министр иностранных дел Греции Каролос Папульяс на встрече с послом Турции в Афинах Назми Акыманом заявил об отказе признавать Грецией Бернской декларации, которая касалась экологии региона, и поэтому может начать поиск нефти в эгейском регионе. Министерство иностранных дел Турции, посоветовавшись с Генеральным штабом, 1 марта 1987 г. направило ноту, в которой говорилось, что, если Греция нарушит Бернскую декларацию и начнет поиски нефти на спорном континентальном шельфе Эгейского моря, Турция примет ответные меры. Греция проигнорировала ноту и заявила о своём намерении провести учения по тревоге 19 марта в Эгейском море, в котором будут участвовать все греческие военные силы. 25 марта Организация национальной безопасности Турции приняла решение отправить в Эгейское море судно Сисмик 1. Это решение было согласовано советом министров. В соответствии с этим, Турецкой нефтяной корпорации (ТРАО) было выдано разрешение на поиски нефти в Эгейском море.

---

¹ Oran B. Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents. Istanbul, 2010. P. 587.

² Ibid.

³ Ibid.

Вечером 26 марта 1987 г. в знак протеста против действий Греции по вопросу континентального шельфа Эгейского моря, после 11-летнего перерыва, впервые турецкое судно Сисмик 1 под конвоем военных кораблей вышло за пределы территориальных вод Турции. На следующий день турецкие и греческие войска перешли в режим чрезвычайного положения. В обращении к народу А. Папандреу объявил о своей готовности защищать при необходимости силой суверенные права Греции. Кроме того, греческий премьер проинформировал НАТО и США об их ответственности за любой поворот событий в Эгейском регионе. Более того, А. Папандреу заявил о своей готовности закрыть на время чрезвычайного положения некоторые электронные объекты США в Греции¹. А. Папандреу попросил политической поддержки у болгарского руководителя Т. Живкова. Но это было нереальным, т.к. в случае оказания такой поддержки Варшавский договор столкнулся бы с НАТО. Однако Т. Живков заверил А. Папандреу в безопасности болгарской границы.

А. Папандреу заявлял, что никакого диалога с Турцией не может быть, пока турецкие оккупационные войска находятся на Кипре, а Турция продолжает предъявлять претензии по Эгейскому морю, которые в случае принятия привели бы к его разделению. Как говорил греческий лидер, «диалог означает дать и взять, а в нашем случае только дать. У нас нет никаких претензий, и, следовательно, для Греции не может быть ничего позитивного в этом диалоге»². Эта позиция была ключевой для А. Папандреу после его решения встретиться с турецким премьер-министром Т. Озалом в Давосе в конце января 1988 г.

Конфликт двух государств в Эгейском море обеспокоил Вашингтон и страны НАТО. Англия попыталась стать посредником. Т. Озал заявил, что если Греция не отступит, то Турция тоже не собирается делать шаг назад, вследствие чего из Афин пришло объяснение ситуации того, что Турция неверно поняла Грецию. В такой обстановке конфликт разрешился, и 28 марта

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 48.

² Ibid. P. 47.

1987 г. обе стороны заявили, что их суда не будут заходить за пределы своих территориальных вод без причин. Таким образом, кризис был преодолен, однако обе стороны остались при своих позициях в отношении данной проблемы. Для преодоления напряженности, возникшей из-за отсутствия диалога между двумя сторонами, А. Папандреу заявил, что готов говорить с Т. Озалом 6 апреля 1987 г., но добавил, что будет настаивать на передаче вопроса о континентальном шельфе в Международный суд юстиции. В ответ, 8 апреля 1987 г. турецкое руководство заявило о том, что вопрос континентального шельфа должен быть решен не Международным судом юстиции, а через проведение двусторонних переговоров¹.

В это время Т. Озал находился в довольно затруднительном положении. С одной стороны, 14 апреля 1987 г. он подал заявку на полное членство Турции в ЕС, поэтому стремился избегать вето со стороны Греции. С другой стороны, парламентские выборы в Турции были назначены на ноябрь 1988 г., и он не мог позволить отдать оппозиции заслуги миротворца. Поэтому Т. Озал только после выборов в Турции имел возможность начать переговоры с греческими правящими кругами. Естественно, отсутствие вето со стороны Греции ставило членство Турции в ЕС более реалистичным. Это, в свою очередь, открывало новые политические и экономические перспективы для Турции².

Можно отметить, что решительный ответ А. Папандреу и вмешательство дипломатии третьей стороны в лице стран Запада разрядили обстановку между двумя государствами. После кризиса марта 1987 г., и за весь оставшийся год А. Папандреу и Т. Озал обменялись несколькими письменными сообщениями, содержание которых осталось тайной. В результате этих сообщений два лидера неожиданно объявили о решении встретиться 30 декабря

---

¹ Baskin O. Turkish foreign policy 1919-2006. Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City, 2010. P. 588.

² Ibid. P. 589.

– 1 января 1988 г. в Давосе для беседы один на один. Эти беседы были продолжены на встрече НАТО в Брюсселе 3–4 марта 1988 г.¹

Таким образом, состояние Эгейского вопроса в 1980-е гг. являлось полным продолжением предшествующего десятилетия. Значительный отпечаток на комплекс противоречий, связанный с пограничным Эгейским морем, наложил нерешённый Кипрский вопрос, поскольку именно от его нерешённости исходила основная причина недоверия между сторонами. Более того, это недоверие усугублялось исторической памятью греков в отношении склонности турок к агрессивным акциям со времён Османской империи. Во внешней политике правящие круги Турецкой Республики стремились немного отойти от линии Ататюрка до состояния статус кво в отношениях с одним из соседей – Грецией. Теперь Турция активно противодействовала Греции в её стремлении расширить свои территориальные воды до 12 миль. Именно кризис марта 1987 г. создал необходимость в более продуктивном переговорном процессе между Турцией и Грецией. В частности, «платформой» для этого процесса и приостановки конфронтационных тенденций стала встреча в Давосе 1988 г., которая положила начало так называемому «Давосскому процессу». Несмотря на вероятную опасность начала боевых действий, эти события стали своего рода «шоковой терапией» в становлении нормального цивилизованного диалога. Также очевидна была позиция правительства Турции не портить отношения с Грецией, главным образом из-за желанного членства в ЕС. В то же время, в построении диалога с Турцией были заинтересованы и греческие правящие круги. Историческая ретроспектива показывает, что это противостояние стало поворотной точкой в греко-турецких отношениях с 1974 г. Риски, связанные с данной конфронтацией, указали на необходимость диалога между лидерами двух стран, который был прерван в ноябре 1983 г. Несмотря на то, что оба государства входили в блок НАТО, вероятность вооружённого конфликта с более мощной турецкой армией

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. P.48.

нельзя было совсем исключать. Однако, реального решения насущных проблем, связанных с Эгейским морем, в 1980-е гг. не последовало.

1.3 История возникновения и сущность Кипрского вопроса.

Политика Турции в отношении Кипра

Проблема Кипра в 1980-е гг. характеризуется наличием такого свершившегося факта, как турецкая оккупация северной части острова. В связи с этим, в данное десятилетие между Турцией и Грецией и между Турцией и двумя кипрскими государствами существовали противоречия, приводившие к кризисам и затрагивающие проблемы безопасности всего Восточного Средиземноморья.

Острота Кипрского вопроса осложнялась наличием комплекса турецко-греческих противоречий по ряду других вопросов, например – Эгейского, а также геополитическими и стратегическими аспектами, связанными с географическим положением Кипра, находящимся на стыке трёхконтинентов¹. Кроме того, очевидна близость острова к арабским странам, имеющим нефтяные ресурсы. Причиной возникновения данной проблемы были обусловлены историческими противоречиями, разделяющими две национальные общины – турецкую и греческую. Эти противоречия были усилены неизбежной вовлеченностью Турции и Греции в конфликт. Более того, поскольку обе страны в рассматриваемый период являлись членами НАТО и играли заметную роль в международной политике, этот фактор способствовал вмешательству в их противоречия США и НАТО.

Вовлечение Турции и Греции в Кипрскую проблему осуществлялось через поддержку этими странами двух этнических групп. Таким образом, турецко-греческое соперничество переносилось на турков-киприотов и греков-киприотов. Насаждавшийся внутри и извне острова антагонизм между двумя

---

¹ Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 106.

общинами усугублялся социально-политическими и экономическими факторами (турецкая община малочисленнее и экономически значительно слабее греческой)¹.

Для того чтобы раскрыть сущность конфликта между общинами острова, необходимо осуществить экскурс в более раннюю историю Кипра. Турецкая община сформировалась на Кипре в период османского господства на острове с 1571 по 1878 гг. в основном за счёт переселенцев из Анатолии и представляла собой составную часть турецкого народа. В результате постепенного расселения турок по всему острову, районы проживания общин со временем настолько перемешались, что не осталось ни одного более или менее крупного мононационального населённого пункта². Турки на Кипре издавна стремились исключительно к военной, административной или духовной карьере, и презрительно относились к ремеслу, торговле, ростовщичеству, чем активно занимались греки. Поэтому, рост благосостояния и численности торговой прослойки среди кипрских греков не угрожал позициям турецкого населения. Когда в 1878 г. власть над Кипром перешла к Англии, а в 1925 г. остров формально стал колонией и оказался вне границ Османской империи, положение местных турок коренным образом изменилось: они утратили политическую власть и оказались на положении меньшинства по отношению к более многочисленной и экономически сильной греческой общине. В связи с этим, лидеры турок-киприотов, начиная с XX в., стали считать, что сотрудничество с колониальной английской администрацией поможет им избежать подчинения греческой общине, сохранить политическое влияние и обеспечить экономическое развитие³. Интересы греков-киприотов были противоположны позиции местных турок, поскольку они не нуждались в господстве английской колониальной администрации. Поэтому именно община греков-киприотов стала ядром национально-освободительного дви-

---

¹ Шмаров В.А. Кипр в средиземноморской политике НАТО. М., 1982. С. 38.

² Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 169.

³ Attalides M. Cyprus Nationalism and International Politics. N.Y., 1979. P. 61.

жения против английской колониальной администрации. Главным лозунгом греков Кипра стал энозис – объединение с Грецией.

В свою очередь, община турок-киприотов поддерживала союзнические отношения с колониальной администрацией Англии через поддержку последней в подавлении освободительного движения греков Кипра. В середине 1950-х гг. численность служивших в колониальной полиции кипрских турок резко выросла, достигнув более 70%. Они активно участвовали в репрессивных акциях в отношении антиколониального движения греков-киприотов. Эта проколониальная активность турок-киприотов не могла не привести к обострению враждебности и ухудшению отношений между двумя основными этническими общинами Кипра.

В 1955 г. Национальная организация кипрских борцов – ЭОКА, созданная греческим полковником Д. Гривасом, начала вооружённую борьбу против английских колонизаторов. ЭОКА требовала энозиса подобно воссоединению с Грецией Крита (1913 г.) и островов Додеканес (1947 г.). Несмотря на то, что с первого дня своего образования ЭОКА в специальных обращениях к турецкой общине заверяла о своей лояльности и отсутствии враждебных намерений, туркам-киприотам не нравился состав данной организации, допускавшей в свои ряды исключительно сторонников энозиса. Естественно, англичане стали использовать в борьбе с ЭОКА турок-киприотов. Это привело к тому, что антиколониальные акции ЭОКА стали сочетаться с ярко выраженной шовинистической антитурецкой деятельностью. Взаимные террористические акции между двумя этническими группами настолько накалили обстановку, что уже к 1958 г. убийства и погромы в ходе турецко-греческих столкновений, стали обыденностью¹.

В условиях распада Британской империи английские правящие круги не хотели отпускать Кипр в «свободное плавание», поэтому, стремились так или иначе контролировать остров, отвергая энозис как форму деколонизации. Ло-

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 170.

гичным союзником английскому империализму в противодействии энозису стала Турция. Можно отметить, что до 1950-х гг. Турция не проявляла большого внимания к судьбам Кипра и местных турок. Однако, благодаря усилиям Англии, уже в 1955 г. турецкое правительство заявило, что энозис Кипра, находящегося всего в 60 км. от побережья Анатолии, недопустим по соображениям стратегической безопасности Турции¹. Конечно, нельзя недооценивать амбиции самой Турции, в исторической памяти которой Кипр входил не одно столетие в состав Османской империи. Поэтому, присоединение Кипра к Греции было совсем не нужно Анкаре, к тому же при наличии значительной турецкой общины.

Следует отметить, что греки-киприоты в этот период совершили значительную стратегическую и тактическую ошибку. Так, осознавая своё численное преимущество и требуя энозиса, греки-киприоты фактически полностью игнорировали интересы и само существование турецкой общины. Такая позиция давала англичанам возможность вмешательства в дела Кипра под предлогом защиты интересов турецкого меньшинства, а также вынуждала турок-киприотов искать внешней поддержки. По понятным причинам, первой страной, заинтересованной в помощи кипрским туркам, являлась Турция.

В противовес ЭОКА на Кипре была создана турецкая организация националистического толка «Волкан», организовывавшая террористические акции против греков-киприотов². После Второй мировой войны турками-киприотами был выдвинут лозунг «таксима» – раздела острова между Турцией и Грецией в качестве альтернативного энозису варианта решения Кипрского вопроса. Активное противодействие таксиму со стороны греческой общины делало раздел острова довольно сложной задачей. В связи с этим турецкая община в целом положительно отнеслась к идее Англии о предостав-

---

¹ Нестеров А.Г., Златоустова М.И. Британский проект урегулирования ситуации на Кипре в 1957–1958 гг. // Научный диалог – V., 1.5. Екатеринбург, 2017. С. 245.

² Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 108.

лении острову независимости при соблюдении интересов турецкого меньшинства.

В 1959 г. под давлением Англии (это давление заключалось в угрозе передать часть Кипра Турции) Греция была вынуждена заявить об отказе от энозиса. В соответствии с соглашениями, подписанными в Лондоне 19 февраля 1959 г. между Великобританией, Грецией, Турцией и цюрихско-лондонскими соглашениями, предусматривалось создание единого и независимого кипрского государства, в котором права обеих общин гарантировались фиксированным представительством в органах власти. Англия, Греция и Турция становились гарантами статуса острова и прав обеих общин. На основе этих соглашений была разработана конституция Республики Кипр. 16 августа 1960 г. во время подписания «договора о гарантиях» между Республикой Кипр с одной стороны и Грецией, Турцией, Великобританией – с другой, была провозглашена независимость Республики Кипр¹. По второй статье данного соглашения Греция, Турция и Великобритания признавали и гарантировали независимость и территориальную целостность Республики Кипр. Греции, Турции и Великобритании запрещалось в дальнейшем содействовать и оказывать помощь, прямую или косвенную, направленную будь то на объединение Кипра с любым другим государством или раздел острова². На острове оставались экстерриториальные английские базы общей площадью более 150 кв. км, а также были размещены контингенты греческих и турецких войск³.

Непродолжительный период функционирования внешнеполитической системы, основанной на соглашениях 1960–1963 гг., показал неэффективность данного, навязанного извне, механизма решения межобщинных разногласий. Поэтому отсутствие возможности в решении двустороннего межэт-

---

¹ Kverhelidze I. Afficient is the European Union in Conflict Resolution? Case – Studies of Cyprus and Transnistria. Tbilisi, July, 2010. P. 18.

² Treaty of Guaranty. Signed at Nicosia on 16 August 1960. URL: http://www.mfa.gr/images/docs/kypriako/treaty_of_guarantee.pdf (дата обращения 14.10.2017).

³ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 171.

нического конфликта с помощью данных соглашений было налицо. Напротив, не исчезнувший, а усиливавшийся в течение 1950-х гг. взаимный антагонизм между турками и греками дал свои плоды и вылился в вооружённые столкновения 1963, 1964, 1967 гг.¹

По мнению В.А. Шмарова, процесс увеличения напряжённости между двумя кипрскими общинами повысился из-за влияния буржуазно-националистических доктрин – эллинизма и панктыоркизма, принесённых на остров соответственно из Греции и Турции. Национализм греков выражался в дилемме – «либо Кипр весь объединится с Грецией, либо произойдёт катастрофа». В свою очередь, местные идеологи панктыоркизма выдвинули лозунг – «Кыбрыс тюрктур» («Кипр турецкий»)². По мнению автора, в этот период у турок и греков-киприотов не было других вариантов развития событий, так как в этот процесс были вовлечены их «подшефные» государства – Турция и Греция. Кроме того, Великобритания также не оставляла остров без внимания.

Оккупация Северного Кипра турецкими войсками в 1974 г., проведённая под предлогом защиты турецкого населения от насилий со стороны греков и провозглашение 13 февраля 1975 г. Турецкого федеративного государства Кипр, определили фактический раздел острова между двумя общинами. Драматические события привели к массовому бегству греков-киприотов из северных районов Кипра в южные. Это, в свою очередь, вызвало миграцию турецкого населения в зону, контролируемую турецкими войсками. По официальным статистическим данным общее число перемещённых греков-киприотов составило 198 тыс. чел., а турок-киприотов – 37 тыс.³ Кроме того, в Греции это привело к концу правления военной хунты и переходу власти к гражданскому правительству.

---

¹ Шахбазов В.А. Проблема Кипра в политике Турции в 1960–1980 годах. Орджоникидзе, 1983. С. 25.

² Шмаров В.А. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1986. С. 110.

³ Danopoulos C.P. The Cyprus Problem and Prospects of Reunification // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, No 2 (19). June. P. 138.

С этого времени большинство инициатив ООН, направленных на решение Кипрского вопроса, были провалены, и решение проблемы зашло в тупик. Стоит отметить, что с тех пор именно Кипрский вопрос стал главным препятствием в примирении между Турцией и Грецией, к тому же негативно сказывающимся на других двусторонних проблемах¹.

Таким образом, Кипрская проблема вместе с продолжающимся спором вокруг вопросов, касающихся пограничных вод Эгейского моря, открыла эру «холодной войны» в турецко-греческих отношениях². Одним из основных «камней преткновения» на пути к решению Кипрского вопроса являлся отказ турецкой стороны разрешить грекам-беженцам вернуться в родные места. Турки были согласны только на обсуждение вопроса об условиях возвращения в Мараш (курортный район) греческих беженцев – владельцев гостиниц и персонала. Одновременно с этим, турецкая сторона выдвинула в качестве требования – снятие экономической блокады турецкого Кипра со стороны греков. Иными словами, турки-киприоты требовали равных возможностей в международной торговле с греческим Кипром³.

Политика правительства Турции, направленная на фактическую колонизацию Северного Кипра, была проанализирована в докладе, предложенном на рассмотрение Парламентской Ассамблеи Совета Европы испанским парламентарием Альфонсом Куко, который осуществлял в то время специальную миссию на Кипре. Политика колонизации Северного Кипра переселенцами из Турции была осуждена Советом Европы принятой Парламентской Ассамблей резолюцией 12 сентября 1991 г.⁴ Переселенцы из Турции прибывали на Кипр, как правило, из самых бедных регионов Анатолии, при этом их профессиональный уровень был весьма низок. Кроме того, традиции, обычаи

---

¹ Greek-Turkish relations in the post-Helsinki Period: Is Europe a framework providing détente? URL: www.idec.gr/ (дата обращения: 24.02.2014).

² Ibid.

³ Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов. М., 1986. С. 248.

⁴ Resolution 12.9.1991 on lack of Community involvement in resolving the Cyprus question // European Stand on the Cyprus problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly and the Committee of Ministers of the Council of Europe and the European Council and the European Parliament of the European Union. July 2001.

и стиль жизни турок значительно отличались от уклада жизни турок-киприотов. При этом турки-киприоты относились к туркам из Анатолии как к иностранцам. В своём выступлении перед Советом Безопасности министр иностранных дел Республики Кипр Георгиес Иакову в ноябре 1983 г. говорил, что «оккупированная территория Кипра колонизирована чужим населением, привезённом из Турции в соответствии с планами Анкары изменить демографическую структуру Кипра. Эти колонизаторы создали даже свою политическую партию, а их лидер – бывший полковник армии Турции Измаиль Тэзер служит министром при режиме Р. Денкташа. На пресс-конференции 22 декабря 1978 г. И. Тэзер открыто заявил, что целью его партии является раздел Кипра и его аннексия Турции. 17 августа 1981 г. он подтвердил, что переселенцы прибыли на Кипр с одобрения Турции с целью укрепить сельскохозяйственный сектор, что большинство из них станут гражданами так называемого турко-кипрского государства и «их цель – остаться на Кипре навсегда»¹. Такие планы турок были подвергнуты критике даже самими турками-киприотами. Лидер турок-киприотов и бывший вице-президент Кипра д-р Кучук в своей статье от 24 мая 1978 г. в газете «Халкин-Сеси» отмечал, что эти поселенцы «превратили рай на острове в ад»². Таким образом, противоречия внутри, на первый взгляд, единого турецкого населения Северного Кипра был налицо. Это во многом стало причиной отъезда 55 тыс. турок-киприотов с острова в Турцию и страны Европы. Данное положение являлось серьезным тормозящим фактором в деле достижения договоренности среди кипрских турок, крайне важной для переговоров с греческой частью острова по вопросу о вступлении единого Кипра в состав ЕС³. Подтверждение этому служит статья в немецком журнале «Шпигель» от 17 июля 1978 г., в которой подчеркивается: «Согласно плану Анкары по ко-

---

¹ Выступление министра иностранных дел Республики Кипр Георгиеса Иакову перед Советом Безопасности в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия, 1983. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 40.

лонизации, турецкое население должно увеличиться с 120 тыс. до 250 тыс. Переселенцы прибывают из материковой Турции, а турки-киприоты покидают остров. Это способствует изменению соотношения населения между греками и турками на острове. Их цель заключается в том, чтобы на одного грека приходилось два турка. Они хотят ослабить положение греков, так как турки-киприоты едва достигают 20% всего населения. Эта численность никак не может соответствовать 40% территории, которую Р. Денкташ объявил «автономным федеральным государством»¹. Первоначально около 10 тыс. семей военнослужащих, убитых в июле и августе 1974 г., прибыли на постоянное место жительства, затем последовали 30 тыс. нуждающихся и работников лесного хозяйства из Анатолии. Кроме того, около 70 тыс. турок-киприотов, проживающих на юге Кипра, переселились на север. Переселенцы из Анатолии поселились в основном в домах, оставленных греками, как, впрочем, получив другое имущество – автомобили и поля. Этим можно объяснить недовольство части турок, переселившихся из юга острова и почувствовавших себя ущемлёнными в разделе имущества греков-киприотов. Кроме того, переселенцы прибыли с обычаями и нормами морали, чуждыми местному населению. Многие переселенцы пишут и говорят на диалекте, который неприемлем для образованных турок-киприотов².

Продолжая раскрывать сущность политики правительства Турции в отношении Кипра, можно вернуться к выступлению Г. Иакову в ноябре 1983 г.: «20 июля 1980 г. в шестую годовщину интервенции господин Туран Гюнтеш, министр иностранных дел Турции, во время её вторжения на Кипр открыто заявил, что, Кипр ценен тем, что он представляет собой подходящее средство для страны, заинтересованной в своей обороне, или в целях экспансии». Кроме того, господин Т. Гюнеш сделал шаг дальше и признался, что «многие государства в той степени, в которой это служит их интересам, хотят видеть

---

¹ Der Spiegel 17.7.1978 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. July 2001. P. 230–231.

² Der Spiegel 17.7.1978 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. July 2001. P. 231.

проблему Кипра как наше желание защитить интересы турецкой общины на острове, в то время, как настоящая проблема – это безопасность миллионов турок на материке»¹.

Одной из самых значительных проблем в отношениях между греко-кипрской стороной и руководством ТРСК был вопрос о пропавших без вести греках-киприотах. Как известно, более 1500 греков-киприотов и граждан Греции пропали без вести в ходе событий 1974 г. Правительство греческой части Кипра всячески пыталось выяснить судьбу каждого пропавшего, в то время как руководство ТРСК и правящие круги Турции, наоборот, стремились скрыть и забыть эту проблему. Такая незаинтересованность объяснялась тем, что большинство пропало без вести именно на территории Северного Кипра. По понятным причинам активный поиск пропавших греков был вреден для имиджа ТРСК и высших чинов турецкой армии, принимавших участие в событиях 1974 г.

Кроме того, на оккупированной турецкими вооружёнными силами части Кипра нарушались права не только греков-киприотов, но и турок-киприотов. Во многом эти нарушения были связаны с тем, что основным судебным органом в ТРСК являлся военный суд. Фактическая изоляция турок-киприотов от внешнего мира неизбежно отражалась на экономике и культуре оккупированной части острова. Г. Иакову говорил: «Турко-кипрское население, которое также страдает под военной оккупацией, много раз поднимало голос протеста против сепаратистки позиции турецкой стороны. Типичным для этой озабоченности является недавнее заявление в турко-кипрском журнале “Олай” (от 8 марта 1982 г.) господина Орхана Кахия, лидера турок-киприотов, переехавшего на оккупированную территорию Кипра в 1975 г.». Далее он сказал: «В настоящее время даже турко-кипрские женщины стремятся вернуться к своему недвижимому имуществу на юге, чего им не раз-

---

¹ Выступление министра иностранных дел Республики Кипр Георгиеса Иакову перед Советом Безопасности в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия, 1983. С. 10.

решают».... “причина настойчивости людей переехать на юг состоит в том, что у них есть там недвижимая собственность, в то время как на севере они живут в нищете”»¹. По мнению Э.П. Теплова, линия раздела острова между двумя этническими общинами, протянувшаяся на 180 км. от г. Морфу через городские кварталы столицы Никосии до порта Фамагуста, шириной от 200 м до 7 км, фактически разделила экономику Кипра².

9 августа 1980 г. в ходе переговорного процесса между общинами на Кипре, турецкая сторона предложила создание федеративного государства на острове по модели два общества – два региона. Греческая сторона согласилась на создание федерации, но отрицала общинный принцип разделения населения острова. Греки-киприоты указывали на непропорционально большую территорию турецкого сектора в соотношении с численностью населения. Также они были против передачи турецкой общине территорий на севере острова и против наделения центрального правительства незначительными функциями, не способными каким-либо образом влиять на политику государственных органов обеих общин. В итоге греческая сторона согласилась на предложение о двухобществах и отказалось от предложения о создании двух регионов³. Кроме того, между двумя сторонами существовали разногласия по вопросу о полномочиях в планируемом федеративном государстве.

1981 год был временем политической неоднозначности в ТРСК. Всё больше критиковалась политика Р. Денкташа, который возглавил государство турок-киприотов в 1976 г. За прошедшие пять лет после турецкой оккупации Северного Кипра его относительная стабильность базировалась главным образом благодаря финансовой помощи из Турции. Одной из основных причин политической нестабильности Северного Кипра была экономическая. В течение длительного времени в его экономику не было внесено никаких

---

¹ Выступление министра иностранных дел Республики Кипр Георгиеса Иакову перед Советом Безопасности в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия, 1983. С. 10.

² Теплов Э.П. Кипр-зеркало противоречий Средиземноморья. Л., 1989. С. 16.

³ Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х годов. М., 1986. С. 248.

инвестиций, сельскохозяйственное производство остановилось, увеличился уровень безработицы. Между переселёнными турками из Турции и турками-киприотами углублялось непонимание. Как сообщала французская газета «Ле Монд» в статье от 19 мая 1979 г., в зоне турецкой оккупации отмечаются низкие показатели экономики. Турки-киприоты начинают испытывать невыносимое присутствие оккупантов. С одной стороны, военные части, а с другой – около 30 000 поселенцев были переселены из обездоленных районов Турции¹.

В июне 1981 г. Р. Денкташ был избран главой Турецкой Республики Северного Кипра. Характерно, что на парламентских выборах ни одна партия в одиночку не смогла набрать большинство голосов. В оппозиционном левом крыле состояли такие партии, как Республиканская турецкая партия. Эти партии приняли решение создать коалицию против близкой Р. Денкташу Партии национального единства. Однако, их идея о создании коалиции не получила практического воплощения. Причиной этому послужило прибытие в ТРСК 12 сентября 1981 г. министра иностранных дел Турции Ильтера Тюркмена. В ходе визита, И. Тюркмен выразил недовольство Анкары в связи с созданием этой коалиции. Позже была создана другая коалиция – с преобладанием партии Национального единства².

Критика политики правительства Турции содержится в выступлении министра иностранных дел Кипра Г. Иакову в 1983 г.: «С каждым днём Турция предпринимает ещё один шаг к нарушению независимости, суверенитета, территориальной целостности и единства Кипра и обращению оккупированной части территории в провинцию Турции. После визита на оккупированный север Кипра в мае 1982 г. премьер-министра Турции Бюлента Улусу было объявлено решение Анкары о создании на оккупированной территории Республики так называемых Центрального Банка и Банка по развитию эко-

---

¹ Le Monde. The Cypriot crisis: Shaking off the general indifference 19.5.1979 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. July 2001. P. 230.

² Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek Relations: The Security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 32.

номики. Кроме того, после визита в Анкару в прошлом году (1981 г. – прим. авт.) господина Чагатая (Мустафа Чагатай, премьер-министр ТРСК в 1978–1983 гг.), было также сообщено о решении турецкого правительства об отмене кипрских денежных знаков и введении турецкой лиры “как легальной монеты” в денежное обращение на оккупированной территории Республики. Кроме того, они стали выдавать захватчикам так называемые ордера на частную собственность на имущество греков-киприотов, включая солдат из оккупационных войск и переселенцев из Турции»¹.

13 февраля 1983 г. на греческом Кипре состоялись выборы, по результатам которых президентом стал Спирос Киприану. С. Киприану совместно с А. Папандреу вывели проблему Кипра из рамок двустороннего вопроса на межгосударственный уровень. Ещё в феврале 1982 г. во время визита А. Папандреу в Республику Кипр с визитом он заявил о том, что Кипр и эллинизм – единое целое, поэтому этот вопрос не является проблемой греко-турецких отношений или НАТО. В связи с этим, проблема нуждалась в решении на международной конференции при ООН.

Стремление Греции и Республики Кипр к интернационализации Кипрского вопроса, встретило отрицательную оценку со стороны ТРСК. 17 июня 1983 г. парламент Турецкой Республики Северного Кипра принял решение о том, что турки Кипра имеют право на самоопределение, которое не может быть подвергнуто никакому сомнению. Это решение властных структур ТРСК побудило Генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра 8 августа 1983 г. выдвинуть свой план урегулирования проблемы. Этот план вызвал разногласия в правительстве Республики Кипр. После отказа президента Кипра С. Киприану рассматривать план Генерального секретаря ООН, глава МИД Республики Кипр Никос Роландис ушёл в отставку, объяснив это своим несогласием с позицией С. Киприану.

---

¹ Выступление министра иностранных дел Республики Кипр Георгиеса Иакову перед Советом Безопасности в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия, 1983. С. 6.

6 ноября 1983 г. в Турции в соответствии с итогами парламентских выборов, к власти пришла Партия отечества (ПО) во главе с её лидером Т. Озлом. Сформированное этой партией правительство сразу же приступило к решению дел, касающихся Кипра. В соответствии с этим, 15 ноября 1983 г. было созвано собрание представителей Северного Кипра, на котором по итогам голосования было объявлено о независимости Турецкой Республики Северного Кипра. В Декларации независимости ТРСК было заявлено о том, что новое государство будет уважать принципы ООН, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю политику, не присоединяться ни к одному из военных блоков, а также придерживаться гарантийных соглашений. Сразу же после объявления независимости ТРСК был создан парламент и начата подготовка конституции¹.

После провозглашения независимости новое турецкое государство было признано только Турцией. Лояльный Анкаре Пакистан, первоначально принявший решение о признании ТРСК, под воздействием США отказался от признания государства на севере Кипра. Придание свершившейся тюркизации Северного Кипра юридической формы стало поворотным этапом в решении Кипрской проблемы. Теперь можно говорить не просто о противоречиях между этническими группами турок и греков на острове, а между двумя государственными образованиями. Конечно, не стоит забывать о том, что одно из этих государств являлось не признанным мировым сообществом, а по сути «филиалом» Турецкой Республики. Данные события способствовали смещению Кипрского вопроса из регионального на международный уровень.

Прежнее, сформированное военными правительство, пришедшее к власти в Турецкой Республике в результате военного переворота 12 сентября 1980 г., оставило после себя «в наследство» правительству Т. Озала пошатнувшееся влияние Турции на международной арене. Это проявилось, в частности, в возвращении Греции в НАТО, что делало ее менее уязвимой перед

---

¹ Oran B. Turk Dis Politikasi. Istanbul, 2010.P. 119.

более сильной Турцией. Кроме того, признание оккупированной части острова независимым государством создало Анкаре репутацию агрессора.

Политика Т. Озала по интеграции турецкой экономики в мировую, пользовалась значительной поддержкой со стороны турецкого бизнеса. Экономические реформы требовали финансовой поддержки стран Запада, но одной из преград на этом пути, как на пути долгожданного членства Турции в ЕС, являлся нерешённый Кипрский вопрос. Поэтому приоритетом во внешней политике Т. Озала являлась активизация переговорного процесса для урегулирования Кипрского вопроса. Разнонаправленность во взглядах элиты Турции относительно Кипрской проблемы вызывала беспокойность главы ТРСК Р. Денкташа. В связи с этим его позиция в 1980-х гг. на переговорах, проводимых под контролем ООН, была наиболее конструктивной. Греция же оказывала Республике Кипр полную политическую поддержку.

Таким образом, переговорный процесс был возобновлён в 1984 г. (приостановлен после провозглашения ТРСК). Р. Денкташ предложил вниманию Генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльяра так называемую «программу добрых намерений»¹. В эту программу входили такие предложения, как вопрос о статусе курортного района Мараша, открытие международного аэропорта в Лефкоше, начало работы Комитета по поиску пропавших людей и другие. Генеральный секретарь ООН рекомендовал рассмотреть только план по Марашу, в соответствии с которым, до полного разрешения кипрской проблемы, Мараш должен был оставаться в рамках тех условий, которые были предложены 5 августа 1981 г. ТРСК. Кроме того, Мараш временно оставался под управлением ООН и руководство ТРСК не должно было предпринимать никаких действий, угрожающих его независимости. Со своей стороны С. Киприяну отверг предложение Р. Денкташа и поддержал план Х. Переса.

В процессе переговоров между Х. Пересом, Р. Денкташем и С. Киприяну, 17 апреля 1984 г. Турция и ТРСК трансформировали свои представитель-

---

¹ Baskin O. Turk Dis Politikasi. Istanbul, 2010. P. 120.

ства до уровня посольств. Трёхсторонние переговоры начались 10 сентября 1984 г. в Нью-Йорке. Однако С. Киприану отказался садиться за стол переговоров с политической элитой ТРСК. В этих условиях Х.Пересу пришлось проводить переговоры с каждой стороной отдельно. В итоге появился проект соглашения, в соответствии с которым Федеративная Республика Кипр должна стать независимым государством, состоящим из двух частей, с двумя народами и двумя государственными языками (греческим и турецким). Предполагалось наличие собственных флагов и конституций у обеих частей Кипра. Планировалось также учреждение парламента, состоящего из сената, где 50% составляли бы турки-киприоты и думы, где их доля составляла бы 30%. Территориально Турецкое Федеративное государство должно было занимать 30% Кипра¹. Президентом должен быть грек, его помощник – турком. Планировался вывод всех военных частей из острова.

На переговорах в Нью-Йорке 17 января 1985 г. по заключению договора по урегулированию, С. Киприану отказался подписывать договор, аргументируя это тем, что целью его поездки являлось не подписание соглашения, а обсуждение вопросов урегулирования проблемы (А. Папандреу запретил С. Киприану заключать какие-либо соглашения до нейтрализации угрозы со стороны Турции и ТРСК. В ответ на это Р. Денкташ выдвинул свои условия: либо заключение соглашения, либо завершение переговорного процесса. Таким образом, переговоры в Нью-Йорке закончились безрезультатно из-за несогласия элит Греции и Республики Кипр с проектом соглашения².

Следует отметить, что в Нью-Йорке Р. Денкташ готов был на значительные уступки – он был согласен на условие, по которому туркам-киприотам оставалось менее 30% земли, отказывался от поста президента, вместо гарантий Турции соглашался на международные гарантии.

---

¹ Baskin O. Turk Dis Politikasi. Istanbul, 2010. P. 120.

² Danopoulos C.P. The Cyprus Problem and prospects of reunification // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, No 2 (19), June. P. 139.

Для понимания причин такой уступчивости со стороны главы ТРСК можно детально рассмотреть политическую ситуацию в турецком секторе острова. 1985 г. был временем избирательной кампании в ТРСК и усиления левых партий, которые критиковали политику Р. Денкташа, заявляя, что тот стремился к решению вопросов и поддерживал существовавший политический курс для сохранения собственных полномочий. Кроме того, Т. Озал в Анкаре настаивал на проведении переговорного процесса для урегулирования спорных вопросов острова. Р. Денкташ опасался, что в случае вмешательства Турции ему придётся пойти на более значительные уступки. Наконец, хорошо зная греческую сторону, он предвидел, что на тот момент она не будет принимать каких-либо конкретных решений. Поэтому Р. Денкташ собирался выставить греков-киприотов в глазах мирового сообщества как сторону, нежелающую идти на компромисс и вести конструктивные переговоры.

После безрезультатных переговоров в Нью-Йорке 5 мая 1985 г. в ТРСК был проведён референдум, в результате которого была принята новая конституция, а на выборах 9 июня 1985 г. Р. Денкташ был избран президентом. В соответствии с проводившейся ранее политикой переселения на Кипр населения из Анатолии, ещё до выборов приехавшие переселенцы из Турции получили гражданство ТРСК. В результате этого изменился состав избирателей в турецкой части Кипра, что способствовало формированию Р. Денкташем нового правительства. Таким образом, после 1985 г. у Р. Денкташа было значительно больше влияния для того, чтобы не идти на уступки грекам-киприотам.

Несмотря на негативное отношение к ТРСК, западные игроки использовали данную ситуацию неопределённости для усиления своих позиций в Восточно-Средиземноморском регионе. Однако ЕЭС не отходило от прежней риторики относительно Кипрской проблемы. 13 сентября 1985 г. Европейским парламентом была обнародована резолюция относительно турецкой оккупации северной части Кипра. В этой резолюции отмечалось:

1. Республика Кипр – ассоциированное с Европейским экономическим сообществом государство.

2. Резолюция 17 ноября 1983 г. осуждает акт провозглашения турками-киприотами независимого государства на части Кипра¹.

3. Осуждались последние незаконные действия руководства турок-киприотов. Например, референдум 5 мая 1985 г., президентские выборы 9 июня 1985 г., и парламентские выборы 23 июня 1985 г.

4. Незаконность действий турок-киприотов отмечалась в Брюссельской декларации от 21 июня 1985 г., принятой Комитетом политических дел Европейского парламента.

5. Генеральным секретарём ООН Х. Пересом де Куэльяром была разработана новая инициатива по решению Кипрского вопроса.

6. Стремление к урегулированию Кипрской проблемы на базе Генеральной Ассамблеи ООН и резолюций Совета Безопасности².

Для того чтобы заручиться поддержкой влиятельных сил Запада, Р. Денкташ предложил использовать территорию турецкого Кипра для потребностей НАТО. В связи с этим, 1986 г. в Лефконии был построен военный аэродром, предназначенный для использования сил быстрого реагирования США³.

Изучая позицию правящих кругов Турции, можно отметить, что провозглашение ТРСК 15 ноября 1983 г. не входило в планы Т. Озала, который ставил целью интеграцию Турции в мировую экономику и был заинтересован в получении западных кредитов, а, следовательно, не желал портить отношения с ЕЭС в угоду консолидации турок и в ущерб экономики Турции.

Для придания благоприятного имиджа ТРСК, 3 января 1984 г. там была сокращена численность турецкого воинского контингента. Но этого было не-

---

¹ Resolution 17.11.1983 on the 'declaration of independence' by the Turkish Cypriot sector of Cyprus // European stand on the Cyprus problem. L., July 2001. P. 75.

² Resolution 13.9.85 on developments in the Turkish-occupied section of Northern Cyprus // European stand on the Cyprus problem. L., July 2001. P. 81.

³ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 175.

достаточно для доступа к дополнительным источникам финансирования турецкого сектора Кипра. Более того, вследствие применения экономического эмбарго в отношении непризнанной ТРСК, её зависимость от Анкары становилась всё более очевидной. В этой связи ТРСК полностью зависела от экономической помощи из Турции, а значит, и от изменений, происходивших в ней. Поэтому политика неолиберализма, которой придерживался Т. Озал с 1983 г., в полной мере распространялась на ТРСК.

Приоритетной целью в кипрской политике правительства Т. Озала являлось создание свободной экономической зоны и привлечение иностранных инвестиций в ТРСК. После окончания гражданской войны в Ливане в Восточном Средиземноморье образовалась пустота из-за отсутствия регионального торгового центра, которым раньше являлся г. Бейрут. Т. Озал, с одной стороны, хотел, чтобы ТРСК заняла место Бейрута, а с другой, опасался давления со стороны крупного иностранного капитала, которое будет оказано на правительство обеих кипрских государств, что повысит риски решения вопросов в ущерб турок-киприотов. В 1984 г. началось открытие валютных счетов в банках турецкого Кипра. Однако вскоре стала очевидна невозможность осуществления этого на практике из-за непризнанности государства и экономического эмбарго. Политическое положение ТРСК создавало непреодолимый барьер на пути к привлечению иностранных инвестиций в турецкую часть острова.

29 марта 1986 г. Генеральным секретарём ООН был выдвинут так называемый проект «Рамочного соглашения» для решения Кипрского вопроса. Из письма генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра от 29 марта 1986 г. по вопросу «Рамочного соглашения» по Кипру, адресованного президенту Кипра С. Киприану и ТРСК Р. Денкташу: «...я тщательно изучил отчёты дискуссий, которые были проведены с каждой из сторон. Очевидно, что обе стороны сделали реальные усилия в преодолении оставшихся противоречий. Я хотел бы иметь возможность выразить вам свою признательность в отношении конструктивного подхода, принятого вашими представителями.

Переговоры с каждой из сторон, которые имели место в Женеве и Никосии, оказались в целом полезными. Осталось решить существующие противоречия. Это сделает возможным реализовать проект «Рамочного соглашения, который сохранит всё, что было достигнуто с августа 1984 г. и необходимо стремиться к урегулированию по значительным противоречиям в интересах обеих общин»¹.

В параграфе 15.1 «Рамочного соглашения» отмечалось, что Федеративная Республика должна быть независимой, двухобщинной по Конституции и состоять территориально из двух зон – греческой и турецкой провинций. Подтверждалось принятие тех вводных конституционных положений, которые были приняты на межобщинных переговорах 1981–1982 гг.² Например, Федеративная Республика Кипр должна была иметь международную правосубъектность. Федеративное правительство должно осуществлять суверенитет в отношении всей территории. Атрибуты международной правосубъектности должны осуществляться Федеративным правительством в соответствии с конституцией. Провинции государства могли действовать в рамках федеративной конституции. Предполагалось единое гражданство Федеративной Республики Кипр, регулируемое законодательством государства. Официальным языком объединённого Кипра должны были быть греческий и турецкий. Английский язык мог также использоваться. Каждая провинция государства могла иметь собственный флаг с элементами федеративного флага. Федеральное правительство должно было соблюдать общие государственные праздники. В свою очередь, каждая провинция страны должна была соблюдать общегосударственные праздники. Федеративное правительство наделялось такими функциями, как внешняя политика, финансы (включая федеральный бюджет, налогообложение, таможенный и акцизный сборы), денеж-

---

¹ Letter dated 29 Marh 1986 from the Secretary-general addressed to President Kyprianou and to his excellency Mr. Denktas, presenting the draft framework agreement on Cyprus // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 2003 P. 83.

² Draft Framework Agreement on Cyprus presented by the U.N. Secretary-General on 29 March 1986 // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 2003. P. 86.

ные и банковские дела, торговля, туризм, почта, телекоммуникации, международный транспорт, природные ресурсы, здравоохранение и т.д.¹ Законодательная власть республики должна была состоять из двух палат: нижней – с 70 греками-киприотами и 30 – турками-киприотами, а также верхней палатой с представительством обеих общин 50 на 50% соответственно. Отмечалось также, что Федеративная Республика должна была иметь президентскую систему правления. Президент и вице-президент должны были символизировать единство страны и равный политический статус обеих общин. В связи с этим, президентом должен был быть грек-киприот, а вице-президентом – турок-киприот. Президент и вице-президент должны совместно или по отдельности иметь право вето в отношении любого закона или решения парламента и кабинета министров. Совет министров должен состоять из греков и турок-киприотов в соотношении 7: 3. Должно было быть создано министерство по делам турок-киприотов².

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно отметить, что проект Генерального секретаря ООН по урегулированию Кипрского вопроса состоял из системы сдерживаний и противовесов. Очевидно, что места в нижней палате парламента ротировались исходя из пропорций доли каждой из двух основных общин в населении острова. В то же время, верхнюю палату представители общин должны были представлять поровну.

Несмотря на компромиссный характер документа Генерального секретаря ООН, который в теории положил бы конец разделу острова, это предложение так и не было реализовано на практике.

На практике продолжила сохраняться зависимость ТРСК от Турецкой Республики во всех сферах. Возвращаясь к политике Т. Озала можно отметить, что после провала проекта по созданию на турецком Кипре свободной экономической зоны и её интеграции в международную, наметился второй

---

¹ Draft Framework Agreement on Cyprus presented by the U.N. Secretary-General on 29 March 1986 // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 2003. P. 87.

² Draft Framework Agreement on Cyprus presented by the U.N. Secretary-General on 29 March 1986 // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 2003. P. 88.

план – сделать экономику ТРСК похожей на экономику Турции. 2 июля 1986 г. Т. Озал посетил ТРСК с официальным визитом в соответствии с реализацией намеченного процесса. Турецкий лидер прибыл с такими известными крупными предпринимателями Турции, как Сакып Сабанджи, Халит Нарин, Али Кочман, Шарык Тара. Главная задача турецких бизнесменов заключалась в привлечении инвестиций для развития экономики ТРСК¹.

В соответствии с «новой экономической политикой» правительства Т. Озала в декабре 1986 г. между Турцией и ТРСК был подписан Протокол об экономическом сотрудничестве. В соответствии с этим протоколом предполагалось осуществление свободного трансфера денежных средств между двумя государствами. Планировалось снижение таможенных налогов в ТРСК на 30%, а также увеличение пенсионного возраста. После подписания этого протокола Р. Денкташ столкнулся с резкой критикой со стороны профсоюзов и оппозиции ТРСК, которые считали, что реализация этого соглашения приведёт к усилению зависимости их маленького государства от «большого брата» – Турции, что негативным образом отразится на процессе урегулирования между двумя общинами острова.

Несмотря на подписание протокола, инвестиции в экономику Северного Кипра были невыгодны для инвесторов. Представители крупного турецкого бизнеса ссылались в этом вопросе на бюрократию и нестабильность, имевшие место в островном государстве. Единственным исключением стали вложения турка-киприота Асиля Надира, которые за короткое время смогли «расшевелить» экономику ТРСК при поддержке правительства.

Кроме экономического рычага, Т. Озал пытался воздействовать на ТРСК и в политической сфере. Этому соответствовало учреждение на Северном Кипре политической партии, сформированной из анатолийских турок-переселенцев. Это способствовало созданию почвы для противоречий внутри общины кипрских турок. Так, в газете «Гюнайдын» прозвучала критика про-

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 175.

цесса переселения из Турции так называемой «рабочей силы». По мнению редакции этой газеты, эта «рабочая сила» может быть использована консервативными и шовинистическими политиками для реализации их целей, «в то время как мы (турки-киприоты – прим. авт.) станем меньшинством на Северном Кипре»¹. Таким образом, сохранялся раскол острова не только между двумя народами, но и противоречия между кипрскими турками и переселенцами из Турции. В газете «Йенидузен» от 14.02.1990 г. сообщалась причина, по которой режим Р. Денкташа упорно отказывался объявлять результаты переписи в оккупированных районах страны. В статье отмечено, что результаты переписи показали значительные изменения не в численности населения, а в возникшем поразительном изменении структуры населения. Из 160 тыс. населения, проживающего на оккупированной территории, 80 тыс. – составляли турки-киприоты, 80 тыс. – переселенцы из Турции². В своей статье в той же «Йенидузен» колумнист Мустафа Йектаглу от 23.02. 1990 г. критически отнёсся к социально-экономической политике партии Национального единства (NUP), подчеркнув ограничение социальных свобод. М. Йектоглу приводит следующие факты по изменению численности населения Турецкого Кипра: «Последняя и основная официальная перепись населения на Кипре была проведена 11 декабря 1960 г. На тот момент греков-киприотов насчитывалось 473265 чел., а турок-киприотов – 104942 чел. Согласно исследованиям ООН, в 1971 г. численность турок-киприотов составляла 119147 чел. Согласно подсчётам греков-киприотов, численность турок-киприотов составляла 114960 человек»³. М. Йектоглу отмечал, что правительство скрывает правду по вопросу миграционных процессов на Кипре: «В связи с ускорившейся миграцией (1974–1986 гг.) 30 тыс. наших людей покинули остров и турецко-кипрское население составило около 90 тыс. чел. С 1986 г. до сего-

---

¹ Gunaydin: 7-14.1.1986 (special supplement on Cyprus) // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L. July 2001. P. 231.

² Yeniduzen (newspaper) 14/2/1990 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L. July 2001. P. 231.

³ Yektaoglu M. Yeniduzen, 23.2.90 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L. July 2001. P. 232–233.

дняшнего дня численность иммигрировавших из острова турок-киприотов неизвестна. Несмотря на то, что перепись была проведена 14 января 1990 г., Р. Денкташ заявил, что “подсчёт населения не был произведён”»¹. Согласно материалам газеты «Ортам» (газета ТРСК), правительство Р. Денкташа продолжает предоставлять удостоверения личности туркам из Анатолии – 500 паспортов были розданы анатолийским туркам с 10 по 12 августа 1993 г.² В газете подчеркивалось, что 27 июля 1993 г. удостоверений личности в ТРСК насчитывалось 189500, а 12 августа – 190200 штук.³ Газета «Кибрис» сообщила 16 июня 1993 г., что Ассамблея ТРСК внесла поправки к «Закону о гражданстве» 21 мая 1993 г. Новый «изменённый закон» был опубликован в «Официальной газете». Согласно новым поправкам была облегчена процедура получения гражданства ТРСК через заключение брака в следующих случаях:

1. Женщина, которая вышла замуж за мужчину, имеющего гражданство ТРСК, если она доказывает, что жила с мужем не менее одного года, получает гражданство ТРСК.

2. Мужчина, который женился на гражданке ТРСК, проживший с ней более одного года, получает гражданство ТРСК без изучения условий проживания⁴.

Журналист ТРСК Кутлу Адали 17 августа 1995 г. в статье на страницах газеты «Йенидузен» отмечает, что огромная волна переселенцев из Турции, прибывая в оккупированные районы, вынуждает тысячи турок-киприотов эмигрировать, в немалой степени в связи со всё нарастающей безработицей⁵.

---

¹ Yektaoglu M. Yeniduzen, 23.2.90 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L., July 2001. P. 232–233.

² Ortam (newspaper) 16.8.1993. // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L., July 2001. P. 233–234.

³ Ibid. P. 234.

⁴ Kibris (newspaper), 16.6.1993 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L., July 2001. P. 234–235.

⁵ Yeniduzen (newspaper), 17.8.1995 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by Parliamentary Assembly. L., July 2001. P. 235–236.

Следует отметить, что Т. Озал не показывал каких-либо заметных стремлений для признания ТРСК со стороны мирового сообщества¹. Очевидно, что турецкий лидер был в большей степени заинтересован процессом вступления в ЕС и западными кредитами для развития экономики Турции, чем судьбой «нового островного турецкого государства». С другой стороны, поддержка «вассального государства» или «ещё одного бейлика», географически примыкающего к Ближнему Востоку, была угодна общественному мнению и стратегическому положению Турции.

Вместе с избранием в 1988 г. президентом Республики Кипр бизнесмена Георгия Василиу, появилась надежда на возобновление переговорного процесса. Г. Василиу заявлял о намерении двигаться в сторону урегулирования Кипрского вопроса. Для этого он провёл многочисленные встречи с Р. Денкташем, с представителями западных государств и Генеральным секретарём ООН. 30 января 1989 г. Г. Василиу представил свои предложения по комплексному решению Кипрской проблемы. Документ соответствовал резолюции ООН по Кипру, призывающей к демилитаризации острова и выводу турецких войск и поселенцев. Предложение предусматривало независимую, суверенную, федеративную республику с избранным должностным лицом и двухпалатной законодательной властью, не присоединяющуюся к военным блокам. Дела культуры, религии и образования были в компетенции каждой из провинций².

Правящие круги ТРСК оказались неподготовленными адаптироваться к новой политической системе, созданной Г. Василиу при поддержке, предложенной ООН. Поэтому к началу 1990 г. межобщинные переговоры сошли на нет. Кроме того, к этому времени изменилась международная обстановка – распад Восточного блока, вторжение Ирака в Кувейт. Эти события отвлекли

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 175.

² Danopoulos С.Р. The Cyprus Problem and prospects of rarefication // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, N 2 (19), June. P. 139.

международное сообщество от Кипрского вопроса. В таких условиях одной инициативы Г. Василиу было недостаточно¹.

Таким образом, несмотря на некоторое дипломатическое участие ООН, в 1980-е гг. Кипрский вопрос не был разрешён. Наоборот, благодаря созданию Турецкой Республики Северного Кипра раскол острова получил более чёткие, хоть и нелегитимные (относительно признания мировым сообществом) рамки. Турции удалось создать «вассальное» государство, которое не было признано никем, кроме Анкары. Этот процесс был выгоден Турции в военно-стратегическом отношении, но в экономическом отношении и в стремлении к интеграции в ЕС Турция была несколько отброшена назад (так как Греция получила поддержку со стороны Европы и мирового сообщества). Что касается ТРСК, то ни о какой экономической независимости от Анкары не могло быть и речи. Турецкий Кипр не был в состоянии полноценно поддерживать экономические отношения даже с ближайшими государствами региона. Поэтому, если сравнивать экономику ТРСК с экономикой соседней Республики Кипр, то перевес по понятным причинам принадлежит последней. «Проект рамочного соглашения», который в случае его реализации мог бы поставить точку в Кипрском вопросе, так и не был реализован.

Итак, турецко-греческие отношения и вопрос Кипра в 1980-е гг. вобрали в себя проблемы и события предшествующих десятилетий. Еще была свежа память о турецкой оккупации Северного Кипра 1974 г., от которой пострадали проживающие в этой части острова греки. Комплекс вопросов, связанных с пограничным Эгейским морем, являлся дополнительным фактором, отягчающим Кипрскую проблему. Турция проявила жёсткую позицию и не только не стремилась к выводу своих войск с территории острова, но и проводила активное переселение своего населения из глубин Анатолии на Кипр. Эта политика встретила негативную оценку даже со стороны турок-киприотов, рассматривавших переселенцев из турецкой глубинки как чужа-

---

¹ Danopolos C.P. The Cyprus Problem and prospects of rarefication // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, N 2 (19), June. P. 140.

ков. В продолжение этих мер, Анкара напрямую влияла на правительство Турецкой Республики Северного Кипра, создав никем не признанное кроме Турции «вассальное» государство под своим патронажем.

Одним из главных сглаживающих факторов в недопущении конфронтации между Турцией и Грецией, как и от возможного повтора агрессии первой в отношении Кипра, являлось членство обоих государств в НАТО. Анкара не желала лишней раз «беспокоить» ЕЭС очередной «защитой» кипрских турок от Греции и правительства греческого Кипра. Однако с приходом власти в Турции Т. Озала отмечены его попытки улучшить отношения с Грецией. Это проявилось во встрече в Давосе 1988 г. и последующих встречах с А. Папандреу, получивших название «давосский процесс». В связи с этим Т. Озала можно отнести к тем политикам, которые умели балансировать между не всегда объективным общественным мнением и очевидными прагматичными интересами государства.

2. ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ, ГРЕЦИИ И КИПРА В 1990-Е ГГ.

2.1. Турция и Греция в новых геополитических условиях 1990-х гг.

Государства современного мира можно разделить на две группы стран: первая группа – те, которые оказывают значительное влияние на мировые процессы. Во вторую группу входят государства с самым разным уровнем развития, которых объединяет необходимость приспособляться к геополитическим изменениям. Во вторую группу можно отнести как Турцию, так и Грецию.

С распадом Советского Союза в 1991 г. и завершением «холодной войны» произошли значительные изменения в международной политической системе, которые повлияли на внешнеполитическое положение Турции. Теперь, Анкара на время лишилась роли ближайшего к СССР «форпоста» для западного военного блока¹. Однополюсная система международных отношений, которую возглавили США, с одной стороны, помогала прекратить локальные конфликты в различных регионах, а с другой, могла стать причиной возникновения конфронтаций между новыми суверенными государствами. Уменьшение интереса США к проблемам регионального уровня подтолкнуло ведущие государства Европы повысить своё внимание к Турции². Одними из самых ярких проявлений этих изменений стали Турция и Греция, а также близкие к ним регионы Балкан, Ближнего Востока и Кавказа³.

В новых условиях турецкие правящие круги понимали, что их страна была в состоянии взять на себя роль посредника между Западом и вновь образовавшимися суверенными государствами на Балканах и Кавказе. Однако впоследствии выяснилось, что Турция не обладала на тот период соответ-

---

¹ Саяры С. Внешняя политика Турции после окончания «холодной войны»: проблемы мультирегионализма // Турция. Сборник обзоров. М., 2002. С. 112.

² Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 140.

ствующими политическим и экономическим весом для доминирования в этих регионах и выполнения роли посредника между теми государствами и Западом. Кроме того, вследствие ухудшения взаимоотношений Турции с ЕС во второй половине 1990-х гг., произошло сближение первой с США. В это время Анкаре ничего не оставалось, как выполнять функции верного ставленника и следовать в фарватере политики США. Таким образом, кроме немногочисленных исключений, в своей основе Турция в 1990-е гг. по-прежнему продолжала умеренный внешнеполитический курс с оглядкой на Запад. Этот умеренный курс нашёл отражение в изданной в 1996 г. Министерством иностранных дел Турции брошюре под названием «Цели и принципы турецкой внешней политики»¹. Эти принципы были основаны на принципах основателя Турецкой Республики М.К. Ататюрка «мир внутри страны и мир во всём мире». Однако такая «пацифистская», на первый взгляд, риторика не означала перечёркивания внешнеполитических планов политической элиты Турецкой Республики.

Новые геополитические условия начала 1990-х гг. вследствие повышения интереса Турции к Балканам привели к её прямой вовлеченности в происходившие процессы в этом регионе. Кроме того, у Анкары был лишний повод для активизации балканского направления своей политики – её традиционное соперничество с Грецией. Это можно связывать с критикой прежнего умеренного курса в отношении западного соседа. В соответствии с этим утверждалось, что из-за принципа М.К. Ататюрка Турция упустила множество исторических шансов. Например, она не воспользовалась слабостью Греции после Второй мировой войны для возвращения Эгейских островов, принадлежавших когда-то Османской империи. Также критиковалась ориентация Турции на страны Запада и НАТО. По мнению турецкого исследователя Ильхана Узгеля, активизация внешней политики Турции и отход от внешнеполитической доктрины Ататюрка были отмечены доктриной «неоосма-

---

¹ Раштда М. Основные задачи и цели внешней политики Турции // Ближний Восток и современность. М., 2010. С. 133.

низма» в период президентского срока Т. Озала. Эта доктрина уходила своими корнями в турецко-исламский синтез, получила развитие в 1980-е гг. и имела как внутренние, так и внешние последствия. Данная концепция исходила из того, что Турция должна иметь ключевое влияние на страны, территории которых некогда входили в состав Османской империи¹. Неоосманизм поддерживался некоторыми маргинальными журналистами и националистами. Эта идеология оставалась не более чем мечтой, без какого-либо отражения во внешней политике Турции, так как эти настроения были блокированы Министерством иностранных дел и влиятельным в то время военным истеблишментом, которые выступали поборниками традиционной кемалистской внешней политики².

Стоит отметить, что как Турция, так и Греция стали искать способы для улучшения своих отношений с другими балканскими странами, а также проявлять интерес к укреплению регионального сотрудничества. Обе страны стали использовать Балканы как своего рода арену для соперничества между собой и одновременно заручиться поддержкой государств региона. Несмотря на то, что интенсивное соперничество турецкого и греческого правительств по завоеванию поддержки со стороны своих соседей не имело соизмеримой отдачи, двустороннее и многостороннее сотрудничество, тем не менее, мотивировало и помогало увеличить количество контактов между Турцией и Грецией, что в более длительной перспективе могло бы усилить вероятность взаимовыгодного сотрудничества обеих стран. Этот парадоксальный факт не гарантировал скорейшего решения турецко-греческих споров, но, по крайней мере, выделял зоны общего интереса обоих государств³. Однако, если говорить о региональном сотрудничестве между Турцией и Грецией, можно отметить, что, хотя они и были союзниками в рамках НАТО с 1952 г., предло-

---

¹ Baskin O. Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City, 2010. P. 834.

² Ibid. P. 835.

³ Keridis D. Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization. Cambridge, June 1999. P. 26.

жения о сотрудничестве обычно расценивались как вынужденные и не имеющие каких-либо серьёзных перспектив. Кризис, вызванный развалом Югославии, послужил единственным примером того, как взаимное сотрудничество оказало эффект на проведение внешней политики в регионе.

Просербская политика Греции во время Боснийского кризиса была основана в значительной степени на противоположной позиции Турции. Хотя близкие связи между греками и сербами имели глубокие исторические корни, включая общее православное наследие, распад бывшей Югославии придал этим традиционным связям новый контекст. Прежде всего, Греции было нелегко смириться с созданием нового государства со значительным мусульманским населением и с очевидными османскими корнями – Боснии и Герцеговины почти у своей границы. В этой связи Сербия и боснийские сербы были полностью поддержаны Грецией, что граничило с фактическим альянсом. В то же время, последующий разрыв Греции с сербами демонстрировал ослабление страхов, связанных с тем, что Турция дестабилизировала баланс сил на Балканах через свои связи с мусульманским и турецким населением региона.¹

Можно заметить, что турецкие правящие круги продолжали вести политику сближения с потенциальными странами – оппонентами Греции. Так, в 1992 г. Турция стала второй страной, официально признавшей Македонию, а год спустя – первым государством, открывшим в Скопье своё посольство. Недовольство, проявленное по этому поводу Грецией, способствовало укреплению македоно-турецких связей². В том же 1992 г. Анкара стала инициатором Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Декларация ЧЭС была подписана руководителями причерноморских государств, а также Албании, Азербайджана, Армении, Греции и Молдовы.

---

¹ Keridis D. Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization. Cambridge, June 1999. P. 27.

² Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 18.

Итак, ещё в конце «холодной войны» на Балканах сформировались две соперничающие между собой группы, способные изменить баланс сил в регионе. Первая из двух групп состояла из Турции, Македонии и Албании, а также в возможной перспективе Боснии и Герцеговины. Вторая группа стран включала в себя Югославию, Грецию и «внешнюю силу» в лице России¹. В этом контексте Турция и Греция заявляли о своей цели построить стратегический баланс на Балканах. Однако обе страны с подозрением относились к возможному усилению стратегического перевеса друг над другом. В связи с этим Турция и Греция старались сформировать благоприятную в стратегическом плане точку опоры в регионе. Распад Югославии активизировал эти устремления и в то же время создал определённые сложности в этих процессах. Например, Греция активно возражала против размещения турецких солдат для присоединения к миротворческим силам НАТО в Боснии. В Афинах опасались, что присутствие турецких войск может дестабилизировать баланс сил в регионе².

Завершение «холодной войны» стало для Греции в целом обнадеживающим обстоятельством. Вместе со снятием с повестки дня «советской угрозы», должна была заметно снизиться важность Турции для Соединённых Штатов в стратегическом отношении. Но надежды Греции не оправдались, так как Соединённые Штаты, для проведения своей политики в регионе, сделали ставку не на Грецию, которая напрямую зависела от ЕС экономически и политически, и кроме того, испытывала трудности в этих двух основных сферах, а на Турцию, чья политика была свободна от «европейских ограничений». Сказывалось также географическое положение Турции в силу её близости к Балканам, Ближнему Востоку и Кавказу³. В процессе формирования новой политической карты Балкан в начале 1990-х гг., отношения Греции

---

¹ Posen B., Kremenyuk V. The Balkan Crisis and Prospects // U.S.A. –Greece–Turkey in the Emerging International Systems. A summary report. Athens, 1993. June 17–19. P. 18.

² Ibid. P. 19.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001) Istanbul, 2010. P. 19.

с её соседями стали крайне неблагоприятными. Этот подрывало авторитет Греции на Балканах и не могло не отразиться на внешней политике Турции благоприятным образом. Таким образом, Турция наращивала свой авторитет в регионе за счёт ослабления позиций Греции.

В середине 1990-х гг. балканский вектор во внешней политике Турции еще больше активизировался. В октябре 1995 г. в Нью-Йорке состоялись торжества по случаю 50-летия ООН, в которых приняли участие представители 186 стран. На этом мероприятии президент Турции Сулейман Демирель, демонстрируя мировому сообществу заинтересованность Турции в балканском регионе, провёл встречу на высшем уровне, в которой приняли участие лидеры Македонии, Албании и Болгарии. В ходе этой встречи состоялось подписание декларации о так называемом проекте «Восток–Запад». Этот проект представлял собой строительство коридора, который должен был соединить Адриатическое и Черное моря. На церемонии подписания С. Демирель отметил, что данный проект имел большое значение не только для стран-участниц, но и для всей Европы¹.

Это соглашение между четырьмя государствами получило негативную оценку со стороны правительства Греции. Министр иностранных дел Греции К. Папуляс обвинил турецкие правящие круги в «двойной игре», т.к. этот проект мог привести к изоляции Греции в регионе. Что касается целей Турции, то, по мнению Н.Г. Киреева, они кроме ослабления Греции имели и экономические интересы. Для турок было выгодно вывести Македонию из международной изоляции, в которой она оказалась вследствие проведенного Грецией эмбарго и невозможностью использования дорог через Сербию. Это стремление помочь Македонии обосновывалось интересом турецких компаний к ведению бизнеса в этой стране².

В июне 1998 г. в Стамбуле состоялась конференция стран Юго-Восточной Европы на уровне министров иностранных дел. В этой конферен-

---

¹ Киреев Н.Г. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001. С. 475.

² Milliyet, 09.06.1998.

ции приняли участие главы внешнеполитических ведомств Турции, Греции, Албании, Македонии, Румынии, Болгарии и Югославии. На конференции министр иностранных дел Турции Исмаил Джем, напомнив о трагедии, произошедшей в Боснии, подробно акцентировал внимание на обострении ситуации в Косово. Он заявил: «Мы не должны опоздать с решением косовской проблемы. Ответственность за это несут не только страны Юго-Восточной Европы, но и всей Европы. Мы должны выработать общий подход к этой проблеме»¹. О косовском вопросе высказался также и министр иностранных дел Греции Т. Пангалос. В своём выступлении он заявил, что Косовский кризис вовсе не являлся внутренней проблемой Югославии, он парализовал экономическую сферу региона и создавал поток беженцев. Также глава греческого МИД заявил, что правительству Югославии необходимо было усвоить «современную систему взглядов»².

Характерно, что обе страны придерживались разных тактик в регионе. Если Турция устанавливала двусторонние контакты, то Греция предпочитала многосторонние отношения. Хотя интенсивная борьба турецких и греческих лидеров по завоеванию поддержки среди соседей не имела соизмеримой отдачи, двустороннее и многостороннее сотрудничество, тем не менее, мотивировало и помогло увеличить количество контактов между Турцией и Грецией³. Эти контакты в более длительной перспективе могли парадоксально усилить вероятность взаимовыгодного сотрудничества обеих стран. Конечно, это не гарантировало скорого решения турецко-греческих споров, но, по крайней мере, вместе с зонами противоречий выделяло также и сферы общих интересов.

По мнению Ильтера Турана и Дилек Барлаш, несмотря на противоречия в Балканском регионе, Турция и Греция будут искать стратегический баланс

---

¹ Orhun O. Turkey, Europe, and the Yugoslav Crisis // The Search for Peace in Europe. P. 99.

² Киреев Н.Г. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001. С. 478.

³ Aydin M. Cacophony in the Aegean; Contemporary Turkish-Greek relations // The Turkish yearbook. Istanbul, 2005. Vol. XXVII. P. 110.

между собой. Под «балансом» здесь понималась такая ситуация, когда одна из этих стран стоит слегка выше другой. Тем не менее, попытки Турции или Греции изменить этот баланс в свою пользу способны были вызвать войну. Несмотря на то, что Турция и Греция несколько раз стояли на грани войны, на них были возложены серьёзные ограничения, которые могли явиться препятствием их вовлечения в военные конфликты на Балканах¹.

И. Туран и Д. Барлаш подчёркивают также, что с момента своего образования Турецкая Республика стремилась дистанцироваться от взаимоотношений с балканскими странами. Анкара всегда пыталась создать на Балканах основу для стабильности. Центральное место в её усилиях занимало стремление установить баланс безопасности между собой и Грецией. Несмотря на постоянное напряжение в двусторонних отношениях, в целом между государствами преобладал мир. Однако турецкие исследователи не исключали опасности для Турции в нарушении стабильности региона со стороны конфликтов между другими государствами, в которые Анкара и Афины могли быть вовлечены. Одним из примеров такого процесса мог стать конфликт между сербами и албанцами в Косово.

Турецко-греческое соперничество проявилось и на Ближнем Востоке. В первую очередь это касалось Сирии, которая в течение многих лет являлась пристанищем для членов Курдской рабочей партии (КРП) и имела спор Турцией по вопросу разделения водного пространства Евфрата. В силу этих обстоятельств доклады о греческом «стратегическом партнёрстве» с Сирией в 1995 г. расстроили турецкое руководство. Стоит отметить, что Афины получили от Дамаска просто «согласие на неформальную защиту», которая предполагала, что греческие военные самолёты могли приземляться в аэродромах Сирии в экстренных случаях, то есть в случае, если Турция будет атаковать Южный Кипр². Это соглашение можно сравнить с договором о сотрудничестве между Турцией и Израилем в феврале 1996 г. Договор напря-

---

¹ Turan I., Barlas D. Turkish-Greek balance: A key to peace and cooperation in the Balkans // East European Quarterly. W., 1999. XXXII, № 4. P. 473.

² Foreign Report 4.07.1996.

мую не был направлен против Греции, но, вместе с тем, увеличивал перспективы Турции в военном отношении. Преимуществом для Турции являлась возможность легко приобрести некоторые виды вооружений в Израиле. Турки надеялись также, что влиятельное еврейское общество в США «поможет решить проблемы в американском Конгрессе, которые связаны с деятельностью про-греческих, про-армянских и про-курдских лоббистских групп»¹.

Отдельного внимания требует рассмотрение турецко-греческих отношений в контексте ЕС. Нельзя забывать того факта, что для Турции членство в ЕС было более приоритетной задачей, чем отстаивание своих интересов на Балканах и Восточное Средиземноморье. Поэтому, по мнению немецкого исследователя Дирка Ван Баара, чрезмерное увязывание в нестабильности балканских проблем могло принести Турции отчуждение от Европы и Запада в целом². 1989 г. можно выделить как благоприятный период для улучшения отношений между Грецией и Турцией при посредничестве ЕС. В это время Турция стояла на пути к очередной заявке на вступление в Европейское сообщество. В то же время, в Афинах старались найти реальное решение проблем, портивших взаимоотношения с Анкарой. Кроме того, в Греции осознавались размеры финансового бремени, которые ложились на экономику вследствие постоянной напряжённости и гонки вооружений между государствами. Однако переговорный процесс, начатый в 1988 г. в Давосе Андреасом Папандреу и Тургутом Озалом, оказался преждевременным и не получил какого-либо практического развития. Отражением этого стало то, что Турция получила отрицательный ответ Европейской комиссии в отношении заявки на полноправное членство в ЕС, которую турецкое правительство подало в апреле 1987 г. С этого времени дальнейшие переговоры о вступлении Турции в ЕС были отложены. Таким образом, основным стимулом для стремления к

---

¹ Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. Washington, 1997. P. 21.

² Dirk J. Van Baar The Balkans and Turkey: a European sideshow? // Balkans a mirror of the new international order. Istanbul, 1995. P. 324.

улучшению отношений с Грецией был вычеркнут из списка главных внешне-политических задач Турции¹.

Кроме влияния внешних факторов на политику Греции, произошли изменения в её внутренней политике. Распространение слухов о коррупции после восьмилетнего периода правления А. Папандреу и его партии Всегреческого социалистического движения (ПАСОК), а также банковские скандалы оказали негативное воздействие на экономику страны. Эти события способствовали поражению ПАСОК на выборах 1989 г. По итогам апрельских выборов 1990 г. греческое правительство возглавила Новая демократическая партия, возглавляемая К. Мицотакисом. Для улучшения ситуации в Греции, новому правительству было необходимо в первую очередь сфокусироваться на внутренней политике. Однако в это время происходили значительные изменения в мировой геополитике. Эти изменения побуждали греческое руководство направить все силы в сторону внешнеполитических вопросов. Греческая политическая элита также не могла не поддаться на соблазн отвлечь внимание общественности от внутренних проблем в пользу возможных успехов во внешней политике.

После того как К. Мицотакис занял пост премьер-министра Греции, он изъявил желание посетить Анкару, начав тем самым процесс налаживания турецко-греческих отношений, значительно испортившихся в период правления А. Папандреу. 6 июля 1990 г. К. Мицотакис впервые встретился с премьер-министром Турции А. Йылдырымом в Лондоне на собрании НАТО. На этом собрании оба лидера пришли к решению продолжать политику диалога. Однако они решили не затрагивать острых вопросов, касающихся Эгейского региона, Кипра и проблем Западной Фракии. Несмотря на то, что оба премьер-министра приняли решение о ведении переговоров на высшем политическом уровне, развитие отношений между США и ЕС препятствовало этому процессу. Так, договор о военном сотрудничестве между Грецией и США

---

¹ Каневская М.Ф. Эгейский вопрос в греко-турецких отношениях // Россия в мировой политике. М., 2003. Ч. 2. С. 146.

был трактован как уверенность в «турецкой угрозе», что вызвало острую критику со стороны турецкого правительства¹. Со своей стороны, США дали Турции гарантии на словах и подписали документ, защищающий одного из союзников от другого, но этих мер было недостаточно, чтобы ликвидировать взаимное недоверие между соседними государствами. Кроме того, сразу же после подписания договора между Турцией и США в сентябре 1990 г., ЕЭС разморозил кредит для Турции в размере 700 млн. долл., который был заморожен с 1980 г., но Греция, как член ЕС, наложила вето на предоставление этого кредита в Анкаре, что стало причиной начала очередного кризиса в турецко-греческих отношениях².

23 июня 1991 г. на пост премьер-министра Турции вступил Месут Йылмаз. Вступление в должность этого политика означало возобновление переговорного процесса между двумя странами. М. Йылмаз направил письмо К. Мицотакису с предложением продолжить переговоры. Вскоре был подписан договор между двумя государствами о ненападении. Однако 17 мая 1991 г. Греция обвинила Турцию в том, что её военные самолёты были замечены в воздушном пространстве Греции, что снова свело на нет инициативу М. Йылмаза в повышении доверия между двумя государствами.

Несмотря на различные препятствия и проблемы в двусторонних отношениях, правительства обеих стран настойчиво пытались установить диалог. 11 сентября 1991 г. стороны встретились в Париже. В извещении, напечатанном после этих переговоров, турки и греки объявили, что премьер-министры обеих стран пожелали наладить двусторонние отношения и собирались создать специальную группу, которая будет работать над подготовкой Договора о соседстве, дружбе и сотрудничестве. Этот договор планировалось подписать во время предстоящего визита К. Мицотакиса в Анкару. Более того, главный секретариат ООН заявил, что наблюдал за положительными стрем-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 58.

² Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 59.

лениями, касающимися Кипрского вопроса, и заметил произошедшие изменения.

Однако стороны так и не смогли прийти к согласию по вопросу об основных проблемах их взаимоотношений. В то время М. Йылмаз заявил, что рассмотрит предложения по Кипру после проведения выборов в Турции. К тому же, активная политика Турции на Балканах и Кавказе в 1990–1991 гг. и, особенно, укрепление македоно-турецких связей, сильно беспокоило Грецию. Поэтому Греция с одной стороны вела переговоры с Турцией, а с другой, принимала меры против Анкары в рамках ЕС.

В октябре 1991 г. в Турции прошли парламентские выборы, после которых в парламенте была образована коалиция Партии верного пути и Социально-демократической народной партии. Создание этой коалиции по итогам выборов положило конец периоду правления Т. Озала. Сменивший Т. Озала и М. Йылмаза на посту премьер-министра, а позже президента Турецкой республики (с 1993 г.) Сулейман Демирель обладал более консервативными ориентирами по ведению политики в отношении Греции, чем его предшественник, поэтому не собирався следовать прежнему внешнеполитическому курсу¹. Курс, направленный на улучшение отношений с Грецией, начатый Т. Озалом, был отвергнут и произошёл возврат к традиционной сопернической политике. Однако, несмотря на эти обстоятельства, в течение 1992 г. новый премьер-министр Турции С. Демирель и К. Мицотакис встречались три раза.

Первая их встреча состоялась 1 февраля 1992 г. в Давосе. Турецкая делегация прибыла в Давос в составе 65 человек, тем самым Турция подчеркнула свою важную роль в Европе и что не ставит на первый план отношения с Грецией в контексте новой внешнеполитической системы. В изданном общем коммюнике были выделены три основные темы:

1. Планировалась встреча сторон в ближайшее время для подписания «Договора о соседстве, дружбе и сотрудничестве», (планировалась в ходе визита К. Мицотакиса в Анкару).

---

¹ Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 129.

2. Поддержка Турцией вступления Греции в проект Черноморского экономического сотрудничества.

3. Поиск справедливого, долгосрочного и быстрого решения Кипрского вопроса, не исключая участия ООН¹.

После встречи в Давосе, 21 июня 1992 г. премьер-министры Греции и Турции встретились в Стамбуле. Но главное внимание было обращено в сторону Нью-Йорка, где проходили переговоры по Кипрскому вопросу. Прохладные ноты, исходящие от нью-йоркских переговоров, стали негативно влиять на двусторонние турецко-греческие отношения. Приехавший в Стамбул через неделю для посещения саммита Черноморского экономического союза (ЧЭС) К. Мицотакис ограничился лишь подписанием документа саммита и избежал переговоров с С. Демирелем о проблемах турецко-греческих отношений. Тем не менее, Греция, как и многие государства региона, присоединилась к проекту Черноморского экономического сотрудничества. Таким образом, договор, подписанный в Давосе, так и не был реализован, во многом из-за критики часового выступления К. Мицотакиса в Греции по нерешённости Кипрского вопроса. Имели место и некоторые положительные тенденции в турецко-греческих отношениях. Знаковым событием можно назвать официальное присутствие представителя Греции на годовщине Турецкой республики, отмечаемой 29 октября 1992 г. в Измире. Не иначе как «сюрпризом» именovali журналисты Турции прибытие греческого консула на приём к измирскому губернатору, которое было приурочено к данному празднику².

В октябре 1993 г. в Греции прошли выборы, в результате которых ПАСОК вновь пришёл к власти, а А. Папандреу стал президентом. Позиция турецкого общества по этому поводу разделилась на две точки зрения. Одни заявляли, что из-за трехпроцентного барьера на выборах в Греции никто из кандидатов от Западной Фракии не набрал нужного количества голосов,

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 65.

² Каневская М.Ф. Эгейский вопрос в греко-турецких отношениях // Россия в мировой политике. М., 2003. Ч. 2. С. 147.

вследствие чего впервые в греческом парламенте не было ни одного представителя турецкого меньшинства. Другие утверждали, что победа ПАСОК означала конец ведению диалога и начало нового кризиса в двусторонних отношениях.

Можно отметить, что теперь позиция А. Папандреу в Греции стала ещё более прочной. Ему не только удалось победить оппозицию, но и подавить группировки под предводительством К. Симитиса, созданные внутри ПАСОК. Эти обстоятельства не могли не отразиться и на внешней политике Греции. В отношении Турции А. Папандреу стал резко критиковать курс своего предшественника К. Мицотакиса и заявил о том, что уступки, сделанные Македонии и Турции в последние 4 года, способствовали снижению престижа Греции на внешнеполитической арене. В ноябре 1993 г. во время визита президента Кипра (Южного Кипра) Глафкоса Иоанну Клеридиса в Афины, между Грецией и Кипром была объявлена так называемая «доктрина совместной обороны»¹. Согласно этой доктрине:

1. Кипр переходил всферу территорий, обороняемых Грецией.
2. В случае нападения турок на Южный Кипр, Греция будет считать это нападение против себя и это послужит причиной для начала войны.
3. Греция и правительство Кипра договаривались совместно составлять и реализовывать планы обороны.
4. Правительства приняли решение о совместных действиях и решениях на международной арене.

Эта доктрина повлекла за собой негативную реакцию со стороны Турции. В то же время, в греческом обществе был актуализирован довольно болезненный для Анкары Курдский вопрос. Так, один из депутатов от партии ПАСОК К. Бадовас сказал: «Мы желаем успехов героическому курдскому народу в его борьбе...»². Таким образом, Греция начала пытаться оказывать давление на Турцию спомощью Курдской проблемы, которая непосредствен-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 125.

² Ibid P. 459.

но касалась большей части восточных провинций последней. И поэтому была для Анкары самой острой как из внутренних, так и из внешних проблем. После этого «непростительного» инцидента, посол Греции был вызван в Министерство иностранных дел Турции для разъяснений и предупреждения.

Двусторонние проблемы, возникающие одна за другой в турецко-греческих отношениях, способствовали повышению недоверия между двумя соседями. Однако визит греческого министра иностранных дел Каролоса Папульяса в Турцию в июне 1994 г. предоставил возможность для уменьшения напряжения между государствами. На переговорах, прошедших в ходе визита между К. Папульясом и его турецким коллегой Х. Четингом, были обсуждены пути поиска диалога, однако такие ключевые темы, как вопрос о 12-мильных территориальных водах Эгейского моря, остались вне обсуждения¹. Это объяснялось тем, что обе стороны решили не касаться острых тем для достижения хотя бы временного компромисса. На этой встрече стороны подписали договоры о туризме, культуре, двойном налогообложении и инвестициях. В связи с жалобами Турции К. Папульяс обещал содействие в предоставлении информации о деятельности Курдской рабочей партии на территории Греции.

Выборы 1995 г. в парламент Турции привели к правительственному кризису, так как их результаты не привели к чёткому лидерству ни одной из партий, но в разгар, которого Турция и Греция были близки к вооружённому конфликту из-за споров вокруг Эгейского моря. Так, Партия благоденствия (Рефах или РР), набрав 21% голосов, получила большинство. В свою очередь, Партия отечества (АНАР) и Партия верного пути (ДҮР) получили по 19% каждая. Последние две партии в глазах электората воспринимались как идентичные. Однако идеологическая близость двух партий не помогла им работать вместе. Каждая из них пыталась устранить другую и дискредитировать в глазах общественности. Однако АНАР и ДҮР всё же сформировали

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 460.

коалиционное правительство, которое распалось через 114 дней, когда партия Рефах обвинила лидера ДҮР Т. Чиллер в лжесвидетельствовании и коррупции. Партия Отечества не оказала ей поддержки и правительство распалось¹. Удивительным было то, что Партия верного пути и Партия благоденствия, после обвинений в адрес Т. Чиллер смогли быстро сформировать коалицию. Н. Эрбакан и Т. Чиллер публично заявили о подписании коалиционного протокола, который предусматривал, что в среднесрочной перспективе их правительства будут чередоваться. Они оба и особенно Т. Чиллер, заявили, что президент С. Демирель должен уважать этот протокол². Таким образом, двусторонний кризис между Турцией и Грецией сопровождался внутриполитической нестабильностью в Турции.

Вызванная недоверием напряжённость между Турцией и Грецией привела к ряду инцидентов, начавшихся в 1994 г. и достигших своего апогея 8 июня 1995 г. В то время парламент Турции разрешил правительству предпринимать любые действия, включая военные, в случае, реализации Грецией решения конвенции по Морскому праву ООН от 1982 г. в расширении своих территориальных вод в Эгейском море до 12 миль. В свою очередь, греческие правящие круги отказались распрощаться с законным правом в расширении своих территориальных вод как потенциально возможным козырем. Летом 1995 г. Греция, в рамках «доктрины совместной обороны» (с Республикой Кипр), объявила о своём намерении открыть авиабазу в Пафосе и размещать там самолёты дальнего действия А 7³.

6 марта 1995 г. на собрании Ассоциативного совета ЕС было принято решение о вступлении Турции в Таможенный союз. Главным пунктом данного договора являлся отказ от использования в международной торговле пошлин и различных нетарифных ограничений. Кроме того, Турция одновре-

---

¹ Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 156.

² Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 158.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 459.

менно начала применять в отношении импорта из третьих стран Единый внешний тариф ЕС¹.

Со своей стороны, следуя политике сближения, Греция не использовала своё право вето в данном вопросе. Вообще, казалось, что политика Греции в отношении Турции основывалась на стремлении первой сохранить надежды Анкары в отношении перспективы полного членства в ЕС, тем самым поставить Турцию в некую зависимость от Греции как члена ЕС. Со своей стороны, Анкара рассчитывала каждый шаг на этом пути для того, чтобы сохранить отсутствие противодействия Греции в этом вопросе. Но эта политика парадоксально сочеталась с балансированием на грани войны, тем самым, сдерживая, но не ликвидируя вероятность конфронтации между обоими государствами (например, Кардакский кризис 25 декабря 1995 г.² В свою очередь, Турция, при подписании договора о Таможенном союзе, не стала возражать против принятого в тот же день решения о рассмотрении заявки Кипра на вступление в ЕС. Кроме того, в 16-й статье договора о Таможенном союзе было отражено, что Турция обязывалась подписать с греческим Кипром (Республикой Кипр) коммерческие договоры до 2001 г.³ Таким образом, Турция отошла от проводимой ранее политики игнорирования Республики Кипр и начала с ним сотрудничество⁴. 13 декабря 1995 г. Европарламент дал согласие на начало таможенного сотрудничества между Турцией и ЕС с 1 января 1996 г.

В январе 1996 г. А. Папандреу покинул свой пост, что не могло не отразиться на турецко-греческих отношениях, учитывая то, что в последние два года своего правления он проводил жёсткую внешнюю политику в отношении Турции, Македонии и Албании. Лишь только из-за давления со стороны

---

¹ Спиридонова Т.В. Таможенный союз Турции и ЕС: Некоторые итоги (1995–2011) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. М. 2013. № 1. С. 36.

² Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 160.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 459.

⁴ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 460.

стран ЕС, А. Папандреу не использовал право вето на вступление Турции в Таможенный союз. С другой стороны, Греция обрела уверенность по вопросу вступления Кипра в ЕС¹. Кроме того, уход А. Папандреу способствовал началу активизации оппозиции внутри ПАСОК. Особенно было сильно крыло Костаса Симитиса, которого А. Папандреу критиковал из-за его сдержанности в отношении внешнеполитических вопросов. 20 января 1996 г. К. Симитис (1996–2004 гг.) занял пост премьер-министра².

Следует отметить то что, в правительстве А. Папандреу К. Симитис занимался экономическими вопросами и, поэтому, неплохо разбирался в отношениях с ЕС. Он выступал против популистского курса, ориентированного главным образом на Турцию, так как это заставляло тратить огромные средства на вооружение, что значительно подрывало экономику Греции, а также создавало стране имидж агрессивной стороны в глазах ЕС. К. Симитис во внешнеполитических вопросах ориентировался на Запад и поэтому был последователем курса Венизелоса – Караманлиса³. Его основной целью было сделать Грецию сильной страной в экономическом и культурном отношении. Поэтому для К. Симитиса приоритетом была не внешняя политика, а внутриполитические вопросы. Однако это не означало отхода греческого руководства от внешней политики. В соответствии с данным курсом Греция должна была стать связующей страной для ЕС на Балканах и Средиземноморье, а также являлась бы примером для новых стран-членов ЕС.⁴ Единственным государством, в отношениях с которым К. Симитис не мог осуществить значительных улучшений, являлась Турция. «Турецкая угроза» слишком сильно засела в сознании греческого общества. Поэтому любой положительный

---

¹ Улунян А.А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 316.

² Athanassopoulou E. Greek foreign policy and the Middle East: from possibility to fulfilment? // Byzantine and modern greek studies. Athens, 2010. Vol. 34. N. 2. P. 226.

³ Ibid. P. 227.

⁴ Athanassopoulou Ekavi Greek foreign policy and the Middle East: from possibility to fulfilment? // Byzantine and modern greek studies. Athens, 2010. Vol. 34. N. 2. P. 226.

сдвиг в двусторонних отношениях мог столкнуться с негативной реакцией в стране. Поэтому К. Симитис не подвергал риску своё политическое будущее.

В отношениях с Турцией греческое правительство на короткий срок придерживалось двух старых программ: модернизация вооружения и «доктрина совместной обороны» с Кипром. К тому же Греция стала развивать отношения с балканскими и ближневосточными странами, которые имели по большей части негативные отношения с Турцией¹. Кроме того, К. Симитис планировал ввести греко–турецкие проблемы в рамки ЕС, что поставило бы Турцию лицом к лицу с ЕС в решении споров с Грецией. Таким образом, для Греции прекратилась бы дорогостоящая гонка вооружений с более сильной в военном отношении Турцией. Однако сразу же после прихода к власти в Греции нового правительства начался Кардакский кризис и другие конфликты в Эгейском море. Эти обстоятельства помешали осуществить запланированную греческим правительством политику. Нельзя забывать и о Кипрской проблеме. Она более всего осложняла турецко-греческие отношения, а также являлась одним из препятствий на пути Турции к полноправному членству в ЕС. Греция, как член Европейского Союза, обладающий правом вето, и ряд других членов сообщества требовали урегулирования Кипрского вопроса².

В 1990-е гг., имела место проблема турецкого этнического меньшинства в греческом регионе Западная Фракия. Анкара неоднократно выдвигала протест в связи с нарушением прав турецкого населения в этом регионе. Стоит отметить, что численность турецкой диаспоры этого региона насчитывала около 125 тыс. чел. До 1999 г. в том числе и во время правления ПАСОК греческие власти называли эту этническую группу в соответствии с Лозаннским договором 1923 г. термином «мусульмане». Со своей стороны, греческие правящие круги отрицали факты наличия каких-либо форм дискриминации со стороны полиции и других властных структур в отношении турецкого

---

¹ Oran B. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 460.

² Idib. P. 461.

меньшинства. Более того, Афины высказывали претензии турецкой стороне по поводу дискриминации в отношении греков Стамбула. Аргументируя свою позицию тем что, численность турецкого меньшинства в Западной Фракии оставалась неизменной, в то время как греческая община Стамбула на протяжении XX в. значительно уменьшилась примерно со 120 тыс. чел. в 1923 г. до 3.5 тыс. в 1999 г.¹ В ответ правящая элита Турции, доказывая свою незаинтересованность в уменьшении численности греков в Стамбуле, отметила, что подобное приводит к снижению доступных инструментов для давления на греческое руководство для улучшения положения турецкой общины Западной Фракии. Интересен был тот факт, что Анкара, с одной стороны, негативно реагировала на критику некоторых членов ЕС в отношении нарушений прав человека в Турции, а с другой, по возможности использовала различные форумы при ЕС для пропаганды ущемления прав турок Греции как дополнительный инструмент против Афин. Таким образом, Турция также пыталась давить на Грецию через институты ЕС. Как пример успешности такой активной политики Анкары в ЕС, можно рассматривать отмену 11 июня 1998 г. 19-й статьи конституции Греции, аннулировавшей гражданство значительной части турок Западной Фракии в случае их отъезда в Турецкую Республику или иные государства².

Во время правления ПАСОК, после принятия решения суда о запрете использования прилагательного «турецкий» для различных организаций и меньшинств на территории Западной Фракии, турецкая общественность региона активизировалась. Однако фракийские турки не смогли выдвинуть свои проблемы на повестку дня на переговорах 1998 г. в Давосе. Вместе с тем, воспользовавшись помощью Турции, они начали борьбу против греческого правительства. После прихода к власти в Греции, К. Мицотакис решил наладить диалог с турецкой стороной. Однако именно проблема турок Западной Фракии стала камнем преткновения в двусторонних отношениях

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek relations: The security in the Aegean. L., N.Y. 2004. P. 107.

² Idib. P. 107.

Турции и Греции, в частности, нерешённый вопрос об избрании муфтиев среди турок этого региона. Характерно, что позиция местных турок стала более уверенной во многом благодаря «Новому мировому порядку» (т.е. усиления влияния США после краха СССР), одним из основ которого являлось предоставление прав национальным меньшинствам в ходе создания новых независимых балканских государств. С другой стороны, усиливались националистические движения на Балканах. Эти обстоятельства оказали достаточное влияние на греческое правительство.

В соответствии с законом Греции № 2345 от 1920 г. «О муфтиях», который регулировал действия муфтиев, последние избирались мусульманами в своих регионах и центральные органы власти обладали полномочиями вычеркнуть муфтия из списка в случае выявления подходящей кандидатуры из лояльных греческой администрации лиц¹. Отметим, что этот закон не применялся на практике. С 1920 г. муфтии избирались мусульманами своего региона, и в случае, если не имелось никаких возражений со стороны общественности, занимали этот пост, и никто не противоречил данному регламенту. Вопрос о назначении муфтиев возник после смерти в 1984 г. муфтия города Комотини Хусейна Мустафы-эфенди. Греческое правительство первоначально отдало этот пост своему ставленнику по имени Рюштю Этхем, который обучался в Египте. После негативной реакции турецкой диаспоры, Рюштю Этхем оставил свой пост, и на эту должность снова был назначен близкий к греческому правительству Джемали Мечо, прошедший учёбу в Саудовской Аравии. Его назначение получило негативную оценку фракийских турок, однако новый муфтий заявил, что не оставит своего поста не при каких обстоятельствах.

Мусульмане Западной Фракии требовали исполнения закона № 2345 1920 г., а со своей стороны греческое правительство разработало и выдвинуло новый проект закона «О назначении муфтиев, их соответствующих каче-

---

¹ Oran B. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980-2001). Istanbul, 2010. P. 465.

ствах и должностных обязанностях»¹. Этот проект закона, согласно которому муфтии должны были назначаться министром образования и религиозных вопросов, а также введение муфтиев в ранг госслужащих, не обсуждался греческим руководством в 1989–1990 гг.

После смерти муфтия г. Хантхи (греческий город на границе с Турцией) Мустафы Хильми Эфенди, 5 февраля 1990 г. греческое правительство назначило на этот пост своего человека, также лояльного власти – Мехмета Эмина Агу, однако, он был противником выбора муфтиев правительством, что поставило турецкую общественность перед дилеммой. В итоге турки поддержали кандидатуру Мехмета Эмина Аги, и он был избран 17 августа 1990 г. В свою очередь, 24 декабря 1990 г. греческое правительство отменило закон № 2345 1920 г. и издало новый закон № 182, регулирующий деятельность муфтията Западной Фракии. Турецкая диаспора г. Комотини не признала этого закона, 28 декабря 1990 г. провела выборы и избрала муфтием Ибрагима Шерифа. Таким образом, в Комотини вступили в должность одновременно два муфтия – один официальный, другой избранный. 22 января 1991 г., несмотря на протесты турок, закон № 182 был принят правительством Греции. Таким образом, на должность муфтия г. Ксанти был поставлен Мехмет Эмин Шиникоглу.

В 1993 г. вопрос о муфтияте послужил причиной нового напряжения в турецко-греческих отношениях. В связи с месяцем Рамадан 20 февраля 1993 г. Министерство религиозных дел Турции направило группу муфтиев в Западную Фракию. Со своей стороны, греческая сторона предложила им сотрудничество с Ибрагимом Шерифом и Мехметом Эмином Шиникоглу. На это предложение муфтии из Турции ответили отказом, мотивируя это тем, что не могут вести дела с муфтиями, избранными не народом. Греческое правительство потребовало от них покинуть территорию Западной Фракии,

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 465.

угрожая арестом в случае неисполнения ультиматума. Таким образом, муфтии вернулись обратно в Турцию.

Стоит отметить, что об обстановке в регионе мировая общественность узнала не из-за споров вокруг назначений муфтиев, а из-за событий, связанных с деятельностью Садыка Ахмета. В 1989 г. во время выборов в парламент Греции от Западной Фракии выдвигались три кандидата: Садык Ахмет, Ибрагим Шериф и Исмаил Родоплу. Депутатом был избран И. Родоплу, получив депутатскую неприкосновенность. Против Садыка Ахмета и Ибрагима Шерифа было заведено три уголовных дела. Оба бывших кандидата обвинялись в создании террористических групп в Камотини, распространении ложных сведений о том, что греческие власти не позволяют туркам приобретать недвижимость, использовании запрещённых в то время слов «турок» и т.д. С. Ахмет и И. Шериф не смогли найти себе греческих адвокатов. На суде, прошедшем 25–26 января 1990 г., они были признаны невиновными в распространении ложных сведений, но осуждены из-за нарушения общественного порядка и получили срок 18 месяцев лишения свободы, а также запрет на занятия политической деятельностью в течение трёх лет. После окончания судебного заседания начались стычки между греками и местными турками, сопровождающиеся погромами турецких кафе и магазинов.

Таким образом, события в Западной Фракии не могли не оказать влияния на турецко-греческие отношения. 1 февраля 1990 г. генеральный консул Республики Турция в г. Комотини Кемаль Гюр направил письмо губернатору Родопы, в котором заявил о своём желании посетить разрушенные магазины и о необходимости принять меры безопасности. В своём письме турецкий консул назвал западных фракийцев «людьми одной крови», после чего министр иностранных дел Греции вызвал посла Турции и попросил отозвать консула. Турецкая сторона отказалась сделать это, после чего греческое руководство 3 февраля 1990 г. направила ноту протеста, и впервые турецкий дипломат был объявлен персоной нон грата. В ответ Турция предприняла

аналогичную меру в отношении греческого консула в Стамбуле¹. В итоге под давлением Турции, заведённые дела против Садыка Ахмета были приостановлены. 8 апреля 1990 г. Садык Ахмет победил на выборах и стал депутатом.

24 октября 1990 г. сформированное в Греции однопартийное правительство Новой демократической партии представило проект нового закона о выборах, который был принят. Согласно этому закону, чтобы быть избранным даже беспартийным народным депутатом, нужно было набрать 3% голосов выборщиков. Таким образом, представителю турецкого меньшинства стало практически невозможно стать депутатом, потому что 3% всего способного голосовать населения в то время соответствовало 200 тыс. человек, в то время как, турок в Греции было меньше указанного числа². Новый закон о выборах нанёс серьёзный удар начавшемуся политическому движению в Западной Фракии. Политика греческого руководства в отношении турецкого меньшинства подверглась осуждению со стороны различных международных организаций, однако Турция не оказала достаточной поддержки западным фракийцам. Так, в сентябре 1991 г. на встрече К. Мицотакиса и М. Йылмаза вопросы, связанные с Западной Фракией, не были включены в повестку дня. Кипрский вопрос привлекал больше внимания, т.к. Кипр, находящийся вблизи Сирии, представлял для Турции больший интерес в стратегическом и геополитическом плане, чем локальные проблемы турок в Западной Фракии.

Во второй половине 1990-х гг. Турция активизировала своё стремление к вступлению в ЕС в контексте ухудшения отношений с Грецией. Со своей стороны, ЕС продолжал прямое вмешательство в турецко-греческие отношения. Например, в своей реакции на кризис, связанный со статусом острова Имия (Кардак), ЕС занял жёсткую позицию в отношении Турции. В заявлении ЕС от 15 июля 1996 г. было отмечено, что «отношения между Турцией и

---

¹ Oran B. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 469.

² Ibid. P. 471.

ЕС должны быть основаны на принципе международного права и соглашениях, соответствовать международной практике и территориальной целостности стран-членов Евросоюза и Турции»¹. Кроме того, Совет Европы призвал к сдержанности в ведении диалога между Турцией и Грецией и предложил в качестве механизма по решению споров такой орган, как Международный суд юстиции. Это не могло не отразиться на саммите ЕС в Люксембурге 12–13 декабря 1997 г., где Турции не был предоставлен статус кандидата в то время как предоставление этого статуса другим государством было утверждено. Председателем Европейской комиссии было отмечено, что укрепление связей ЕС с Турцией зависело от установления удовлетворительных и стабильных отношений последней с Грецией. Турция оказалась, в некотором смысле, в «немилости» по отношению к ЕС, и ей не был предоставлен долгожданный статус кандидата, что не могло привести к улучшению турецко-греческих отношений.

В июле 1997 г. президент Турции С. Демирель и премьер–министр Греции К. Симитис в рамках саммита НАТО в Мадриде пришли к некоторому компромиссу, известному под названием – Мадридская декларация. США, в частности, М. Олбрайт, оказали своё влияние на заключение данного соглашения. Эта Декларация содержала положения в форме норм и принципов, направленных на регулирование двусторонних отношений сторон, подписавших этот документ. Можно сказать, что текст Мадридской декларации достаточно детально описал путь решения проблемы для уменьшения напряжённости в Эгейском море² (см. п. 2.2). Эта декларация, по сути, была направлена на ликвидацию напряжённости в Кардакском кризисе 1996 г. В ноябре 1997 г. премьер–министр Турции М. Йылмаз и его греческий коллега – К. Симитис встретились на Крите во время конференции балканских стран. Эта конференция была инициативой греческого правительства по ре-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 217.

² Naoum M. The Greek – Turkish Rapprochement process, 1999–2004: Paradigm shift or Epi – Phenomenon. Monterey, December 2004. P. 54.

гиональному сотрудничеству, миру и безопасности. Однако это мероприятие произвело какого-либо сдвига в снижении напряжённости между двумя государствами. В декабре 1997 г. М. Йылмаз заявило намерении своего правительства усилить процесс интеграции с ТРСК¹.

То, что не могли исправить европейские чиновники, в некотором смысле исправили природные катаклизмы. В августе и сентябре 1999 г. произошли землетрясения в районе турецкого города Измит и в Афинах. Во время этих трагедий обе страны, забыв об острых разногласиях, оказали друг другу помощь по устранению последствий стихий. Взаимная помощь во время землетрясений вызвала чувство симпатии и сочувствия между турецким и греческим народами. Отражением смягчения отношений между обоими государствами стал отказ Греции от использования права вето по вопросу предоставления Турции статуса кандидата в ЕС во время саммита в Хельсинки 10–11 декабря 1999 г. На саммите в Хельсинки было решено утвердить мирную резолюцию по пограничным вопросам. ЕС призвал стран-кандидатов приложить все усилия в решении главных споров, и в случае провала усилий, предполагалась их передача в Международный суд юстиции. Европейский совет определил конец 2004 г. как последнюю дату решения двусторонних споров между Турцией и Грецией и последующего интеграционного процесса. Совет ЕС в Хельсинки связывал прогресс Турции по её предстоящему членству в ЕС с решением пограничных конфликтов с Грецией.

Как уже было отмечено, после землетрясений в обоих государствах 1999 г. турецко-греческие отношения претерпели некоторые изменения. Обе стороны согласились на сотрудничество по различным вопросам, таким как туризм, противодействие терроризму, уничтожение мин вдоль границ, нелегальной миграции, стимулирование торговли и инвестиций, забота об окружающей среде, рыболовство, образование и спорт². Кроме того, в рамках со-

---

¹ Naoum M. The Greek – Turkish Rapprochement process, 1999–2004: Paradigm shift or Epi – Phenomenon. Monterey, December 2004. P. 54.

² Кудряшова Ю.С. Перспективы дальнейшего сближения Турции с Европейским Союзом и его последствия для России // Востоковедный сборник. М., 2007. Вып. 8. С. 115.

трудничества в НАТО, оба государства согласились уменьшить число военных учений и обмениваться информацией по ним. Наиболее важным являлось то, что политика Турции в отношении предстоящего членства в ЕС стала поворотным пунктом в двустороннем сотрудничестве. Греция, которая ранее настойчиво накладывала вето на любые подвижки в отношениях между Турцией и ЕС, стала активно поддерживать стремление Турции к членству в ЕС. Необходимо отметить также, что даже до природных катаклизмов турецкий министр иностранных дел И. Джем и его греческий коллега Г. Папандреу начали предварительный диалог и сотрудничество для обеспечения гуманитарной помощи Косово во время военной операции НАТО против Югославии¹.

Таким образом, траектория турецко-греческих отношений стала меняться. До 1999 г. отношения между двумя государствами оставались конфликтными, в том числе и в отношении членства Анкары в ЕС. В этот период ЕС не удалось позитивно влиять на турецко-греческую конфронтацию, наоборот Евросоюзом часто злоупотребляли как неким форумом для продолжающегося соперничества. С другой стороны, после 1999 г. наблюдается сближение двух стран². Анализируя эти изменения, турецкий исследователь Бахар Румелли подчёркивает, что членство Греции в ЕС существенно ограничивало положительное влияние последнего на турецко-греческие противоречия потому, что Греция являлась членом ЕС, а Турция - нет. Евросоюз, под давлением Греции, не мог эффективно осуществлять посредничество между Грецией и Турцией³. Это объяснялось широко распространённым восприятием ЕС обеими сторонами конфликта, особенно до 1999 г. Греция воспринимала ЕС как рычаг для его использования против Турции. Турция же воспринима-

---

¹ Aydin M., Ifantis K. Turkish-Greek relations: The security in the Aegean. L., N.Y., 2004. P. 96.

² Celik A., Bahar Rumelli Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts // European Foreign Affairs. L., 2006. P. 218.

³ Rumelili B., The European Union's impact on the Greek-Turkish conflict: A Review of the Literature, Working paper series in EU border conflicts studies No. 6, University of Birmingham, Birmingham, 2004. P. 324.

ла ЕС как институт, который поставила под своё влияние Греция¹. Однако, невозможно объяснить, как такое восприятие стало решающим фактором политики обоих государств после 1999 г. Объясняя изменение турецко-греческих отношений после 1999 г. можно указать на то, что турецкие политики прагматично взвесив все возможные для себя выгоды, изменили свою позицию и поддержали турецко – греческое сближение, потому, что они воспринимали членство в ЕС как стратегическую задачу для Турции².

Можно отметить, что возросшие перспективы членства Турции в ЕС были скорее стечением обстоятельств. Конечно, нельзя не учитывать то, что решения саммита в Хельсинки были эффективны в процессе внешнеполитических изменений между Анкарой и Афинами потому, что эти изменения были основаны главным образом на широко распространённом чувстве сочувствия к землетрясениям, произошедшим в обоих государствах. В случае отсутствия этого взаимного чувства в Турции и Греции, решения саммита в Хельсинки не были бы приняты, поскольку на эти компромиссы правящие круги Турции и Греции не пошли бы. Как и в прошлом, Греция настаивала бы, что кандидатура Турции может быть принята при условии улучшения её отношений с Афинами. В свою очередь, Турция отклонила бы эти прикрепленные условия своей интеграции с ЕС. Кроме того, произошедшие землетрясения проложили путь для развития гражданской активности в обеих странах. Теперь, турецкое и греческое гражданские общества играли независимую и часто критическую роль в двусторонних отношениях. В связи с тем, что импульс для изменений в двусторонних отношениях зародился именно на социальном уровне, турецкая и греческая политическая элита могла действовать на вполне прозрачном народном волеизъявлении³. По мнению

---

¹ Celik A., Rumelli B. Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts // European Foreign Affairs, L., 2006. P. 218.

² Celik A., Rumelli B. Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts // European Foreign Affairs. L., 2006. P. 219.

³ Gundogdu A. Identities in Question: Greek-Turkish Relations in a period of Transformation? 2001. P. 107.

Б. Румелли, в этот период ЕС сосредоточила своё влияние на основе финансирования турецко-греческого гражданского общества¹.

Возвращаясь к вопросу о степени влияния ЕС на турецко-греческие отношения можно отметить, что, несмотря на членство Греции, ЕС не хватало эффективных инструментов для влияния на Грецию. В этом контексте перспектива членства Турции в ЕС предполагала в конечном итоге возможность преодоления конфликта между обеими сторонами через совместное членство в ЕС. В Греции перспектива членства Анкары в ЕС стала ключевой основой альтернативной политики поддержки турецкой европеизации, которая была провозглашена в это время. Также в Турции статус кандидата способствовал позитивному восприятию ЕС и легитимности усилий правящих кругов страны в достижении интеграции с ЕС, а также, решению основных вопросов с Грецией. Кроме того, вопрос о членстве Турции в ЕС способствовал более лояльному восприятию Турции в греческом обществе как страны «скорее европейской», чем «не европейской»².

Таким образом, для понимания турецко-греческих отношений в 1990-е гг., следует учитывать, что к историческим проблемам двух стран добавился новый фактор – борьба за региональную гегемонию в рамках «нового мирового порядка». Турция стремилась достичь этого преимущества через сближение с США и налаживания отношений со странами Балканского полуострова, используя выгоды от этих связей против Греции. В свою очередь, Греция использовала своё членство в ЕС как арену для сдерживания амбиций Турции. Различные формы влияния ЕС на Турцию и Грецию способствовали значительной деэскалации конфликта между ними, но они не были достаточными для того, чтобы достичь реального решения турецко-греческих проблем. Можно сделать вывод о том, что в начале 1990-х гг. Турция и Греция,

---

¹ Rumelili B. *Civil Society and the Europeanization of Greek-Turkish Cooperation*. Istanbul, 2005. P. 45.

² Rumelili B. *Liminality and perpetuation of conflicts: Turkish-Greek Relations in the Context of Community-Building by the EU // European Journal of International Relations*. N.Y. 2009. P. 224.

на фоне глобальных изменений в международных отношениях, связанных с распадом Советского Союза, вошли в новое десятилетие с конфронтациями и переговорами, сотрудничеством и противоречиями. В этот период произошла активизация внешней политики и рост влияния Турецкой Республики в государствах Балканского полуострова. Также отчетливо проявилось стремление Турции к полному членству в ЕС. Греция использовала ЕС для противодействия амбициям Турции. С другой стороны, во второй половине 1990-х гг. Греция одобряла стремление Турции в ЕС по причине «умиротворения» потенциального врага через ожидаемое совместное членство в ведущей организации Европы. Таким образом, Греция не могла всецело полагаться на НАТО как на абсолютного гаранта умеренности намерений турецких правящих кругов, в том числе имеющей влиянием военной верхушки Турции.

Что касается вопроса турак Западной Фракии, то этот вопрос хоть и имел место в 1990-е гг., но не получил реального развития ни в негативном, ни в позитивном плане. Можно сказать, что это относится к «вялотекущим» проблемам турецко-греческих взаимоотношений. Анкаре было удобно использовать положение турецкого населения этого региона для оказания давления на Афины. В 1999 г. произошедшие трагедии в виде разрушительных землетрясений в обоих государствах «конвертировались» в повышение доверия не сколько между элитами, сколько между двумя народами. Таким образом, самый прочный стимул в виде позитивного общественного мнения создал платформу для сотрудничества и позитивного восприятия противоположной стороны.

2.2. Кризисные явления в двусторонних отношениях в Эгейском регионе в 1990-е гг.

Перед тем как перейти к рассмотрению эгейского комплекса проблем между Анкарой и Афинами в 1990-е гг., можно отметить, что они, по сути,

соответствовали тем, которые имели место в 1980-е гг.¹ 1990-е гг. оставались без какого-либо решения разногласия в отношении статуса островов и части берегового шельфа Эгейского моря, которые имели место еще в 1970-е гг. между Турцией и Грецией. Как уже отмечено, актуальность данного спора обусловлена наличием месторождений нефти и газа в этой части Эгейского моря. Афины настаивали на своём праве на воды, расположенные вокруг греческих островов. Проблема заключалась в том, что географически эти острова достаточно близко примыкали к побережью Турции. Кроме того, Турция почти не имела по сравнению с Грецией островов в Эгейском море. Это не могло не ущемлять интересов Анкары, поскольку реализация желаний греческой стороны сильно урезали бы морские владения Турции в Эгейском море. В связи с этим Турция указывала на целесообразность установления переговорного процесса и деления континентального шельфа между обоими государствами на две равные части². Таким образом, как в 1980-е гг., так и в 1990-е гг., оба государства выражали противоположные взгляды на положение островов Эгейского моря, его континентального шельфа, территориальных вод и границ национальных воздушных пространств³.

Стоит заметить, что Греция обладала вескими основаниями на увеличение своих территориальных вод. Так как фактически все многочисленные острова и островки Эгейского моря, количество которых превышало 2000 (некоторые из них очень близко примыкают к турецкому побережью – прим. авт.), входили в состав Греции⁴. Кроме того, в 1994 г. произошло событие, которое также способствовало напряжению между Турцией и Грецией в отношении акватории Эгейского моря. 16 ноября 1994 г. вступил в силу Конвенция ООН

---

¹ Сыздыкова Ж.С. Особенности региональной политики Турции. М., 1999. С. 54.

² Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М., 2010. С. 103.

³ Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 141.

⁴ Bahcheli T., Couloumbis T., Carley P. Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. Washington, 1997. P. 15.

по морскому праву, подписанная 10 декабря 1982 г.¹ Подписавшая и согласовавшая данный договор Греция утверждала, что она имела право устанавливать ширину своих территориальных вод до предела в размере 12 морских миль. Кроме того, греческое правительство рассматривало право на расширение своих территориальных вод как нечто, не требующее обсуждения. В то же время, греческие правящие круги заявили о готовности обсуждать компромиссное решение с Турцией и представить на рассмотрение вопрос о разделении Эгейского континентального шельфа в Международный суд ООН в Гааге². Турция оспорила это положение, заявив, что это будет являться причиной начала войны³. Такая позиция Турции была вполне объяснимой, так как наихудшим для неё решением в вопросе Эгейских территорий было бы расширение территориальных вод Греции до 12 миль. В этом случае, это увеличило бы долю территориальных вод Греции с нынешних 35% до 64% и сократило бы долю международных территориальных вод в Эгейском море с 56% до 26%. В этих условиях, доступ турецким кораблям к своим основным портам – Стамбулу и Измиру – был бы очень затруднительным без прохождения через суверенные воды Греции⁴.

Разногласия, возникающие постоянно, в двусторонних отношениях, способствовали повышению градуса недоверия между двумя соседними государствами. Однако, визит греческого министра иностранных дел К. Папульяса в Турцию в июне 1994 г. способствовал некоторому снижению напряженности между Грецией и Турцией. Так, на переговорах, прошедших между К. Папульясом и его турецким коллегой Х. Четином в ходе визита, были обсуждены пути поиска диалога, однако такие ключевые темы, как вопрос о 12-

---

¹ United Nations Convention on the Law of the Sea (done at Montego Bay, December 10, 1982). URL: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e (дата обращения: 07.05.2017).

² Bahcheli T., Couloumbis T., Carley P. Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. W., 1997. P. 18.

³ Baskin O. Turkdışpolitikasi. Kurtulus savasından bugüne olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001) Istanbul, 2010. P. 459.

⁴ Bahcheli T., Couloumbis T., Carley P. Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. W., 1997. P. 19.

мильных территориальных водах, остались вне обсуждения¹. Это объяснялось тем, что обе стороны решили не касаться острых тем для достижения хотя бы временного компромисса. На этой встрече стороны подписали договоры о туризме, культуре, двойном налогообложении и инвестициях. Более того, К. Папульяс обещал содействие в предоставлении информации о деятельности Курдской рабочей партии на территории Греции. Однако вскоре вновь усилились взаимные подозрения между Турцией и Грецией. Это проявилось в серии инцидентов, достигших пика 8 июня 1995 г., когда парламент Турции наделил правительство правом предпринимать любые меры, которые оно посчитает необходимым (включая военные) в случае, если Греция расширит свои территориальные воды в Эгейском море в соответствии с конвенцией по Морскому праву ООН 1982 г.

Летом 1995 г. Греция, в рамках «доктрины совместной обороны», объявила о своих планах по открытию авиабазы в г. Пафосе (Кипр) и последующем размещении на этой базе самолётов дальнего действия А 7. Недовольство правящих кругов Турции объяснялось стремлением Греции в 1995 г. заселить безлюдные острова в Эгейском море. Кроме того, последняя предъявляла Турецкой Республике обвинения в значительных нарушениях греческих суверенных прав отношении необитаемого маленького острова Имия (по-турецки Кардак) вблизи берегов Турции².

20 января 1996 г., едва придя к власти в Греции, К. Симитис столкнулся с так называемым Кардакским кризисом, за которым последовала также проблема вокруг острова Гавдос, сохранялась и напряженная ситуация на Кипре. Кроме того, турецкая сторона обвиняла Афины в укрывательстве лидера сепаратистской Рабочей Партии Курдистана А. Оджалана. Всё эти события, к тому же, происходили на фоне неблагоприятной для Турции ситуации в отношениях с ЕС.

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 460.

² Сыздыкова Ж.С. Особенности региональной политики Турции. М., 1999. С. 55.

Кризис вокруг о. Имия (Кардак) начался с того, что 26 декабря 1995 г. село на мель турецкое грузовое частное судно в районе скалистого берега острова Имия в Эгейском море. Эти события послужили поводом для начала конфликта из-за острова Имии, а также для спора по владению островками и скалами в Эгейском море. Турецкое судно, севшее на мель, подало сигнал о помощи, на который прибыли греческие спасательные суда и начали оказывать помощь. В свою очередь, турецкое правительство направило ноту протеста в отношении действий греческих судов, которые, по мнению властей Турции, зашли на её территорию. На это Афины заявили о том, что греческие спасательные суда имели право оказывать помощь, поскольку скалы принадлежали Греции. Турки не приняли объяснения греческого правительства, начался спор о праве обладания островом. Дипломатические ноты пересылались министерствами иностранных дел друг другу. СМИ раздули степень напряжённости этой ситуации. Министр иностранных дел Греции К. Папуляс выступил с жесткой речью¹. Таким образом, сторонник спокойного курса в отношении Турции К. Симитис, избегая критики и обвинений в нарушении национальных интересов, был вынужден прибегнуть к конфронтации.

С самого начала кризиса группа греков установила греческий флаг на скалах побережья Имии (Кардака). Журналисты турецкой газеты «Хюрриет» сняли греческий флаг и установили флаг Турции. После этого морские и воздушные силы Греции перешли в режим чрезвычайной ситуации. 29 января 1996 г. греческий флаг был вновь установлен военными моряками. Турецкое руководство отдало приказ морскому военному флоту выйти в Эгейское море. 30 января 1996 г. скалы Имии (Кардака) были оккупированы турецкими войсками. В Эгейском море началось напряжённое ожидание.

В Турции в этот период к власти пришло правительство Тансу Чиллер, которое пыталось отвести внимание турецкой общественности от внутренних

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 461.

проблем и укрепить свой авторитет за счёт внешней угрозы. Общество постоянно держали в националистическом настрое. Т. Чиллер провозгласила лозунг: «Чей флаг будет опущен, тот военный уйдёт!»¹. 31 января 1996 г. в полночь, охранявшие турецкие военные корабли и подводные лодки вышли к скалам, и установили турецкий флаг. Турецкие и греческие военные силы заняли скалы, между которыми было расстояние в 325 метров². С 1987 г. в Эгейском море впервые происходили такие необычные и опасные события, грозящие в любой момент, перерасти в прямой вооружённый конфликт. В конфликт вмешался президент США Билл Клинтон для предотвращения конфронтации. После переговоров с обеими сторонами, флаги были опущены, военные корабли вышли из района спорного острова. К. Симитис принял предложение США провести переговоры с Турцией, но пожелал дождаться конгресса ПАСОК в июне 1996 г.

Стоит отметить, что во время Кардакского кризиса турецкая сторона начала работу по подготовке политической и правовой базы относительно не упомянутых в договорах островков в Эгейском море и в этой связи выдвинула теорию «серых зон»³. Этот термин означал, что в Эгейском море существовали места, не принадлежавшие ни одной стороне.

После вмешательства США в Кардакский кризис, греческий премьер-министр К. Симитис, посетив страны ЕС, предпринял первый шаг к своей цели – перевести греко-турецкие проблемы в рамки ЕС. Со своей стороны, Комиссия ЕС заявила о том, что поможет Греции, подчеркнув, что эта страна являлась южной границей ЕС. Кроме того, было отмечено, что целью ЕС являлось установление дипломатических отношений с Турцией, основанных на демократических принципах и уважении к международному праву в рамках Таможенного союза.

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 455.

² Idid. P. 455.

³ Idib. P. 456.

Это заявление Комиссии ЕС обеспокоило Турцию. Министерство иностранных дел Турции на брифинге, посвящённом проблеме Эгейских островов заявило, что, несмотря на утверждение Греции о том, что её единственная проблема в регионе — это право обладания островами, Турция не принимает этого¹. Кроме того, в ответ на готовность Греции обратиться в Международный суд юстиции, турки заявили, о том, что первоначально необходимо решать эти вопросы через двусторонние переговоры без участия третьих сторон. Обращаться в Международный суд Юстиции следует только в случае невозможности ведения переговоров между обоими государствами.

Важно отметить изменение внешнеполитических ориентиров властей Турции в этот период. Если до 1996 г. Турция настаивала на том, что она способна решить свои проблемы с Грецией без вмешательства третьих сторон, то после прихода 6 марта 1996 г. к власти М. Йылмаза, турецкие правящие круги стали допускать возможную помощь от третьих сторон, если она основана на взаимном согласии и стремлении к полному разрешению всех спорных аспектов вокруг Эгейского моря². После вмешательства Вашингтона и Брюсселя в решение турецко-греческой проблемы, турецкий премьер-министр Месут Йылмаз 23 марта 1996 г. заявил о своём желании начать «мирный процесс» для устранения напряжённости между Турцией и Грецией. Это предложение было немедленно отвергнуто бывшим тогда министром иностранных дел Греции Т. Пангалосом³. Несмотря на негативную оценку со стороны последнего, 24 марта 1996 г. на пресс-конференции, турецкий премьер перечислил цели Анкары:

1. Решение всех проблем между Турцией и Грецией;
2. Готовность Турции принять помощь третьей стороны в решении данных вопросов;

---

¹ Oran B. *Türk dış politikası. Kurtuluş savasından bugüne olgular, belgeler, yorumlar* (1980–2001). İstanbul, 2010. P. 457.

² Turan I., Barlas D. *Turkish-Greek Balance: A key to peace and cooperation in the Balkans // East European Quarterly*. 1999. XXXII, No. 4. January. P. 478.

³ Aydin M., Infantis K. *Turkish-Greek relations. The Security Dilemma in the Aegean*. L., N.Y. P. 228.

3. Подписание между двумя государствами соглашения, обеспечивающего меры безопасности в сфере военной деятельности;

4. Подписание какого-либо политического документа или соглашения, которое направило бы отношения между двумя соседствующими странами в нужное русло¹.

Для достижения вышеизложенных целей М. Йылмаз перечислил следующий порядок действий:

1. Начать переговоры между Турцией и Грецией.

2. Если на переговорах не удастся прийти к консенсусу, действовать согласно следующим направлениям: посредничество, судейство, Международный суд².

Понятно, что турецкое правительство решило прибегнуть к цивилизованному способу решения проблем для того, чтобы изменить имидж Турции как «страны, бегущей от права и опирающейся на военную мощь» и уменьшить давление со стороны ЕС, а не для того, чтобы улучшить отношения с Грецией. Однако данная позиция не дала желаемого для М. Йылмаза результата. Так, пресс-секретарь греческого правительства Г. Репас выступил с речью, в которой подчеркнул, что одних только слов о хороших намерениях недостаточно, поэтому Турция должна была предпринять реальные действия в этом направлении³.

Следует отметить, что Греция успешно вела свой внешнеполитический курс и смогла выставить Турцию в глазах ЕС агрессивной стороной и, следовательно, получить поддержку Брюсселя. Так, согласно этой политике, конкурирующий с К. Симитисом внутри ПАСОК министр обороны Герасимос Арсенис произнес речь: «Мы должны сотрудничать с теми государствами, которые имеют проблемы с Турцией. Это такие страны, как Болгария, Рос-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 23.

² Ibid. P. 23.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 23.

сия, Армения, Иран, Сирия и Ирак. Мы уже сотрудничаем с Сирией, которая открыла нам свои аэропорты, дала право на посадку»¹. Стоит отметить, что эта речь была направлена не столько против политики К. Симитиса, сколько на выставление Турции как страны не склонной вести диалог и конфликтной, у которой существовали проблемы со всеми своими соседями и игнорирующей сотрудничество с международными организациями. Кроме того, подчёркивалась также наличие Курдской проблемы в Турции.

Несмотря на преобладание в греческом обществе негативных настроений в отношении Турции, в 1996 г. перед июньским конгрессом ПАСОК диалог между обоими государствами возобновился. 27 апреля 1996 г. турецкий и греческий министры иностранных дел Эмре Гёненсай и Теодорос Пангалос встретились в Бухаресте. На этой встрече они договорились провести встречу в июне 1996 г. на собрании НАТО в Берлине. Однако эти планы не осуществились, так как собрание НАТО по времени совпало с конгрессом ПАСОК.

Т. Колумбис, касаясь Кардакского кризиса 1996 г. подчеркнул, что лёгкость, с которой вспыхнул острый спор между двумя государствами, мог перерасти в организованное насилие и военные действия. По его мнению, лидеры обоих государств осознавали немыслимость турецко-греческой войны, потому что это изолировало бы обе стороны от принадлежности к любым западным институтам. Кроме того, даже если Греция или Турция закрепят свои территориальные приобретения после нескольких первых боёв, несомненно, последует цепь реваншистских столкновений, которые повысят риск разрушительного воздействия на их экономики и общества².

После завершения Кардакского кризиса, разразился спор над другим островом Эгейского моря – теперь уже обитаемым и принадлежащим Греции Гавдосом. 31 мая 1996 г. в Неаполе, во время совещания относительно предсто-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 23.

² Coloumbis T.A., Klarevas L.J. Prospects for Greek-Turkish reconciliation in a changing international setting / Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. Washington, 1997. P. 34.

ящих военных учений НАТО, запланированных на сентябрь 1996 г., Греция предложила провести один из военных манёвров на территории близкого к Криту о. Гавдос. На данное предложение Афин военный совет в Анкаре отреагировал протестом, сославшись на неопределённость в вопросе о том, какой стране принадлежал этот остров¹. Кроме того, представитель министерства обороны Турции рекомендовало официальным лицам других стран НАТО не вмешиваться в турецко-греческие споры. Через несколько дней эта позиция была официально подтверждена правительством Турецкой Республики и премьер-министром М. Ыылмазом в частности. Таким образом, турецкое правительство поставило под сомнение суверенитет Греции в отношении острова Гавдос, правовой статус которого был закреплён в соответствии с Лондонским договором 1913 г. В ст. 4 этого договора, Турция (тогда Османская империя – примечание автора) отказывалась от всех прав на острова Крит и Гавдос. По Лозаннскому договору суверенитет Турции должен был быть только над теми островами, которые географически находились на расстоянии трёх миль от турецкого побережья, а также островами Имброс, Бокзада и Ребит². В соответствии с тем же договором Турция отказывалась от всех прав и притязаний по отношению к территориям и островам, расположенным вне трёхмильной зоны.

Как и следовало ожидать, в ответ на протест со стороны турок, последовала негативная реакция со стороны правящих кругов Греции. Пресс-секретарь греческого правительства Г. Репас выступил с речью, в которой утверждал, что подстрекательство со стороны Турции перешло все границы, и что она вредила не столько Греции, сколько международному праву и законности.

Примечательно, что этот спор между двумя натовскими государствами не имел такого резонанса как Кардакский кризис. МИД Турции выступило с критикой в отношении Неапольского заявления военного совета своей стра-

---

¹ Каневская М.Ф. Эгейский вопрос в греко-турецких отношениях // Россия в мировой политике. М., 2003. Ч. 2. С. 150.

² Там же. С. 151.

ны, и поэтому сделало смягчающее заявление, в котором было объявлено о том, что Турция не предъявляла каких-либо требований к Греции, но в то же время, Гавдос может считаться одним из эгейских островов без определённого статуса. Поэтому, его статус нуждался в рассмотрении. Можно отметить, что это турецкое заявление касалось не столько самого Гавдоса, сколько эгейских островков в целом. Таким образом, правящие круги Турции дали понять о том, что не собирались отказываться от своей позиции по островкам и скалам в Эгейском море. Турция и Греция преследовали свои цели относительно Гавдоса. Греция стремилась получить официальное право на необитаемые островки и скалы, статус которых не был определён после вступления в юридическую силу Договора о морском праве в 1982 г. К тому же, эти островки юридически не входили в континентальный шельф. Поэтому греческие правящие круги выбрали два пути: первый заключался в включении этих территорий в план военных учений НАТО. Это означало закрепление с помощью НАТО их греческой принадлежности. Вторым путем заключался в стремлении заселить эти островки гражданами Греции, т.е. государства, входящего в ЕС, т.е. жителями ЕС. Планировалось даже бесплатное проведение электричества и водоснабжения на данных островках. Однако, эти планы не реализовались в действительности. Несмотря на некоторую нестандартность решения проблемы со стороны Греции, оно могло бы принести результат, потому что по ст. 121 договора 1882 г. «острова и скалы, на которых не проживают люди и которые не имеют собственной экономической жизни, не могут относиться к какой-либо экономической зоне или быть включенными в континентальный шельф»¹.

В свою очередь, Турция заметила существование подобных планов и пыталась их предотвратить, а с другой стороны, выдвигала теорию «серых зон» (как было отмечено выше), стремясь получить право обладания ими. Вопрос Гавдоса был решён заявлением США: «Между двумя соседними

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 24.

странами-участниками НАТО произошло недоразумение, Гавдос является греческим островом»¹. Однако, вопрос островков не был решён. В июне 1996 г. в Турции было сформировано коалиционное правительство Неджмедтина Эрбакана и Тансу Чиллер². После формирования этой правящей коалиции, по странам прошёл всплеск выступлений националистического толка. На фоне роста национализма и нестабильной обстановки в стране, турецкий генералитет выступил за проведение более жёсткой политики в отношении Греции. Выражением данных настроений явилось издание в августе 1996 г. брошюры под названием «Эгейские острова, островки и скалы. Их география, история, правовой статус и осуществляемая политика», написанная руководством Военной Академии Турции³. В этой брошюре было изложено, что все островки и скалы, расположенные на расстоянии 6 миль, должны принадлежать Турции. Содержание этой брошюры вызвало не только острое недовольство в Греции, но и испортили отношения между министерствами иностранных дел обоих государств. Реакция Греции на выход этой брошюры дала понять турецким правящим кругам, что подобные меры не способствовали ни доминированию Турции, ни установлению конструктивного диалога с Грецией.

В силу того, что Турция и Греция входили в блок НАТО, эта организация также могла способствовать урегулированию проблем между своими членами. После подписания в мае 1997 г. соглашения о создании так называемой «Группы мудрецов» (создана госсекретарём США М. Олбрайт в рамках НАТО)⁴ с целью поиска возможных решений всех эгейских противоречий между обоими государствами в неформальной не имеющей юридической силы форме, а также подписания Мадридской декларации в июле 1997 г., Тур-

---

¹ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P. 25.

² Kalaycioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across troubled lands. N.Y., 2005. P. 156.

³ Baskin O. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugume olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. P.25.

⁴ «Совет мудрецов» НАТО рекомендовал создать систему ПРО альянса // Полит.ру 17 мая 2010 г. <http://www.polit.ru/news/2010/05/17/nato/> (дата обращения: 05.07.2017).

ция взяла на себя инициативу для урегулирования комплекса эгейских разногласий. Характерные черты Мадридской декларации отражены в следующих трёх принципах:

1) Уважение законных и жизненно важных интересов и проблем в Эгейском море каждой из сторон;

2) Обязательство воздерживаться от односторонних актов на основании взаимного уважения и готовности к уклонению от конфликтов, возникающих из-за недопонимания.

3) Регулирование разногласий мирным путём на основании взаимного согласия и без использования силы или угрозы применения силы¹.

В рамках данного соглашения Греция сделала примирительный жест в отношении Турции, признав «жизненно важные интересы» последней в Эгейском море и воздержавшись от использования своих прав на расширение территориальных вод до 12 миль. По мнению М. Наома, Мадридскую декларацию не следует рассматривать как предвестника полного процесса примирения, как считали многие. Эту декларацию можно трактовать как последствие и решение Кардакского кризиса 1996 г.²

Предложения турецкой стороны, которые были переданы Греции 12 февраля 1998 г., призывали к совместному выявлению проблем в Эгейском море; формализации «Мадридской декларации» в разновидность соглашения о дружбе и сотрудничестве; принятию «мер по построению доверия в Эгейском море» при посредничестве Генерального секретаря НАТО; закладыванию основ этического кодекса, обязательного к исполнению для обеих сторон, во избежание односторонних шагов и действий Турции и Греции, которые могут навредить процессу мирного урегулирования; организацию встречи на высшем уровне между министрами иностранных дел обоих государств

---

¹ Naoum M. The Greek – Turkish Rapprochement process, 1999 – 2004: Paradigm shift or Epi – Phenomenon. Monterey, December 2004. P. 54.

² Naoum M. The Greek – Turkish Rapprochement process, 1999 – 2004: Paradigm shift or Epi – Phenomenon. Monterey, December 2004. P. 54.

для обсуждения некоторых вопросов¹. В своей пресс-конференции, на которой была озвучена эта инициатива, министр иностранных дел Турции Исмаил Джем прояснил позицию Анкары, заявив, что его страна на тот момент располагала полным набором средств для мирного решения споров. Кроме того, это заявление в некотором смысле возвращало Турцию к прежней политике двустороннего решения внешнеполитических вопросов. Однако греческое правительство ответило на эту инициативу письмом министра иностранных дел Т. Пангалоса, датированным 20 февраля 1998 г., где снова подчёркивалась давняя внешнеполитическая позиция Греции: «Одна проблема – один путь урегулирования»². Дальнейший диалог между И. Джемом и Т. Пангалосом не привёл к изменениям. Таким образом, греческое правительство не отошло от своего подхода в рассмотрении Эгейской проблемы – рассматривать обсуждать только одну проблему в комплексе противоречий, связанных с пограничным Эгейским морем. Сформированное в январе 1996 г. Костасом Симитисом новое правительство Греции в некоторой степени дало надежду на реализацию турецкой точки зрения на Эгейский вопрос. Однако ни греческие консерваторы, ни турецкие и греческие националисты не стали менее категоричны в отношении вопросов Кипра и Эгейского моря. Кроме того, турецкие и греческие СМИ были заинтересованы в разжигании информационной напряжённости между государствами для увеличения своих тиражей. Это наблюдалось и ранее в ходе кризиса вокруг острова Имии (Кардак).

Как уже отмечено в предыдущем параграфе, в 1999 г. после разрушительных землетрясений в обоих государствах началось улучшение отношений между ними. Таким образом, можно сказать, что это улучшение было следствием природных катаклизмов, которые подтолкнули к взаимной помощи и росту доверия между обоими государствами, а не какой-либо

---

¹ Rumelili B. The European Union's Impact on the Greek-Turkish Conflict // Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies. Birmingham. 2004. No. 6. January. P. 16.

² Aydin M., Infantis K. Turkish-Greek relations. The Security Dilemma in the Aegean. L., N.Y. P. 228.

обособленной инициативой со стороны политических элит государств. По иронии судьбы, это неожиданное улучшение произошло в последние месяцы десятилетия напряжённости в Эгейском море и на Кипре. На протяжении 1990-х гг. турецкие правительства обвиняли Грецию в попытках расширить свои территориальные воды. А Греция постоянно ссылалась на международное право, в соответствии с которым она имела на это право. Однако это сближение не привело к решению Эгейской проблемы, а только временно отодвинуло её на задний план.

Таким образом, разногласия между Турцией и Грецией в Эгейском море осложняла и напряжённость между странами на протяжении как 1980-х, так и 1990-х гг. Территориальные воды и континентальный шельф Эгейского моря имели как военно-стратегическое, так и экономическое значение для обоих государств. В рассматриваемый период, из-за спорных островов в пограничной акватории Эгейского моря, между обоими государствами происходила конфронтация, которая имела вероятность усиления вплоть до начала прямых военных действий. В связи с этим, несмотря на потепление двусторонних отношений после землетрясений 1999 г., говорить о каком-либо решении Эгейского вопроса между Турцией и Грецией не представляется возможным. Таким образом, как и в 1980-е гг., этот комплекс спорных вопросов по степени решения можно характеризовать как «замороженный» (прим. автора). Неуступчивость турецких и греческих политиков можно объяснить неготовностью нести репутационные потери в глазах общественности, а значит и электората обоих государств, в которых довольно сильны национальные чувства. Что касается возможности вооружённого конфликта, то в этом вопросе давало о себе знать членство Турции и Греции в НАТО. Во многом благодаря этому и произошло вмешательство президента США Б. Клинтона в Кардакский кризис. Также миротворческая позиция США наблюдалась и в отношении кризиса вокруг острова Гавдос. В ходе этих кризисов, найдя минимальный пробел в праве Греции на владение этими островами, Анкара не удержалась от «соблазна» (прим. автора) сомневаться в греческих правах на

эти территории. Значительную роль в разжигании показного «милитаристского патриотизма» в Турции сыграла позиция правительства Т. Чиллер. Можно отметить и то, что вероятность военного конфликта снижалась не только из-за вмешательства третьих сторон в лице НАТО и США. Прежде всего, военный конфликт был невыгоден обеим сторонам. В этом случае, вопрос о членстве Турции в ЕС был бы отброшен на неопределённый срок. В свою очередь, Греция, скорее всего, осталась бы один на один с более сильным по ресурсам противником.

2.3 Проблема Кипра в политике Турции в 1990-е гг. Стремление международных организаций урегулировать Кипрский вопрос

Как и в предыдущее десятилетие, в 1990-е гг. проблемы вокруг Кипра между Турцией, Грецией и Кипром оставались на повестке дня. Единственным государством, признавшим независимость Турецкой Республики Северного Кипра и установившим с ним дипломатические отношения, являлась Турция. ТРСК имела аккредитованное посольство в Анкаре, консульства в Стамбуле и Мерсине. Также непризнанное мировым сообществом государство имело представительства в Лондоне, Вашингтоне, Нью-Йорке, Брюсселе, Пакистане и Абу-Даби, а также «почётных представителей» в Италии, Германии, Австрии, Канаде, Южной Африке и Финляндии¹.

Окончание «холодной войны» повлекло за собой некоторые изменения в регионе Восточного Средиземноморья. В то же время, неизменной оставалась политическая обстановка на Кипре. Ослабление НАТО и его дезориентация в связи с исчезновением основной угрозы для западного мира в лице СССР и стран Варшавского договора, значительно понизило геополитическую роль Турции. В это время Турция была не в состоянии справиться с ролью региональной сверхдержавы, интересы и влияние которой простирались бы от Ближнего Востока до Центральной Азии. Несмотря на внешнеполити-

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 18.

ческую активизацию Турции, она лишилась прямой поддержки ЕС, который начал создавать свой собственный «центр силы», где роль США уже не была столь доминирующей и определяющей, как ранее, в условиях противостояния общему противнику в лице СССР. Поэтому разделение осей НАТО и ЕС очень болезненно сказалось на интересах турецких правящих кругов. В связи с этими обстоятельствами, политическая элита Турции начала всё в большей степени понимать необходимость вступления в ЕС, для ликвидации статуса «жандарма», находящегося на периферии западного военного блока¹.

С начала 1990-х гг. турецкие правящие круги заявили о необходимости решения Кипрского вопроса через ООН. Это во многом объяснялось их заинтересованностью в положительной оценке внутренней и внешней политики Анкары со стороны ООН и ЕС². Более примирительная риторика со стороны Анкары возродила надежды ООН и США в отношении Кипрского урегулирования. В своей резолюции по ситуации на Кипре, принятой 15 марта 1990 г., Европейский парламент выступил против политики правительства ТРСК в лице Р. Денкташа. В этой резолюции были подтверждены предыдущие требования Европейского парламента для достижения справедливого решения Кипрского вопроса. Прежде всего, резолюция признавала незаконным продолжающееся 15 лет разделение Кипра. Также было отмечено, что по заключению Европейской комиссии от 17 декабря 1989 г., чётко указывалось, что Кипрская проблема являлась одним из факторов, который влияет на сроки политического вступления Турции в ЕС. Резолюция признавала, что подавляющее большинство как турок, так и греков-киприотов желало мира и объединения Кипра, которое гарантировало бы политические, гражданские и гуманитарные права всех киприотов. Отмечалась позитивная оценка усилий, которые были сделаны Генеральным секретарём ООН в созыве переговоров между президентом Кипра Г. Василиу и Р. Денкташем. В частности, отмеча-

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 21.

² Green P. Embracing Cyprus the path to unity in then new Europe. L.; N.Y., 2003. P. 129.

лась заслуга президента Республики Кипр в проведении переговоров¹. Резолюция затрагивала и конкретные случаи нарушений, происходивших в приграничных районах. Например, осуждалось задержание пяти молодых греков-киприотов в буферной зоне турецкими оккупационными силами². В контексте осуждения политики Р. Денкташа высказывалась надежда на то, что подавляющее большинство турак-киприотов также сожалеет в отношении действий правительства ТРСК. Ставилась цель побудить правительство Турции к необходимости возобновления внутриобщинных переговоров и поиску приемлемого решения Кипрской проблемы. Также предполагалось содействовать встрече министров иностранных дел обеих сторон для рассмотрения вопроса о том, как лучше оказать поддержку тем прогрессивным лидерам турак-киприотов, которые готовы к честным переговорам с правительством Кипра под эгидой ООН. Кроме того, рассматривался вопрос о немедленном освобождении молодых людей, нелегально задержанных турецкими оккупационными силами. В соответствии с этой резолюцией предполагалось регулярно вызывать министров иностранных дел Кипра и ТРСК в парламент ЕС для отчётов о своих действиях в деле обеспечения справедливого решения Кипрской проблемы³.

ООН и Вашингтон надеялись на то, что Анкара окажет давление на турак-киприотов для достижения необходимых уступок с их стороны. Генеральный Секретарь ООН Бутрос Гали сообщил в Совет Безопасности, что, несмотря на сложность в достижении комплексного решения, предложения Г. Василиу (президента Кипра с 1988–1993 гг.) от 30 января 1989 г. должны способствовать значительному прогрессу в структуре и составе федеральных правительственных институтов. По его мнению, если две стороны могли продвинуться вперёд в вопросах территориального урегулирования и судьбе

---

¹ European parliament resolution of 15 march 1990 // The Cyprus Problem. Historical review and the latest developments. Nicosia, 1997. P. 168.

² European parliament resolution of 15 march 1990 // The Cyprus Problem. Historical review and the latest developments. Nicosia. 1997.P. 168.

³ Ibid. P. 169.

беженцев, то резолюция по Кипрской проблеме может обнадеживать. Вооружившись Резолюцией 750 Совета Безопасности (принята в апреле 1992 г.), Б. Гали предложил пути урегулирования территориальных споров. Дорожная карта требовала от турецкой стороны около 11% оккупированной территории¹. Однако, когда появилась надежда на неизбежный прорыв в решении вопроса, лидер турок-киприотов стал выдвигать возражения, в частности, Р. Денкташ аргументировал своё несогласие тем, что предложенное территориальное решение лишит турок-киприотов плодородных земель, поставок воды и приведёт к их зависимости от более сильной греко-кипрской экономики. Р. Денкташ потребовал, чтобы согласно данному решению было признано право суверенитета ТРСК по образцу швейцарской системы кантонов. К ноябрю 1992 г. переговоры зашли в тупик².

Позиция Анкары ясно показана в письме постоянного представителя Турции в ООН Инала Бату председателю Совета Безопасности ООН от 23 января 1995 г. В нем И. Бату указывает на конструктивную роль президента ТРСК Р. Денкташа в стремлении урегулировать Кипрский вопрос. Отмечает, что Турция желает жизнеспособного урегулирования на Кипре через проведение переговоров и поддерживает позицию Р. Денкташа и подчеркивает, что Турция внесет свой вклад в содействие позитивному переговорному процессу. Кроме того, турецкий представитель добавил: «В связи с поддержанием мира и стабильности в регионе, мы ожидаем, что программа чрезмерного вооружения южного Кипра и увеличения военной активности Греции и на Кипре под названием «объединённой военной доктрины» будут приостановлены»³.

В мае 1993 г. Б. Гали предпринял новую попытку в установлении доверия между сторонами. Эти меры включали в себя сотрудничество по вопро-

---

¹ Danopolos C. P. The Cyprus Problem and prospects of rarefication // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, No 2 (19), June. P. 140.

² Ibid. P. 141.

³ Letter dated 23 January 1995 from permanent representative of Turkey to the United Nations addressed to the president of the Security Council // United Nations. Security Council. URL: (дата обращения: 12.10.2017).

сам водных поставок, образования, спорта, культуры, окружающей среды. Этот пакет мер предполагал встречи между журналистами, лидерами политических партий, представителями промышленности и торговли, возобновление гражданских полётов в международном аэропорту Никосии и др. Аэропорт Никосии должен был быть открыт для иностранных авиалиний с правом посадки на Кипре и должен был быть под управлением администрации ООН. Р. Денкташ поднял большое число вопросов, относящихся к правам посадки самолетов, виду валюты, которая должна была функционировать в Вороше и др. Однако, предложенные меры были отвергнуты парламентом ТРСК¹.

Что касается институтов ЕС, то они оказывали поддержку как Греции, так и Республике Кипр. Как показала практика, в отношении интеграции в ЕС греческое правительство Кипра, как и правительство Греции, добилось гораздо больших успехов, чем Турция и ТРСК. Несмотря на взаимное недоверие между греческой и турецкой частями Кипра, в начале 1990-х гг. на повестку дня встал вопрос о возможном вступлении греческой части Кипра в Евросоюз. В июле 1990 г. Республика Кипр официально обратилась в ЕС с заявкой о желании вступления в Евросоюз. 21 января 1993 г. Европейский парламент издал резолюцию, в которой принял к сведению Договор об ассоциации между Европейским экономическим сообществом и Кипром, а также заявку, Республики Кипр для присоединения к Европейскому сообществу². В этой резолюции, также содержался призыв к правительству Турции вывести свои войска с Кипра в соответствии с резолюцией ООН. Отмечалось, что турецкие войска на Северном Кипре должны быть заменены на миротворческие силы ООН³.

Европейская комиссия, рассмотрев заявку на полноправное членство Республики Кипр, в июне 1993 г. заявила об отсутствии каких-либо преград

---

¹ Danopolos C.P. The Cyprus Problem and prospects of rarefication. // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, No 2 (19), June P. 141.

² Resolution 21.1.1993 // European stand on the Cyprus problem. L., July 2001. P. 99.

³ Resolution 21.1.1993 // European stand on the Cyprus problem. L., July 2001. P. 99.

для процесса присоединения Республики Кипр. В 1994 г. на заседаниях ЕС на острове Корфу и в Эссене было объявлено, что Республика Кипр станет полноправным членом ЕС в ходе очередного этапа расширения организации¹. 6 марта 1995 г. на Совете Евросоюза Греции пообещали, что ЕС начнёт переговоры по вопросам присоединения Кипра к Евросоюзу в течение 6 месяцев после заключения Международной конференции ЕС 1996 г.² Стремление правительства греческого Кипра к интеграции в ЕС при Г. Клиридисе объяснялось политическими выгодами, гарантиями безопасности, а также экономическими перспективами. В греческом секторе острова полагали, что ЕС станет более эффективной организацией чем ООН в решении Кипрского вопроса. Греки-киприоты выдвигали идею учреждения федеративной республики с двумя зонами (турецкой и греческой).

Однако возможное вступление Кипра в ЕС встретило негативную реакцию руководства ТРСК. Р. Денкташ был против вступления в ЕС, по сути, только греческой части Кипра, без согласования и участия турецкой стороны. Иными словами, Р. Денкташ критиковал интеграцию Кипра в ЕС без установления политической договорённости между обеими кипрскими государствами. Он и другие турецкие националисты подозревали греков-киприотов в стремлении к энозису (т.е. воссоединение с Грецией). По мнению турок-киприотов, правительству греческого Кипра это было нужно для того, чтобы после присоединения к Греции увеличились бы контакты РК со странами Европы через институты ЕС. В связи с этим Р. Денкташ заявлял о вероятности присоединения ТРСК к Турции в случае принятия греческого Кипра в ЕС без достижения договорённости между двумя национальными общинами острова. Со своей стороны, правительство Турции поддержало позицию лидеров турок-киприотов и потребовало от ЕС дожидаться разрешения Кипрского вопроса до начала интеграционных процессов с Республикой Кипр. В заявлении от 16 марта 1996 г. представитель ЕС по иностранным делам Ханс Ван Ден

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 23.

² Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. W. 1997. P. 20.

Брук подчеркнул, что «разделение острова не является препятствием для будущего вступления в союз». В предупреждении, адресованном туркам-киприотам и правящим кругам Турции, Ван ден Брук заявил, что ЕС «не может игнорировать стремление большинства населения стать членом ЕС»¹.

2–13 декабря 1997 г. на конференции стран ЕС в Люксембурге государства Кипр, Венгрия, Польша, Эстония, Чехия и Словения были приглашены в Евросоюз. Европейский союз воспринимал исключительно руководство греческого сектора как правительство Кипра. Кроме того, ЕС отметил, что переговоры между обеими общинами должны проходить только на территории признанной Республики Кипр. Переговоры с первыми шестью кандидатами на вступление в ЕС в рамках его расширения («Люксембургской группой» – прим. авт.) начались 30 марта 1998 г. Первый этап этих переговоров в основном был посвящён изучению кипрского законодательства и путям его адаптации к основным законодательным документам ЕС². Реакцией на эти решения стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой заявлялось, что данные решения ЕС вредят мирному решению проблемы³. Кроме того, 31 августа 1998 г. правящие круги ТРСК выдвинули идею о создании конфедерации на Кипре. В соответствии с этим предложением, провозглашалось равенство обеих национальных общин острова в переговорном процессе. Однако грекам-киприотам в силу перспективы скорого членства в ЕС это было не интересно. Поэтому правительство Республики Кипр отвергло данный план турок-киприотов⁴.

Важно отметить, что ещё ранее, в 1996 г., в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1062 приветствовалось решение ЕС начать переговоры о вступлении Кипра в ЕС. Кроме того, резолюция подчёркивала

---

¹ Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. W. 1997. P. 20.

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 23.

³ Иванова И.И. Кипрская проблема на современном этапе / Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. М., 2014. С. 87.

⁴ Иванова И.И. Кипрская проблема на современном этапе / Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. М., 2014. С. 87.

значимость этого события для дальнейшего решения Кипрской проблемы¹. В декабре 1999 г. на заседании Европейского совета в Хельсинки было окончательно подтверждено, что решение Кипрского вопроса не являлось предварительным условием для вступления в ЕС. В связи с этим, вынесение окончательного решения предполагалось в зависимости от показателей развития экономики Республики Кипр. Таким образом, 12–13 декабря 2003 г. на заседании Европейского Совета в Копенгагене было подтверждено окончание переговоров о вступлении Кипра в ЕС и провозглашено, что это государство должно стать полноправным членом Европейского Союза 1 мая 2004 г.²

Ещё одним важным аспектом Кипрского вопроса являлась проблема безопасности. С этим аспектом связан никуда не исчезнувшая вероятность попытки военного решения вопроса. Как отмечалось ранее, Турция, следуя политике «двойных стандартов» выступала против вступления Республики Кипр в ЕС, однако сама всячески стремилась стать полноправным членом ЕС. О противоречивости позиции турецких правящих кругов свидетельствует то, что они препятствовали интеграции Кипра в ЕС открыто, а затем кулуарно. Так, ранее Турция угрожала аннексией Северного Кипра (как и заявлял Р. Денкташ) в случае попыток присоединения Республики Кипр к ЕС. Турки аргументировали свою позицию тем, что вступление одной части острова в ЕС ещё в большей степени усилит раскол между обеими общинами, сделав, таким образом, перспективу их объединения практически неосуществимой. Кроме того, по мнению турецкой стороны, вступление только одной части Кипра станет нарушением положений договора о гарантиях, подписанного 16 августа 1960 г. в Никосии между Республикой Кипр, с одной стороны, и Грецией, Турцией, Великобританией, с другой. В соответствии с первой статьёй этого договора, Республика Кипр обязывалась не участвовать частично или полностью ни в каких политических или экономических союзах с любыми другими государствами, а также не осуществлять подготовку, направленную

---

¹ Рыгов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 23.

² Там же. С. 24.

на создание подобного союза¹. Турецкие правящие круги заявляли об отсутствии единых органов власти на Кипре, которые могли бы выразить интересы обеих общин острова на переговорах по интеграции в ЕС². Однако в данное время Турция не могла использовать эти устаревшие подходы, так как всем было ясно, что процесс европейской интеграции значительно обогнал то время, на которое эти аргументы были рассчитаны. Таким образом, эти аргументы стали чисто теоретической отговоркой, лишённой всякого практического обоснования. Самым неприятным для Турции было то, что она не могла на это никак повлиять ни в юридическом, ни в силовом плане, как это произошло, например, во время оккупации Северного Кипра в 1974 г., поскольку в начале XXI в. силовое давление на Кипр стало уже невозможным и неэффективным. В результате, Европейская комиссия признала, что руководство Кипра имеет все права выразить мнение всего острова, и заявка на вступление в ЕС была подана от лица всего острова.

Несмотря на низкую вероятность военного конфликта между греческим Кипром и Турцией, правительство РК предпринимала максимальные меры по обеспечению обороноспособности своей части острова. Это объяснялось возможной турецкой интервенцией, которую нельзя было полностью исключать в условиях недовольства турецкого правительства вступлением Кипра в ЕС. Ещё в марте 1994 г. Кипр заключил военный пакт с Грецией, в соответствии с которым Греция обязывалась защищать Республику Кипр в случае внешней агрессии. В соответствии с этой оборонной доктриной правительство Южного Кипра в конце 1996 г. приняло решение о покупке и размещении на своей территории российских комплексов ПВО С 300. Турция, как и США негативно отреагировали на это решение Республики Кипр. Так, Государственный департамент США в официальном заявлении расценивал решение правительства Кипра о размещении С 300 как угрозу безопасности для

---

¹ Treaty of Guaranty. Signed at Nicosia on 16 August 1960. URL: http://www.mfa.gr/images/docs/kypriako/treaty_of_guarantee.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 25.

всего региона. Против данных планов греческого Кипра выступало также и большинство стран ЕС, правящие круги которого отметили, что эти действия РК негативно отразятся на перспективах решения проблемы Кипра¹.

Что касается США, то они были против размещения российских С 300 на Кипре по многим причинам. В первую очередь, США опасались, что появление этого комплекса на Кипре усложнило бы продажу американских систем ПВО «Пэтриот» и могло бы нанести урон конкурентоспособности вооружений из США. Во-вторых, размещение радаров С 300 потребовало бы постоянного присутствия на острове экспертов из России, которые могли аккумулировать важнейшую информацию по региону Восточного Средиземноморья, в частности, об инфраструктуре НАТО. Вместе с тем, Вашингтон отказал Республике Кипр в продаже комплексов «Пэтриот», не желая осложнять отношения с Анкарой².

По мнению экспертов, размещение на Кипре С 300 могло серьёзным образом дестабилизировать ситуацию в регионе и способствовать дальнейшему развитию гонки вооружений между Турцией и Грецией. Важно отметить, что совокупное количество танков этих двух государств превосходило количество танков Великобритании, Франции, Германии и Италии вместе взятых. Их расходы на оборону в соотношении с ВВП значительно превышали расходы стран ЕС. В 1998 г. Греция планировала потратить в течение последующих 8 лет 24 млрд. долларов на модернизацию и усиление своего военного потенциала. В свою очередь, Турция рассчитывала истратить на военные нужды 31 млрд. долларов³.

Заручившись негласной поддержкой США, Турция официально поставила правительство Кипра в известность о своей готовности бомбить места размещения С 300. ТРСК заявила о всесторонней поддержке действий Анкары. В ответ на «доктрину совместной обороны» между Грецией и РК, в

---

¹ Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. P. 20.

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 28.

³ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 26.

1997 г. между ТРСК и Турцией подписано соглашение о более тесной интеграции в экономической и оборонной сферах¹. Близость между политическими элитами Турции и ТРСК была вполне объяснимой, так как Турция, после оккупации севера острова в 1974 г. и постоянного присутствия там 35 тысячного военного корпуса, являлась единственным гарантом безопасности северного (турецкого) Кипра, не говоря об этническом факторе. Наличие турецкого воинского контингента на территории северного Кипра обеспечивало военное преимущество Турции в случае конфликта с Грецией и Кипром. Таким образом, Турция представила зеркальную Греции оборонную доктрину. Стоит отметить, что Турция, имея военное преимущество, потенциально могла быть больше склонна к агрессивным действиям, чем Греция.

Таким образом, в условиях постоянных угроз в отношении Кипра со стороны Турции, план кипрского президента Георгиса Василиу «европеизировать» Кипрскую проблему путём подачи заявки на членство Кипра в 1990 г. оказался даже более верным, чем просто усиление обороноспособности греческой части острова. Стоит отметить, что политическая элита Евросоюза не была заинтересована интегрировать в свою организацию разделённый Кипр, ставя тем самым под угрозу отношения с Турцией и США. Однако основным противником присоединения Кипра к ЕС были лидеры турок-киприотов, которые боялись потерять влияние в северном Кипре. Влиятельный турецкий генералитет Турции, так же, как и руководство ТРСК, был настроен против Республики Кипр. Для военных кругов Турции политика угроз и шантажа соответствовала внешнеполитическому курсу Анкары в Восточном Средиземноморье. Эта позиция ясно отражала разочарование правительства Турции в связи с отказом включить её в число стран-кандидатов на вступление в ЕС. В декабре 1997 г. на саммите в Люксембурге ведущие европейские страны не поддержали кандидатуру Турции.

Наряду с интеграцией в ЕС, руководство греческого Кипра не забывало и о необходимости нейтрализовать опасность, исходящую от Турции, посред-

---

¹ Там же. С. 27.

ством размещения на своей территории российских комплексов ПВО С300. По мнению многих европейских экспертов, такая политика была весьма опасна для Кипра, так как Кипр не только противопоставлял себя Турции как члену НАТО, но мог также вызвать негодование у ЕС, тем самым, практически, перечеркнув свои шансы на интеграцию в эту организацию. Что касается Турции, решительность греков-киприотов произвела впечатление на политическую элиту Анкары. Это касалось того, что греки Кипра были готовы защитить свою страну самостоятельно, без вмешательства Европы и США. Поэтому Республика Кипр закупила у России четыре комплекса системы С 300, каждая из которых оснащена 12 ракетами «земля-воздух» с дальностью поражения в радиусе 160 км¹.

Правящие круги Кипра объясняли приобретение комплексов С 300 необходимостью защиты мирного греческого населения в случае вероятной атаки со стороны турецких вооружённых сил, так как армия греков-киприотов не располагала собственными военно-воздушными силами. Таким образом, греки-киприоты делали акцент на сугубо оборонительные цели в приобретении С 300. Эту позицию подтверждали и некоторые чиновники российского МИД. Так, чрезвычайный посол РФ на Кипре Г.Л. Мурадов в своей книге «Наш общий путь» отрицал агрессивную направленность внешней политики РК по причине наличия на Кипре комплексов С 300, акцентировал на исключительно оборонительном характере российских военных комплексов и утверждал, что размещение этих средств ПВО являлась необходимостью из-за нерешённости проблемы Кипра. Более того, он полностью исключал вероятность использования на С 300 ядерных, химических и бактериологических боеголовок. Нагнетание обстановки в связи с закупкой С 300 чрезвычайный посол от РФ объяснял стремлением «заинтересованных лиц» настроить турок-киприотов против России и увеличить степень напряжённости на острове. Кроме того, Г. Мурадов подчеркивал: «В случае непопадания

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 28.

ракеты в цель, она самоуничтожается, чтобы не причинить вреда объектам на земле. Иными словами, С-300 – щит, который не может превратиться в меч»¹.

Рассматривая проблему безопасности Кипра, Т. Бахчели считал, что проблема состоит в том, чтобы организовать такие условия безопасности, которые удовлетворили бы обе стороны. В то время как турецкие войска гарантируют туркам-киприотам безопасность, у греков-киприотов такой гарантии нет. Идеальным решением на данный момент будет уменьшение числа турецких войск и привлечение такого же количества греческих войск – это план, который рассматривали в 1992 г. К сожалению, греческие киприоты сейчас рассматривают иной план по приобретению оружия ценой в один-два миллиона долларов. В результате этого получается практически смертоносная спираль, так как турки отвечают на покупки греков увеличением числа войск и вооружения и постоянным снабжением своих складов, находящихся на острове. По словам Т. Бахчели, такое положение является не только опасным, но и экономически невыгодным, так как это колоссальная трата денег. Поэтому, финансовая сторона вопроса в первую очередь требует немедленного урегулирования ситуации. «Несмотря на небезопасность для греков-киприотов от присутствия турецких войск, греческие лидеры показывают своеобразную “удаль”, утверждая, что могут нанести значительный вред турецким войскам и даже целям в южной Турции. Даже если это пустые угрозы, это небезопасно»².

По мнению А. Рытова, опасения ТРСКи Турциине были безосновательными. В 1993 г. под руководством министра обороны Греции Г. Арсениса была разработана военная стратегия «расширенного сдерживания», которая соответствовала доктрине «военного окружения Турции». В соответствии с данной доктриной, предлагалось начать переговоры с Сирией о создании греческой базы ВВС на её территории. Однако новый премьер-министр Гре-

---

¹ Muradov G. Our common way. Nicosia. 2001. P. 172–173.

² Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability... P. 22.

ции К. Симитис оказался сторонником более умеренного и гибкого курса в отношении Турции и ТРСК. Вскоре Г. Арсенис был снят со своего поста и назначен министром образования Греции. Вместо базы в Сирии, в апреле 1998 г. была открыта база греческих ВВС в Пафосе (греческий Кипр)¹. Это позволяло грекам-киприотам гарантировать воздушное прикрытие и поддержку частям национальной гвардии Греции, дислоцированным на Кипре. Стоит отметить, что без поддержки авиации доктрина «расширенного сдерживания» не могла восприниматься всерьёз, так как база ВВС в Пафосе расширяла радиус действия греческой авиации в случае конфликта с Турцией. Кроме того, именно с территории Кипра греческая авиация была в состоянии легко поражать те цели на восточном побережье Турции, которые ранее были практически недостижимы с островов Греции.

Возвращаясь снова к вопросу о С300 важно указать, что наличие авиабазы в Пафосе без защиты таких средств ПВО как С 300 не имело смысла. Поэтому российские С300 должны были выполнять роль (как заявлял Г.Л. Мурадов) «щита» в случае усиления милитаристской напряжённости между Турцией и Грецией или Турцией и Кипром. Однако, используя подстрахованную с помощью С300 базу ВВС в Пафосе, греческая авиация теперь была в состоянии осуществлять любые стратегические акции вплоть до уничтожения нефтяных терминалов на Каспийском море, откуда Турция могла получать топливо для снабжения техники своих вооружённых сил. Со своей стороны, турецкие правящие круги, в ответ на действия греков, заявили о своей готовности использовать военные методы в отношении Греции и РК. Кроме того, сразу после приземления на базе в Пафосе четырёх греческих F-16 16 июня 1997 г., лидер турок-киприотов Р. Денкташ пригрозил, что в ответ на действия Афин ТРСК откроет на своей территории турецкую базу ВВС. В свою очередь министр обороны Кипра Я. Омиру заявил, что посадка греческих истребителей означает политическое послание правительству Турции о том, что греко-кипрская оборонительная доктрина будет существовать до тех пор, по-

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 28.

ка существует угроза турецкого экспансионизма¹. Эта посадка военных самолётов из Греции вызвала также осуждение со стороны партнёров Греции и Кипра по ЕС. Тогда греческие правящие круги решили не вступать в полемику с ЕС по вопросу отношений с Турцией.

Стоит отметить тот факт, что ни президент Кипра Г. Клиридис, ни премьер-министр Греции не были поставлены в известность о полёте этих истребителей. В действительности, в задачу греческих истребителей входил уход от турецкого радара и незаметное для Турции приземление на военной базе в Пафосе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что военные цели в это время практически доминировали над политической конъюнктурой. Иными словами, военный компонент в то время мог значительно отклониться от политического вектора во взаимоотношениях между обеими странами. В этих обстоятельствах опасность вооружённого противостояния между Турцией и Грецией становилась более реальной.

Греческие правящие круги понимали, что размещение С 300 на Кипре могло оказаться дипломатической ловушкой для обеих стран, так как отрицательная реакция ЕС в этом вопросе поставила бы Кипр и Грецию под угрозу со стороны Турции. В силу данных обстоятельств, президент Кипра Г. Клиридис, принимая во внимание опасность военного конфликта с Турцией и ухудшение отношений с ЕС как противовеса в сдерживании Турции, заявил об отказе правительства Кипра размещать С 300 на своей территории. Комплексы С 300, приобретённые Кипром, были размещены в Греции на острове Крит в соответствии с «совместной оборонной доктриной»². Параллельно, правительство Республики Кипр выдвинуло широко масштабный план по демилитаризации острова и прекращения региональной гонки вооружений. Такой разворот в политике безопасности Кипра объяснялся тем, что кризис, вызванный вопросом о С 300, нанёс значительный ущерб экономике островной страны, в связи с тем, что из-за опасности военных действий многие ино-

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 30.

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 32.

странные туристы отказывались прибывать на остров. Кроме того, правительство Кипра стремилось обратить внимание международной общественности на присутствие внушительного контингента турецких войск на острове. Более того, министр иностранных дел Греции Т. Пангалос начал обсуждать со своими зарубежными коллегами вопрос о прекращении полётов любых военных самолётов над территорией Кипра.

Что касается общественного мнения Греции и Кипра, то греки обоих государств были сильно возмущены резким осуждением Западом планов их правительств по вопросам безопасности и обороны. Так, в соответствии с результатами проведённого опроса общественного мнения, 70% населения Республики Кипр считали, что комплексы ПВО С300 усилили бы их безопасность и снизили вероятность турецкого вторжения¹. Кроме того, греческая общественность проявляла недовольство в отношении сдержанного по сравнению с вопросом о С300 отношения Запада к наличию большого количества турецких военных в Северном Кипре.

Многие аналитики полагали, что опасения греков не соответствовали реальным планам Турции. Турция к тому времени уже решила свою геополитическую задачу, захватив в 1974 г. северную часть Кипра. Турки не рискнули бы войти в южный Кипр, так как им пришлось бы столкнуться с войсками ООН, охраняющими разделительную полосу – «зелёную линию» между двумя национальными частями острова, и потерять тем самым все шансы интегрироваться в ЕС. Однако большинство греков-киприотов считало внешнюю политику Турции непредсказуемой. Они были уверены в том, что Кипр должен иметь все возможности для адекватного ответа на любые провокации со стороны турецкой армии². Таким образом, вопрос о С 300 напомнил греческому обществу о событиях 1974 г., поэтому, никакие международные гарантии, «записанные лишь на бумаге» не могли быть надёжнее реального военного потенциала.

---

¹ Там же. С. 33.

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 33.

В рассматриваемый период оставалась актуальной и проблема пропавших без вести после событий 1974 г. греков-киприотов. Правительства ТРСК и Турции всячески стремились остановить попытки Кипра и Греции добиться объективного расследования данного вопроса. 1 марта 1996 г. Р. Денкташ заявил в интервью местному телевидению, что большинство пропавших без вести греков-киприотов были убиты нерегулярными военными группами турок-киприотов во время событий 1974 г., поэтому все дела о пропавших без вести греках на севере Кипра должны быть закрыты. Р. Денкташ был согласен на обмен информацией по поиску пропавших без вести людей с правительством Кипра (греческого). Однако, никаких реальных действий в этом направлении предпринято не было¹. В 1994 г. турки-киприоты выразили готовность подписать соглашение по укреплению мер доверия, предложенного ООН, а также протокол о ненападении между обеими общинами острова, однако ни то, ни другое предложение не получило поддержки от официальных властей Республики Кипр»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в 1990-е гг., какого-либо конкретного решения Кипрского вопроса не произошло. Как и в предшествующее десятилетие, Анкара продолжала напрямую влиять на решения, принимаемые правительством Турецкой Республики Северного Кипра. Наоборот время от времени нарастала степень военной напряжённости между Турцией и Грецией из-за Кипра. Эту напряженность можно сравнить с аналогичной ситуацией кризиса двусторонних отношений вокруг Эгейских островов Имия (Кардак) и Гавдос. Стоит отметить, что проблема Кипра – это не только предмет двусторонних разногласий, но и четырёхсторонних, поскольку и Турция, и Греция защищали интересы как ТРСК, так и Кипра (греческого) соответственно, даже если учесть то, что ТРСК был признан лишь одной только Турцией. Что касается Турции, то с одной стороны, Анкара всячески желала войти в ЕС, а с другой, всячески препятствовала интеграции

---

¹ Там же. С. 41.

² Green P. Embracing Cyprus the path to unity in the new Europe. L.; N.Y., 2003. P. 78.

Кипра с ЕС. Таким образом «двойные стандарты», применяемые в турецкой политике, были налицо. Что касается позиции ЕС в Кипрском вопросе, то в своих резолюциях ведущая организация Европы – ЕС довольно определённо выступала против незаконной оккупации Северного Кипра. ЕС, как и ООН, оказались неспособны заметно влиять на решение Кипрского вопроса.

Подводя выводы, необходимо отметить, что после распада СССР произошла трансформация места Турции на политической карте Евразии. Если во время «холодной войны» Анкара являлась форпостом НАТО на Ближнем Востоке, то теперь её позиции в этом отношении снизились. Вместе с сохранением ориентации на США и НАТО, у Турции стало больше свободы проводить и свою внешнеполитическую линию. В 1990-е гг. наблюдается усиление влияния Турции на её балканских соседей. Турция и Греция заняли противоположные позиции в отношении государств региона. Характеризуя турецко-греческие отношения в 1990-е гг., можно отметить о напряжённом десятилетии, сопровождающимся кризисами, переговорами. В отличие от Т. Озала правительство Т. Чиллер не искало поводов для урегулирования или снижения градуса напряжённости в отношениях с Грецией. Правительство М. Йылмаза было в большей степени, чем Т. Чиллер, склонно к диалогу. Землетрясения 1999 г., произошедшие в Турции и Греции и последующее оказание помощи друг другу, изменили негативные представления о соседе, имевшие место в предыдущие годы. Это и создало «платформу» если не для решения главных проблем – Эгейской и Кипрской, то хотя бы для построения конструктивного диалога между сторонами в последующие годы. Теперь у правящих кругов обоих государств были в большей степени, чем ранее, «развязаны руки» для проведения переговорного процесса, хотя главные проблемы так и остались на поверхности.

Что касается Эгейского комплекса противоречий, то в рассматриваемый период сохраняется «наследие» 1970–1980-х гг. Напряжение турецко-греческих отношений в ходе Кардакского кризиса 1995–1996 гг. близко к началу прямого вооружённого конфликта. Членство Турции и Греции в

НАТО помешало дальнейшей эскалации кризисов в вооружённые конфликты. Характеризуя Эгейский вопрос, можно отметить, что на протяжении 1980-х–1990-х гг. этот комплекс проблем являлся самым опасным с точки зрения вероятности военных действий. В рассматриваемый период комплекс проблем, связанный с Эгейским морем, так и не получил реального решения. Вмешательство третьих сторон, таких как НАТО и США, урегулировали лишь текущие на тот момент кризисы, в частности, Кардакский (1995–1996 гг.), но их причины никуда не исчезли. После 1999 г. Эгейская проблема перешла в латентную фазу и напоминала о себе в связи с нарушениями воздушного пространства над Эгейским морем.

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ, ГРЕЦИИ И КИПРА В НАЧАЛЕ XXI В.

3.1. Новая внешнеполитическая доктрина Турции и её влияние на турецко-греческие отношения в начале XXI в.

В начале XXI в. Турецкая Республика всё активнее стала претендовать на роль регионального лидера и одновременно, используя своё выгодное геополитическое положение на стыке двух континентов, стремилась усилить свой вес на мировой политической арене. Отличительной особенностью внешней политики Турции рассматриваемого периода являлось наличие глубоко проработанной концептуальной основы¹.

В начале XXI в. происходил заметный рост экономики и усиление внешнеполитического влияния Турецкой Республики. Одной из самых крупных международных площадок в этом процессе был Евросоюз². В связи с этим в начале XXI в., как и в предшествующие десятилетия, оставался актуальным вопрос влияния ЕС на турецко-греческие отношения. Более того, это влияние так или иначе усиливалось стремлением Анкары стать полноправным членом ЕС. Этому в немалой степени способствовали решения, принятые на саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г., которые официально рассматривали возможность вступления Турции в ЕС. Важным фактором являлось улучшение отношений между Турцией и Грецией из-за взаимопомощи, которую оказали друг другу оба государства во время разрушительных землетрясений 1999 г.³ Это также способствовало «набиранию очков» Турцией для лояльности со стороны Евросоюза, и, в частности, Греции как его полноправного члена. Теперь казалось, что членство Турции напрямую будет зависеть от её способ-

---

¹ Турция: новая роль в современном мире / под ред. Л.С. Вартазарова, П.В. Стегний. М., 2012. С. 27.

² Гаджиев А.Г. Турция и ЕС: место мусульманской страны в «христианском клубе» / Турция в период правления Партии Справедливости и развития. Сб. статей. М., 2012. С. 178.

³ Aybak T. Foreign Policy in the New Century // Turkish transformation. The Eothen Press, 2002. P. 232.

ности выполнить критерии ЕС в различных областях своей внутренней политики. Эти требования были изложены во Вступительном партнёрском документе, подписанном Турцией и ЕС: консолидация экономических реформ, демократизация, уменьшение присутствия военных в Национальном Совете Безопасности, права курдского меньшинства и улучшение отношений с Грецией, что означало, в первую очередь, урегулирование Кипрского вопроса. Коалиционное правительство, которое пришло к власти в Турции на фоне разочарования от Европы, начало осуществлять политические и экономические реформы для того, чтобы ввести Турцию в орбиту европейской интеграции. Присутствовала публичная поддержка и политическая готовность Турции выполнить основные требования Европейского Сообщества. Неправительственные круги Турции тоже стали играть важную роль в формировании повестки дня для вступления Турции в ЕС. Так, бизнес-ассоциации и гражданские общественные организации всё больше вовлекались в политические процессы, например, «Ассоциация турецких промышленников и бизнесменов»¹. Представитель ЕС в Турции К. Фогг указал, что рост взаимодействия на уровне гражданского общества играет важную роль в сближении Турции и Евросоюза². Однако, не всё было так безоблачно в деле интеграции Турции в ЕС. Политические условия оставались главным препятствием на пути Турции к этой цели. А экономический кризис 2000 г. в Турции ещё более усложнил членство Турции в ЕС.

Итак, после саммита 1999 г. в Хельсинки отношения между Турцией и Грецией стали смягчаться. 20 января 2000 г. министр иностранных дел Греции Г. Папандреу посетил Анкару. Было подписано 4 технических договора, которые разрешали создать рабочие группы, состоящие из военных и дипломатов для выработки военного сотрудничества двух стран. Необходимо напомнить, что подписанные соглашения открывали новые горизонты для сотрудничества стран в экономической, гуманитарной, культурной областях.

---

¹ Aybak T. Foreign Policy in the New Century // Turkish transformation. 2002. P. 233.

² Ibid.

Однако наиболее спорные вопросы, такие как Эгейский вопрос (с целым комплексом составляющих), Кипрская проблема и т.д., так и оставались нерешёнными.

4 февраля 2000 г. последовал ответный визит турецкого министра иностранных дел И. Джема в Афины. Этот визит был первым визитом члена правительства Турции в Грецию за 40 лет. В ходе этой встречи были подписаны 5 соглашений о двустороннем сотрудничестве¹. Хотя эти соглашения носили технический характер, практически все из них способствовали укреплению двустороннего доверия. Секретари обоих министров иностранных дел провели так называемую встречу «разведывательных контактов», во время которой они обсуждали Эгейскую проблему.

Улучшение двусторонних отношений проявилось в ряде событий. Например, премьер-министр Греции в июле 2004 г. был на свадьбе дочери своего турецкого коллеги². Греция начала открыто поддерживать турецкое членство в ЕС. Так, осенью 2004 г. правительство Греции объявило, что не будет настаивать на крайнем сроке решения двусторонних проблем (определённом до 2004 г.), выдвинутых на саммите ЕС в Хельсинки в 1999 г., и что готово продлить переговоры в дальнейшем. 16–17 декабря 2004 г. на саммите ЕС в Брюсселе заявлено, что приветствуется «улучшение в отношениях Турции со своими соседями и готовность последней продолжить работусобеспокоенными странами-членами Евросоюза в отношении решения значительных пограничных споров». Кроме того, заявлялось, что «нерешённые вопросы, влияющие на интеграционные процессы, должны быть направлены в Международный суд юстиции для их решения»³. Ответные меры для улучшения отношений предприняло и турецкое правительство. Теперь Греция больше не

---

¹ Baskin O. Turkish foreign policy 1919-2006. Facts and Analyses with Documents. 2010. P. 925.

² Ibid. P. 926.

³ Celik A.B., Rumelli B. Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts // European Foreign Affairs. 2006. P. 220.

фигурировала среди главных угроз в документе Национальной безопасности Турции¹.

Экономические отношения между Турцией и Грецией в рассматриваемый период, показывали положительную динамику. Для обеспечения двусторонних отношений в этой сфере не последнюю роль сыграл «греко-турецкий совет бизнес-партнёрства»², который возобновил функционирование в сентябре 1999 г. До этого этот орган был закрыт в 1989 г. Внутри этого совета были сформированы специальные группы по взаимодействию между бизнесменами обеих стран. Результатом этого сотрудничества стало появление взаимовыгодных проектов. Так, греко-турецкий товарооборот в 2000 г. вырос более чем в 2 раза и достиг около 1 млрд. долларов (для сравнения: на 1995 г. он составлял чуть более 400 млн. долларов). Кроме того, экспорт продукции из Греции в Турцию по состоянию на 2000 г. возрос почти до 600 млн. долларов, в то время как в 1994 г. этот показатель был равен примерно 169 млн. долларов. Что касается экспорта турецких товаров в Грецию, то по этому показателю за 2003 г. произошло увеличение на 52,8 %, что составило в денежном выражении около 900 млн. долларов. В свою очередь, денежный объём греческих товаров в Турцию соответственно вырос на 36% и насчитывал 425 млн. долларов. В денежном выражении общий оборот торговли между двумя государствами на 2003 г. насчитывал более 1,3 млрд. долларов³.

Как отдельную сферу улучшения взаимного доверия и, по сути, являющейся одной из отраслей экономики можно рассматривать туризм. Данная сфера представляется наиболее актуальной в силу благоприятных природных условий и доли в экономике как Турции, так и Греции. Это сотрудничество закреплено в так называемом «Договоре сотрудничестве», заключённом между туристическими компаниями обеих стран. Сотрудничество между турец-

---

¹ Baskin O. Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents. 2010. P. 926.

² Naoum M. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999–2004: paradigm shift or epiphenomenon... P. 62.

³ Michael Naoum. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999–2004: paradigm shift or epiphenomenon... P. 63.

кими и греческими туроператорами способствовало реализации множества совместных программ и увеличению взаимного турпотока. Так, численность туристов из Греции, отдохнувших в Турции в 2003 г., возросло на 40% по сравнению с аналогичным периодом 2002 г. Кроме того, увеличение числа реализованных туров в Турцию произошло, несмотря на террористические акты в Стамбуле в ноябре 2003 г. Численность граждан Турции, побывавших в Греции с 2001 по 2002 гг., увеличилась более чем на 20%.¹

Таким образом, возросли экономические связи между обоими государствами. Для поддержки этих связей было необходимо развитая транспортная инфраструктура и логистика. Этому способствовала прокладка шоссе Игнатия, протяжённостью более 600 км, соединяющей Чёрное и Адриатическое моря. В январе 2000 г. крупная греко-турецко-американская компания анонсировала проект по строительству газовой электростанции на территории Греции.

Что касается турецко-греческих взаимоотношений в сфере безопасности, то они по понятным причинам касались НАТО. Несмотря на членство обоих государств в этой военной организации, они не один год проводили гонку вооружений. Поэтому, Турция и Греция несли довольно большие военные расходы. Причиной тому, как и было отмечено выше, являлось взаимное недоверие из-за наличия Кипрской и Эгейской проблем². В контексте следования политике улучшения отношений, в начале апреля 2001 г. греческое правительство отменило указ о состоянии войны и военной мобилизации из-за турецкого вторжения на Кипр в 1974 г. Кроме того, Афины отложили на неопределённый срок приобретение 60 современных самолётов-истребителей, было значительно урезано снабжение оружием греческой армии. Тем самым,

---

¹Michael Naoum. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999-2004: paradigm shift or epiphenomenon // Naval postgraduate school. 2004. P. 63

²Mustafa Aydin, Kostas Ifantis Turkish-Greek relations: The security in the Aegean. London, New York, Routledge, 2004. P. 127.

бюджет Греции сэкономил более 4 млрд. долл. В свою очередь, турецкая сторона заявила об отказе от покупки вооружений на сумму 19,5 млрд. долл¹.

3 ноября 2002 г. на выборах в Турции победила умеренно-исламистская партия – Партия справедливости и развития (ПСР). Во главе этой партии стоял бывший мэр Стамбула Реджеп Тайип Эрдоган, получивший пост премьер-министром. Его соратник по партии Абдуллах Гюль стал президентом стран. Внешняя политика Турции, несмотря на умеренно-исламистскую сущность ПСР, стала всё больше ориентироваться на Евросоюз. Таким образом, правительство Р.Т. Эрдогана не убрало из повестки дня стремление к интеграции в ЕС, оно стремилось к развитию отношений с США и Западом в целом. В отличие от своего «наставника» Н. Эрбакана, он не принял идею об общем рынке мусульманских стран. Об этой позиции новый турецкий премьер-министр отчётливо заявил в январе 2004 г. на экономическом форуме в Саудовской Аравии, дав понять, что он против этнических и религиозных ориентиров как основы для экономического взаимодействия государства. Таким образом, правительство Р.Т. Эрдогана сделало ставку на проведение разновекторной внешней политики. Во внутренней политике была запланирована реализация реформ для выхода из экономического кризиса². Бывший премьер-министр Греции Г. Папандреу, комментируя приход к власти в Турции ПСР, заявил: «Греция увидела новое турецкое правительство с исламскими корнями, как возможный прототип расширения исламского мира»³. Через две недели после выборов Р.Т. Эрдоган совершил свой первый, хотя и не официальный, визит в Грецию как лидер правящей партии Турции. В ходе этого визита Р.Т. Эрдоган встретился с являющимся тогда греческим премьер-министром К. Симитисом. На пресс-конференции, проходившей после встречи, К. Симитис подчеркнул необходимость продолжения позитивной

---

¹ Naoum M. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999–2004: paradigm shift or epiphenomenon ... P. 67.

² Иванова И.И. Основные направления внешней политики Партии Справедливости и Развития // Турция накануне и после парламентских выборов. М., 2008. С. 169.

³ Davut Hasan Aslan. Turkey's Foreign Policy of the Justice and Development Party Governments (2002–2011). Warsaw, June 2012. P. 178.

линии в последовательном улучшении отношений между обоими государствами. К. Симитис объявил о своём стремлении активизировать деятельность общей комиссии по изучению Эгейского вопроса, подчёркивая, в то же время, наличие разногласий между сторонами. К. Симитис упомянул и Кипрский вопрос как тему, которая непрерывно затрагивала турецко-греческие отношения, и необходимость решить эту проблему в соответствии с международным правом. Кроме того, греческий премьер-министр подчеркнул поддержку Грецией стремления Турции в ЕС при условии решения континентальных проблем между обоими государствами и соответствия Турции копенгагенским критериям. Что касается Р.Т. Эрдогана, то он поблагодарил и просил греческую сторону отставить историю проблем между государствами в прошлом.

В 2003 г. министр иностранных дел Турции Абдуллах Гюль запланировал официальный визит в Афины, детали которого были обсуждены обеими сторонами в рамках предыдущей встречи 2002 г. Важно отметить, что такие темы как сближение Турции с ЕС, Кипрский вопрос и проблема нарушения национального воздушного пространства Греции турецкими военными самолётами вошли в повестку дня. В рамках визита главы турецкого МИД министр финансов Турции, глава турецкого Центрального Банка, и президенты турецкой и греческой Счётных палат встретились с министром иностранных дел Греции, греческим министром финансов и национальной экономики, главой Центрального банка для обсуждения экономической ситуации и новых путей развития сотрудничества по обе стороны Эгейского моря.

Следующая встреча на высшем уровне состоялась после того как Р.Т. Эрдоган объявил о своём визите в Грецию в качестве премьер-министра 6–8 мая 2004 г. Р.Т. Эрдоган стал первым за 16 лет турецким премьер-министром, посетившим Грецию¹. Этот визит указывал на намерение правительства ПСР достичь консенсуса по болезненным проблемам, а также перед

---

¹ Davut Hasan Aslan. Turkey's Foreign Policy of the Justice and Development Party Governments (2002–2011). Warsaw, June 2012. P. 180.

предстоящим кипрским референдумом, где стороны должны были определить будущее острова. На этой встрече оба премьер-министра обсудили перспективы развития турецко-греческого диалога. Во время визита Р.Т. Эрдоган посетил Западную Фракию и вместе с местными властями осмотрел этот регион. В 2007 г. этот же регион, в частности столицу Западной Фракии г. Комотины, в рамках своего официального визита в Грецию посетил и министр иностранных дел Турции Али Бабаджан.

В 2008 г. Костас Караманлис стал первым премьер-министром Греции, посетившим Турцию с официальным визитом за последние 49 лет. Греческий и турецкий премьеры провели встречу, которая вместо планировавшейся получасовой затянулась на полтора часа. Между делегациями были обсуждены вопросы экономики, культуры, статуса Эгейского моря, Кипра, греческого меньшинства в Стамбуле и вопросов членства Турции в ЕС. Во время пресс-конференции, Р.Т. Эрдоган подчеркнул исторический характер визита и выразил надежду на превращение Эгейского моря в «море мира»¹.

Довольно миролюбивая внешняя политика Турции позже была сформулирована в так называемом принципе «ноль проблем с соседями». Основным идеологом этой концепции стал возглавивший 1 мая 2009 г. Министерство иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу. Его идеи о роли Турции на международной арене вошли в ряд написанных им книг и статей. Самым известным его трудом и теоретическим обоснованием нового внешнеполитического курса Турции, является работа «Стратегическая глубина: международное положение Турции»². В ней автор пытается найти баланс между традиционным для Турции евразийством, иными словами, «османизмом», и адаптированными к региональным реалиям подходами, характерными для западных политических кругов. Стержневая идея в концепции А. Давутоглу заключалась в утверждении роли Турции в качестве регионального лидера и повышение влияния Турции в мире с учётом выгодного геостратегического положения.

---

¹ Davut Hasan Aslan. Turkey's Foreign Policy of the Justice and Development Party Governments (2002–2011). Warsaw, 2012. P. 181.

² Davutoglu Ahmet Stratejik Direnlik: Turkiye'nin Uluslarasi Konumu. Istanbul, 2001. P. 173.

По мнению А. Давутоглу, Турция нуждалась в улучшении отношений со всеми соседними государствами, отхода от убеждения, что она постоянно окружена врагами, что и сформировало в ней «оборонительный рефлекс»¹. Главная цель этой внешнеполитической доктрины – сформировать линию стабильности вокруг Турции. Непосредственно связанная с другими принципами внешней политики концепция «ноль проблем с соседями» базировалась на шести принципах: 1) равная безопасность для всех; 2) экономическая интеграция; 3) сосуществование различных культур и уважение друг друга; 4) высокий уровень политического сотрудничества; 5) понимание взаимосвязи между безопасностью, стабильностью и развитием². Кроме того, повышение влияния Турции в регионе должно было произойти посредством экономической и культурной привлекательности для соседних стран³. Иными словами, речь шла о «мягкой силе». Наглядной демонстрацией амбициозных планов А. Давутоглу стало его заявление в январе 2011 г. о том, что с 2023 г. Турция станет одной из величайших экономических держав, играющей не только региональную, но и глобальную роль⁴. Таким образом, правящие круги Турции заявили о своём стремлении изменить не только направление внешней политики, но и повысить международный престиж своей страны. Справедливости ради стоит отметить, что амбиции нового турецкого руководства не были безосновательными. На тот момент Турция уже являлась членом G-20. Кроме того, темпы роста ее экономики были значительны. Турецкая Республика находилась на 6-м месте в Европе и 15-м в мире по этому показателю⁵. В самой Турции внешняя политика нового руководства страны в лице команды

---

¹ Murat Yesiltas, Ali Balci. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map // SAM Papers. Center for strategic research. Ankara, May 2013, No. 7. P. 14.

² Murat Yesiltas, Ali Balci. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map // SAM Papers. Centrforsstrategicresearch. Ankara, May 2013, No. 7. P. 15.

³ Турция: новая роль в современном мире / под ред. Л.С. Вартазарова, П.В. Стегний. М., 2012. С. 28.

⁴ Turbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans: Ambitions and Obstacles // Insight Turkey. Vol. 13, No 3. P. 139–158.

⁵ Маврина Ю.В. Активизация внешней политики Турецкой Республики в XXI в. // Новый век глазами молодых. Саратов, 2013. Вып. 11. С. 45.

Р.Т. Эрдогана воспринималась как активная и более независимая от курса США и НАТО. По мнению М. Йешильташа и А. Балджи, концепция А. Давутоглу стала одной из самых спорных среди принципов турецкой внешней политики периода правления ПСР. Доктрина помогает решать ряд существующих проблем с соседями, однако критики этой концепции полагают, что решение проблем с одной страной может привести к проблемам с другой и, следовательно, эта политика не является реалистичной в отношении ко всем государствам¹. Например, ухудшение отношений с Азербайджаном после начала нормализации с Арменией, непростые взаимоотношения с Израилем и европейскими государствами после развития контактов с Сирией и Ираном, разрыв отношений с Сирией после дестабилизации на Ближнем Востоке².

Итак, Турция избрала для себя компромиссную внешнеполитическую доктрину – «ноль проблем с соседями». Эта доктрина теоретически распространялась также на взаимоотношения со старым соперником – Грецией. 14 мая 2010 г. состоялся второй визит премьер-министра Р.Т. Эрдогана в столицу Греции. Р.Т. Эрдоган стал первым премьер-министром Турции, дважды посетившим Грецию на официальном уровне. Во время пребывания турецкой делегации, в составе которой находилось десять министров и более трёхсот бизнесменов, переговоры были посвящены взаимной торговле, сокращению вооружений и экономическому кризису. Во время двухнедельных переговоров в Афинах представители государственного аппарата и бизнес-сообщества Турции открыто делились собственным опытом по нейтрализации последствий мирового финансового кризиса и изложили коллегам из соседней страны свои рекомендации. Р.Т. Эрдоган заявил о том, что Греция может рассчитывать на содействие Турции для выхода из экономического кризиса,

---

¹ Tisdall S. Turkey's Zero Problems Policy is a Flop // The Gurdian, 2010. 21 June.

² Yesiltas M., Balci A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map // SAM Papers. Centrf for strategic research. Ankara, May 2013, No. 7. P. 15.

из-за которого вынуждена была обратиться за помощью к ЕС¹. Р.Т. Эрдоган также отметил: «Экономика некоторых государств испытала на себе значительный ущерб от кризиса. Я заявлял, что Турецкую Республику этот экономический кризис не затронул потому, что мы проводили разумную политику в банковском секторе и использовали положительный опыт преодоления экономических трудностей своей страны в прошлом»². Он добавил, что теперь Турция и Греция будут строить долгосрочные партнёрские отношения. Значительным шагом на этом пути явилась отмена визового режима для дипломатов обоих государств. Р.Т. Эрдоган и его греческий коллега Г. Папандреу подписали соглашение об увеличении объёмов двусторонней торговли до 5 млрд. евро в год³. Также в ходе визита турецкой делегации в Афинах состоялось первое заседание турецко-греческого Совета сотрудничества на высшем уровне. Греческий премьер-министр Г. Папандреу заявил, что это заседание явилось первым этапом в улучшении двусторонних отношений, отметив наличие политической воли для перехода от «стадии сближения» к «партнёрству» и подчеркнув особую роль институтов гражданского общества обоих государств в достижении данной цели. Главным позитивным изменением, по мнению Г. Папандреу, было то, что Турция теперь не воспринимала Грецию в качестве врага и что одной из важнейших площадок для сотрудничества и добрососедства является общее членство в НАТО. Президент Греции К. Папульяс, принимая в президентском дворце Р.Т. Эрдогана, выразил надежду на то, что визит турецкого премьера приведёт к положительным результатам для обеспечения взаимного доверия между соседними государствами.

Характерно, что в отличие от переговоров 1999 г., стороны обсудили как Кипрскую, так и Эгейскую проблемы. Касаясь Кипрского вопроса,

---

¹ Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию // Институт Ближнего Востока. 17 мая 2010 г. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

² Там же.

³ Kerides D., Triantaphyllou. Greek-Turkish Relations in the Era of Globalization. Cambridge, 2001. P. 85.

Р.Т. Эрдоган заявил о необходимости объединения усилий для урегулирования этой важнейшей проблемы в двусторонних отношениях. Что касается комплекса разногласий вокруг вод и островов Эгейского моря, Р.Т. Эрдоган подчеркнул, что это море следует рассматривать в качестве объединяющего фактора между Турцией и Грецией, поэтому оно должно стать «морем мира»¹. В контексте турецко-греческих экономических отношений можно упомянуть о двустороннем соглашении по прокладке газопровода «ITGI» (Турция–Греция–Италия). Согласно данному договору предполагалась транспортировка газа из Среднего Востока и Каспийского моря в европейские страны. Учитывая ранние соглашения, «ITGI» планировалось сделать продолжением газопровода Баку–Тбилиси–Эрзурум (официально открыт 25 марта 2007 г.).

Таким образом, во время посещения Афин турецкой делегацией, между различными ведомствами обоих государств состоялось подписание 22 соглашений. Среди этих договорённостей были:

1. Соглашение о формировании турецко-греческого Совета сотрудничества на высшем уровне.
2. Свободное пересечение границы в районе Пазаркуле (Турция) – Кастаниес (Греция) гражданам обоих государств.
3. Соглашение об экономическом сотрудничестве и поддержке частных предприятий обоих государств.
4. Соглашение о сотрудничестве в области науки и образования.
5. Соглашение о взаимодействии по проблемам незаконной миграции, беженцев, организованной преступности и т.д. (подобное тому, что было подписано в 1999 г. – прим. автора).
6. Об отмене визового режима для дипломатов из Греции и Турции.
7. Продолжение сотрудничества в культурной и туристической сферах.

---

¹ Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

8. Соглашение о сотрудничестве между турецкими и греческими СМИ и т.д.¹.

Отношения между обоими государствами стали развиваться в позитивном ключе, хотя невозможно было решить все разногласия одновременно. Президент Турции А. Гюль подчеркнул, что процесс открытия воздушных и морских портов Турции для Республики Кипр должен происходить при условии параллельного установления прямых торговых отношений греческой части острова с ТРСК².

Нельзя не упомянуть позицию архитектора внешней политики Турции начала XXI в., министра иностранных дел А. Давутоглу. Касаясь отношений с Грецией, А. Давутоглу заявил, что руководство Турции разрабатывало так называемую «атмосферу психологических перемен во взаимоотношениях с западным соседом». По его словам, стремление Анкары заключалась не только в снижении степени напряжённости к минимуму, но и в увеличении сфер взаимного и конструктивного сотрудничества³. Таким образом, по мнению главы турецкого МИД, налицо стремление его страны к экономической интеграции с Грецией. В своей работе «Стратегическая глубина: Международное положение Турции», А. Давутоглю коснулся как Эгейского, так и Кипрского вопросов. Он указывал на то, что обе эти проблемы следует рассматривать в стратегическом единстве в силу того, что Эгейское море открывает черноморским государствам выход для торговых связей с государствами трёх континентов, поэтому в стабильности этого региона заинтересованы не только Турции и Греция. Кроме того, это море, по сути, является переходным, так как соединяет Балканы и Анатолийский полуостров, а следовательно, Европу с Ближним Востоком. Налицо тот факт, что многочисленные острова, а значит и само Эгейское море, по сути, находится в руках Греции. Из-

---

¹ Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

² Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

³ Davutoglu A. Stratejik Direnlik: Turkiye'nin Uluslarasi Konumu. Istanbul, 2016. P. 232.

вестно, что общая площадь Эгейских островов составляет 23 тыс. кв. км. или 10% от размеров морской зоны¹. Таким образом, отмечает А. Давутоглу, нынешнее status quo беспокоит Турцию по геополитическим и геологическим мотивам. Он подтвердил мнение своих предшественников о том, что острова Эгейского моря являются естественным продолжением геологического строения Анатолийского полуострова, что значительная часть греческих островов расположена на «расстоянии брошенного камня», то есть достаточно близка для того, чтобы использовать эти острова для военных действий против Турции. Кроме того, водные коридоры, обеспечивающие переход кораблей Турции из Мраморного в Средиземное, окружены этими островами. Эти обстоятельства являются проблемой безопасности для Турции. Турецкий министр иностранных дел дал негативную оценку стремлений Греции расширить свои территориальные воды². По его мнению, даже при существующем порядке 6-мильной зоны территориальных вод, Турции принадлежит только 8,8% от Эгейского моря. Таким образом, в случае реализации Грецией стремлений по расширению своих территориальных вод до 12 миль турецкие корабли фактически не смогут войти в Эгейское море без разрешения Афин. Для Турции этот вопрос имеет особо важное значение, поскольку около 88% внешней торговли Турецкой Республики обеспечивается морской транспорт³.

За несколько дней до визита турецкой делегации во главе с Р.Т. Эрдоганом в Афины, свой взгляд на турецко-греческие отношения изложил глава турецкой делегации на переговорах с ЕС государственный министр Эгемен Багыш. В своём интервью греческой газете «TaNea» он отметил, что гонка вооружений нанесла значительный урон экономике и являлась одной из основных причин экономического кризиса в Греции. Поэтому необходимость сокращения вооружений очевидна для обоих государств. Э. Багыш также

---

¹ Davutoglu A. Stratejik derinlik: Turkiyenin uluslarasi komunu. Istanbul, 2016. P. 170.

² Davutoglu A. Stratejik derinlik: Turkiyenin uluslarasi komunu. Istanbul, 2016. P. 170.

³ Davutoglu A. Stratejik derinlik: Turkiyenin uluslarasi komunu. Istanbul, 2016. P. 172.

коснулся вопросов положения турецкого населения Западной Фракии и греческой патриархии в Стамбуле¹.

12 сентября 2010 г. в Турции прошёл референдум по вопросу поправок к Конституции в контексте приведения последней к стандартам Европейского Союза. Эти поправки соответствовали концепции А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» и были направлены к дальнейшему сближению Турции с ЕС. В соответствии с этими поправками, из списка потенциальных врагов Турции были вычеркнуты Армения, Грузия, Иран, Сирия, Болгария, Греция и Россия. Что касается Греции, то Анкара сохранила свою позицию в отношении стремлений первой расширить свои территориальные воды². Со своей стороны, политическая элита Греции, как и ЕС, положительно оценила итоги референдума в Турции. В ПАСОК процесс сближения Турции и ЕС связывали с повышением вероятности урегулирования Кипрского вопроса. Эта позиция отразилась в проправительственных СМИ, в то время как оппозиция Греции выступила с критикой А. Папандреу и его партии в вопросе положительных ожиданий от турецкого референдума³. По одной из версий, эта критика со стороны греческой оппозиции была обусловлена её незаинтересованностью в укреплении внутривнутриполитических позиций А. Папандреу за счёт вероятности решения Кипрского вопроса. Естественно, А. Папандреу, с помощью раздувания «позитивных ожиданий» во внешней политике пытался набрать политические очки внутри страны в условиях экономического кризиса.

Попытки Турции и Греции снизить остроту исторических противоречий продолжились и в 2011 г. Так, 10 марта 2011 г. в своей статье, опубликованной на страницах греческой газеты «Катемерини», теоретик новой внешней политики Турции А. Давутоглу предложил отказаться от ряда устоявшихся стереотипов во взаимном восприятии. О стереотипах, которые создают пре-

---

¹ Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

² Исайченко Ю. Референдум 2010 и его влияние на внешнюю политику Анкары // Турция после референдума 2010 года. М., 2011. С. 63.

³ Закурова Ю. Референдум и внутренняя политика ПСР в греческих СМИ // Турция после референдума 2010 года. М., 2011. С. 54.

пятствия на пути развития турецко-греческих отношений, он сказал: «В силу того, что Турция и Греция являются форпостами между Востоком и Западом, граница между обоими государствами представляет собой разделительную линию между Востоком и Западом»¹. По мнению И.А. Свистуновой, этот подход исходит от идей ориенталистов, упускавших тот факт, что Османская империя во многом вобрала в себя византийскую цивилизацию².

А. Давутоглу также определил основы новой парадигмы турецко-греческих отношений:

– общее понимание истории ради будущего. Указывалась необходимость в концепции общей истории для обоих народов, так как невозможно понять историю Османской империи, обойдя стороной историю более древней Византийской империи. Именно от последней Турция унаследовала полиэтническое общество, говорившее на различных языках. К этому же относится и понимание межконфессионального диалога не только в региональном, но и в глобальном масштабе;

– новое понимание «соседства». Для того чтобы преодолеть неприятные воспоминания времён греко-турецкой войны, которые всё ещё имеют место в исторической памяти обоих народов, необходимо мобилизовать все интеллектуальные ресурсы. В связи с этим следует поощрять развитие контактов между обоими государствами на различных уровнях;

– урегулирование нерешённых проблем в Эгейском море. Для решения различных вопросов необходимо использовать только мирные средства;

– выработка совместных инициатив в рамках ЕС, Средиземноморского союза, Организации черноморского экономического сотрудничества³.

Однако нельзя отметить, что в начале XXI в. в турецко-греческих отношениях было всё безоблачно. 16 февраля 2012 г. после встречи с генераль-

---

¹ Davutoglu A. Stratejik Direnlik: Turkiye'nin Uluslarasi Konumu. Istanbul, 2001. P. 183.

² Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции с Грецией // Институт Ближнего Востока. 6 апреля 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12435> (дата обращения: 20.05.2015).

³ Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции с Грецией // Институт Ближнего Востока. 6 апреля 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12435> (дата обращения: 20.05.2015).

ным секретарём НАТО Андерсом Фог Расмуссенем, министр иностранных дел Греции С. Димас сделал заявление, в котором подчеркнул, что Турция как член НАТО нарушала свои союзнические обязательства перед Грецией. В тоже время, членство Греции в НАТО не помогало решению вопросов между Турцией и Грецией. С. Димас отметил, что «нельзя игнорировать большие вызовы, с которыми сталкивается Греция на национальном уровне, и на которые, к сожалению, наше членство в альянсе не дало ответа». С. Димас указал на конкретные проблемы, остающиеся в повестке дня в двусторонних отношениях. Так, он отметил деструктивную политику властей Турции относительно размежевания в Эгейском море. С. Димас заявил о том, что снова имели место полёты турецких ВВС над греческими островами, что означало прямое нарушение воздушного пространства суверенного государства¹.

11 апреля 2016 г. министр обороны Греции Панос Камменос вместе с руководителем генштаба отправились на остров Ардыччик, относившийся к турецкому илу (региону) Мугла и сказал: «Эгейское море – греческое море. Мы не хотим воевать, но мы ни на сантиметр не отступим от наших прав». Ещё ранее П. Каменос заявил по телевидению: «Пусть приедут на Кардак, посмотрим, как они уедут отсюда. Вооружённые силы Греции готовы к любым ситуациям»². Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу ответил на это заявление: «Греки лучше всех знают, что могут сделать турецкие военные, если потребуется. Пусть они доходчиво объяснят этому избалованному ребёнку и не испытывают наше терпение»³. Можно отметить, что военные круги Турции были настроены не менее решительно.

Во время попытки государственного переворота в Турции 15 июля 2016 г., греческая армия была приведена в состояние полной боевой готовности. Кроме того, власти Греции до сих пор не выдали турецкой стороне 8 во-

---

¹ Заграбян Р. Турецко-греческие противоречия вновь обостряются. 22.02.2012 // Азат Арцах. 7 марта 2012. URL: <http://www.artsakhtert.com/rus/politics/item/6> (дата обращения: 20.04.2016).

² Гюнгер Менги. Сирийский и Эгейский вопросы // Иносми.ру. 03.03.2017. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170304/238824005.html> (дата обращения: 02.04.2017).

³ Там же.

еннослужащих, учувствовавших в путче, и попросивших политического убежища у Афин.

30 сентября 2016 г., выступая перед главами сельских администраций в Анкаре, Р.Т. Эрдоган раскритиковал Лозаннский мирный договор 1923 г., в соответствии с которым были определены границы современной Турецкой Республики. Он заявил: «Они [противники Османской империи в Первой мировой войне – К.К.] принудили нас подписать Севрский договор 1920 г. и уговорили подписать Лозаннский договор в 1923 г. В Лозанне мы отдали Греции острова в Эгейском море, крик с которых слышен на нашем берегу. Там есть наши мечети и наши святыни. Мы до сих пор боремся за шельф. Эти проблемы возникли из-за тех, кто сидел за столом в Лозанне и не смог защитить наши права»¹. Это заявление Р.Т. Эрдогана встретило негативную реакцию в Греции. Министерство иностранных дел Греции расценило слова президента Турции как стремление поставить под сомнение границы между двумя государствами. Афины выступили со специальным заявлением, в котором потребовали от турецкой стороны уважать условия Лозаннского мирного договора 1923 г.

3 февраля 2017 г. нерешённый комплекс вопросов, связанный с пограничным Эгейским морем, снова проявил себя. В этот день Турция осудила высадку греческих спецназовцев на о. Кос, аргументируя это тем, что это нарушает договор 1947 г., запрещающий проведение учений на данном острове. Официальный представитель МИД Турции Хусейн Муфтуоглу заявил: «Мы призываем нашу страну – соседа Грецию воздержаться от односторонних акций, которые могут вызвать напряжённость и идут вразрез с международным правом»². Греческая сторона заявила о своём отказе приостанавливать учения. Кроме того, министр иностранных дел Греции Н. Кодзиас за-

---

¹ Тарасов С. Турция хочет пересмотреть границы: Эрдоган ругает Ататюрка и Лозаннский договор // Regnum. Информационное агентство. 30 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2186919.html> (дата обращения: 02.04.2017).

² Турция обвинила Грецию в провокациях в Эгейском море // Новости Express. 3 февраля 2017. URL: <http://smiexpress.ru/news/politics/-54531-turciya-obvinila-greciyu-v-provokaciyah-v-egejskom-more/> (дата обращения: 28.06.2017).

явил, что «нервозность» Анкары не способствовала позитивным изменениям в двусторонних отношениях¹.

Вслед за военными учениями на о. Кос 4 февраля 2017 г. армия Греции вновь была приведена в состояние полной боевой готовности. Причиной этим действиям греческих военных послужило очередное нарушение воздушного пространства страны турецкими военными самолётами 1 февраля 2017 г. По словам источника, это была проверка боеспособности греческой армии в ответ на провокационные действия Турции².

28 апреля 2017 г. Министерство иностранных дел Греции осудило высказывания турецкого министра по европейским делам Омера Челика, который в своём выступлении, раскритиковав факт посещения острова Агатониси 25 апреля 2017 г. министром национальной обороны Греции Паносом Каменосом, поставил под сомнение юрисдикцию Греции над этим островом. По его словам, «Агатониси принадлежит Турции. Это турецкая земля. То, что сделал Каменос, не серьёзно»³. Кроме того, по словам министра обороны Турции Фикри Ишика, Анкара не будет идти на поводу у Афин, реагируя на «шоу» с участием П. Каменоса. Ф. Ишик добавил, что «визит на остров его греческого коллеги является “провокацией” и добавил, что его страна не согласна со ”statusquo”, о чём известно и П. Каменосу»⁴. В ответ МИД Греции заявило: «Мы однозначно осуждаем политику Турции, которая делает провокационные заявления, тем самым ставя под сомнение признанные международным сообществом границы, сложившиеся исторически и гарантирован-

---

¹ Турция обвинила Грецию в провокациях в Эгейском море // Новости Express. 3 февраля 2017. URL: <http://smiexpress.ru/news/politics/-54531-turciya-obvinila-greciyu-v-provokacijah-v-egejskom-more/> (дата обращения: 28.06.2017).

² Греческая армия приведена в полную боевую готовность. // Новости Украины и всего мира. 4 февраля 2017 г. URL: <https://allnews.com.ua/43863-grecheskaya> (дата обращения: 05.04.2017).

³ Мельник Г. МИД Греции о политике Турции по пересмотру границ // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21062-mid-gretsii-o-politike-turtsii-po-peresmotru-granits.html> (дата обращения: 28.04.2017).

⁴ Онойко П. В Турции назвали «шоу» визит греческого министра на спорный остров // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21010-v-turtsii-nazvali-shou-vizit-grecheskogo-ministra-na-spornyj-ostrov.html> (дата обращения: 28.04.2017).

ные международным правом. Мы обращаемся в международное сообщество и в ООН в связи с продолжающимися попытками пересмотра границ и опасным поведением Турции»¹.

Таким образом, несмотря на улучшение отношений между Турцией и Грецией, старые разногласия никуда не исчезли. Своего рода «болезнью» продолжало оставаться нарушение воздушного пространства Греции со стороны турецкой военной авиации. Однако, по сравнению с предшествующими десятилетиями, эти разногласия имели, скорее всего, завуалированный характер на фоне общего улучшения турецко-греческих отношений. Вообще, можно отметить, что в 2000-е гг. произошли заметные сдвиги в двусторонних отношениях в положительную сторону, в частности, увеличение контактов между обоими правительствами. Этому способствовала так называемая политика «ноль проблем с соседями» министра иностранных дел Турции А. Давутоглу. Эта концепция так называемой «мягкой силы» имела в себе скрытое «имперское» содержание. Только вместо открытой агрессии, для усиления влияния Турции на её соседей, демонстрировала «мирный» характер внешней политики. Таким образом, суть целей внешней политики Турции осталась без изменений, а изменились средства реализации. Например, позиция А. Давутоглу по Эгейскому региону полностью соответствовала позиции его предшественников. С другой стороны, обострение отношений с восточным соседом было ещё более не выгодно Греции, экономика которой была ослаблена затяжным экономическим кризисом. Не стоит умалчивать и позицию третьих сторон: США, НАТО, ЕС и т.д. Например, острые противоречия между обоими членами Альянса подрывали бы престиж и влияние этого военного блока. Кроме того, географическое положение обоих государств также способствовало повышенному вниманию третьих сторон к двусторонним отношениям. Если Грецию можно назвать окраиной Европы, то в силу её соседства с Турцией – это утверждение не совсем правильно, поскольку обще-

---

¹ Мельник Г. МИД Греции о политике Турции по пересмотру границ // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21062-mid-gretsii-o-politike-turtsii-po-peresmotru-granits.html> (дата обращения: 28.04.2017).

принято считать именно Турцию форпостом между Европой и Азией. Иными словами, это государство имеет важнейшее геополитическое значение в силу её соседства с Балканами, Кавказом, Ближним и Средним (Иран) Востоком. Что касается членства в НАТО, то турецкая армия по численности и боеспособности являлась второй после вооружённых сил США. Поэтому, в случае эскалации конфликта между Турцией и Грецией и перехода его в реальную-вооружённую плоскость, что имело бы катастрофические последствия для всего Средиземноморского региона.

3.2. Кипрский вопрос в начале XXI в. Попытки решения проблемы разделённого острова

Кипрский вопрос в рассматриваемый период характеризовался высокой степенью вовлеченности третьих сторон в лице не только отдельных государств, но и международных организаций, таких как ООН. 12 сентября 2000 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан дал ясно понять в своём заявлении, что «обе стороны выражают общее стремление участвовать в переговорах, в которых каждый представляет свою сторону и нет никого, кто не был бы равен другому»¹.

Как и в предыдущие десятилетия, в начале XXI в. правительство Турции оказывало заметное влияние на политику Турецкой Республики Северного Кипра. Турция продолжала играть заметную роль в так называемой «европеизации» и «интернационализации» (прим. автора) Кипрского вопроса. Изучая отношения между Турцией и ТРСК, можно констатировать очевидную зависимость правительства последней от Анкары. Таким образом, период начала XXI в. нельзя отличить от 1980–1990-х гг. в этом отношении. Естественно, экономическая зависимость ТРСК от «старшего брата» трансформировалась и на политические аспекты непризнанного государства. Можно сказать, что вся внешняя политика ТРСК сводилась только к отношениям с Турцией, так,

---

¹ Stephen M. The Cyprus Question. London, 2001. P. 101.

как только она признала молодое государство турок Кипра. В связи с вышесказанным, 10 сентября 2001 г. премьер-министр Турции Б. Эджевит открыто заявил о консультациях Р. Денкташас правительством Турции для принятия ключевых решений. Например, это касалось вопроса о приглашении Генерального секретаря ООН на посещение переговоров между турками-киприотами и греками-киприотами. Проконсультировавшись с Анкарой, Р. Денкташ отказался от приглашения Генерального секретаря ООН Кофи Аннана встретиться 12 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, несмотря на позитивные заявления К. Аннана и комиссара ЕС по расширению главной европейской организации (ЕС) Гюнтера Верхойгена.

Учитывая многие факторы, очевидно, что политического равенства на переговорах было недостаточно. ООН приняла требование греков-киприотов представлять правительство Кипра, и тем самым выразило свою реальную позицию в турецко-греческих противоречиях на Кипре. Михаэль Стефен считал, что данная позиция ООН создавала роковой дисбаланс, вредивший переговорному процессу и урегулированию в целом. В то время Турция поддержала отказ Р. Денкташа от этих переговоров¹.

Отказ Р. Денкташа от переговоров вызвал критику со стороны двух партий ТРСК, под руководством Мехмета Али Талата и Мустафы Акинджи. Они выступали за проведение переговоров по Кипрскому вопросу. С не меньшей критикой выступили турецкие газеты. Например, турецкий журналист Седат Сертоглу в газете «Сабах» 9 сентября 2001 г. написал: «Каким видом кипрской политики вы это называете? Все знают, что мы играем, чтобы проиграть. Эта политика приносит нам только ад и головную боль»². 11 сентября 2001 г. бывший министр иностранных дел Турции Мурат Караялчин в своём интервью турецкой газете «Йени Шафак» отметил, что не поддерживает уклонение Р. Денкташа от переговорного процесса³.

---

¹ Embracing Cyprus the path to unity in then new Europe. L.; N.Y., 2003. P. 130.

² Ibid. P. 131.

³ Cakmak Gizem. Greek-Turkish Relations in the post Helsinki Period: Is Europe a framework providing détente? P. 14. URL: <https://ru.scribd.com/document> (дата обращения: 21.05.2016).

По мнению того же М. Стефена, если бы соглашение по конфедеративному устройству Кипра было бы достигнуто, стало бы опасно иметь любые конфедеративные суды. Учитывая склонность греков-киприотов судиться, их правительство будет поощрять своих граждан (в том числе и турок-киприотов) составлять бесчисленные акты, которые могли бы изменить права и обязанности обеих общин острова, установленных в соответствии с договором по урегулированию. Толкование конфедеративных законов должно осуществляться только судами турок-киприотов и наоборот. В случаях, если суды считают необходимым рассматривать существенные вопросы, которые нуждаются в решении, они должны решаться на основе переговоров обеих общин конфедерации, но не избираемыми судьями¹. Все эти вопросы должны быть включены в Европейскую конвенцию по правам человека.

Переговоры между турками и греками Кипра проходили очень долго – более 25 лет и стороны не пришли к какому-либо определённом решению. Не были ясны политические границы отношений между двумя общинами, долгое время проживающими не просто отдельно друг от друга, но и в разных государствах. Так, правительство ТРСК решило прекратить непрямые переговоры в рамках ООН в ноябре 2000 г. Это решение было принято после 11 месяцев переговоров, когда для общественности и правительства ТРСК стало очевидно, что без изменений на международной арене греческая часть Кипра не согласится подписать те условия договора, которые бы турок-киприотов устраивали². По мнению Михаэля Стефена, существовали две причины сложности разрешения проблемы. Первая заключалась в поощрении Великобританией и США мирового сообщества в представлениях о том, что правительство греческого Кипра являлось единым правительством всего острова, несмотря на признание Великобританией того факта, что кипрским правительством может считаться то, которое действует согласно интересам

---

¹ Stephen M. The Cyprus Question. London, 2001. P. 101.

² Stephen M. The Cyprus Question. London, 2001. P. 7.

как греческого, и турецкого населения¹. Греки-киприоты предлагали туркам-киприотам вернуться на условия решения проблемы по состоянию на 1967 год, но на условиях, которые последние не были готовы принять. Греческая сторона находилась в более выигрышном положении, как в политической, так и экономической сферах, т.к. международное сообщество признавало правительство Южного Кипра. В отношении непризнанного Северного Кипра было введено экономическое эмбарго, что ставило турок-киприотов в прямую политическую и экономическую зависимость от Турции. Поэтому позиция Турции играла ключевую роль и во внешней политике ТРСК.

Вторая причина сложности решения Кипрского вопроса заключалась в том, что Кипр (греческий) стал членом ЕС в 2004 г. и турки указывали на то, что это членство греческая сторона не упустит для использования его как инструмента против интересов ТРСК. Правящие круги Турции объясняли своё отрицательное отношение к интеграции Республики Кипр в ЕС тем, что вступление в Евросоюз осуществилось без участия населения ТРСК как полноправной части острова. С точки зрения истеблишмента Турции, вступление в ЕС греческой части острова не должно было состояться без участия турецкой. Учитывая то, что Республика Кипр стала членом ЕС без политического урегулирования с ТРСК, греки обоих государств могут заблокировать вопрос о членстве Анкары в европейском сообществе. Таким образом, Греция и Республика Кипр могут негативно влиять на взаимоотношения между ЕС и сильным региональным государством с 70-ти миллионным населением. В связи с этим в апреле 2001 г. президент Турецкой Республики Северного Кипра Р. Денкташотправил письмо Генеральному секретарю ООН: «ЕС должен быть осведомлён по поводу ущерба, нанесённого перспективе урегулирования на острове рассмотрением односторонней и незаконной заявки, внесённой администрацией Кипра (греческого) для вступления в ЕС. Наши неоднократные усилия и заявления, адресованные как в ЕС, так и отдельным государствам-членам организации, понять и оценить возможные последствия

---

¹ Ibid. P. 101.

этой односторонней политики, к сожалению, были проигнорированы. Не говоря уже о том, что ЕС теперь налаживает отношения с греческой кипрской администрацией в контексте политики Общей безопасности и обороны. Если греческо-кипрская сторона достигнет успеха в этом сотрудничестве с ЕС, это отразится на политическом и военном аспектах Кипрского вопроса в ущерб турецко-кипрской части острова»¹.

Таким образом, можно отметить, что политический, экономический и правовой перевес был на стороне греческой стороны. Однако официальное правительство Кипра вместе с правительством Греции не могли в полной мере реализовать своё преимущество, главным образом из-за военного превосходства Турции. По сути, ТРСК, из-за своей правовой, экономической и военной несамостоятельности, стал новым вилайетом Турции. Турции было с одной стороны выгодно иметь свой форпост на острове, с другой стороны, это сильно мешало её вступлению в ЕС.

Вполне объяснимым являлось то, что в связи с аргументацией Анкары своего негативного отношения к европейской интеграции греческого Кипра, вопрос объединения двух частей острова оставался открытым. Примечательно, что в обоих островных государствах понимали желательность договорённости между собой. Поэтому это исходило из понимания того, что вступление единого кипрского государства в ЕС принесёт больше пользы для всех киприотов чем только южной части.

Несмотря на то, что руководство и общественность греческого Кипра стремились в ЕС, они как минимум не были против совместной европейской интеграции с ТРСК, так как в случае объединения двух общин в единое государство повысилась бы вероятность разрешения прежних противоречий и достижения большей безопасности, что, в свою очередь, положительно изменило бы экономическую ситуацию на всей территории Кипра. В то время как при существовании двух разных, по сути изолированных друг от друга государств, значительные денежные средства уходили на оборонные расходы. Эти

---

¹ Stephen M. The Cyprus Question. London, 2001. P. 9.

жеденги, направленные на закупку вооружений и милитаризацию, могли бы быть направлены на инвестиции в туристическую отрасль Кипра, а значит и экономику в целом. Кроме того, в случае достижения стабильности в экономике, увеличилась бы и активность со стороны иностранных инвесторов, что ускорило бы экономический рост¹. Турки-киприоты ещё в меньшей степени, чем греки-киприоты были заинтересованы в отсутствии всяческих связей с соседним государством. В условиях раскола Кипра, ТРСК полностью зависел от экономической и политической конъюнктуры в Турции. Отставание в экономическом развитии от Республики Кипр только увеличивалось. Нельзя забывать и об отсутствии возможности получить финансовую помощь от международных организаций, необходимой для развития стагнирующей экономики ТРСК по причине непризнанности мировым сообществом.

Были очевидны и неоспоримые плюсы присоединения к ЕС турецкого Кипра. Так, не лишней для турок-киприотов была бы отмена ограничений на торговлю с греческой частью Кипра. Ожидался бы и резкий рост инвестиционной активности турецких компаний из Европы. Немаловажным ожиданием было бы и возвращение на Кипр состоятельных турок-киприотов и их капиталов, продажа по рыночным ценам собственности турок-киприотов в южной части острова. Кроме того, решались бы и многие социальные задачи, например, проблема безработицы среди населения турецкого Кипра при поддержке специальных программ ЕС и за счёт создания новых рабочих мест. И наконец, главным преимуществом для обеих общин в рамках Евросоюза стала бы гарантия основных демократических свобод и прав человека. Эти вышеизложенные преимущества были особенно важны для экономически слабой оккупированной части острова. В геополитическом плане, вступление объединённого Кипра в Евросоюз означало бы и вхождение региона с крупной компактно проживающей мусульманской общиной.

4 января 2001 г. стартовал переговорный процесс между руководством Республики Кипр и ТРСК. В качестве итога этих переговоров было принято

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 43.

решение об утверждении основных положений на пути к объединению Кипра, которые должны быть разработаны к июню 2002 г. Однако после 50 раундов переговоров никаких договоров не было подписано¹. В связи с этим эстафету в переговорном процессе принял на себя занимавший тогда пост Генерального секретаря ООН Кофи Аннан. Этот чиновник международного уровня выдвинул собственный план решения Кипрского вопроса. Обе кипрские стороны согласились на обсуждение данного проекта по урегулированию. В соответствии с данным планом ООН предусматривалось формирование единого государства Кипр, исключая военные базы, принадлежавшие Великобритании. Пример для формирования государственного устройства объединённого острова был взят из швейцарской модели конфедерации двух государств с минимальным аппаратом федерального (единого) правительства. Естественно, два государства соответствовали двум основным народам Кипра. Регламентировался принцип избрания президента, по которому кандидаты из числа греков и турок должны были избираться в порядке очереди, поочередно. По этому проекту предусматривалось создание федеральной конституции и конституций для каждого из двух государств. В предложение были включены также и другие атрибуты государственности – издание конституционных и федеральных законов, предложений о флаге Объединённой республики Кипр и национальный гимн. Для создания атмосферы мира, доверия и решения противоречий между греками и турками Кипра, должна была быть сформирована так называемая «Комиссия по примирению». По этому плану, ООН предусматривались ограничения на право возвращения беженцев между греческим и турецким секторами. Разрешалось постоянное присутствие на Кипре турецких и греческих военных частей с оговоркой: значительное снижение их численности².

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 42.

² Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 178.

План, разработанный К. Аннаном, был представлен на рассмотрение греко-кипрской и турецко-кипрской сторонам в ноябре 2002 г. и считался основой переговорного процесса до 2004 г. За это время он был подвергнут множеству изменений и всевозможным поправкам. Переговоры на основе плана К. Аннана начались 19 февраля 2004 г. Ликвидация всех противоречий между греками и турками Кипра была запланирована до 1 мая 2004 г. Назначение именно этой даты было приурочено к официальному вступлению Республики Кипр в ЕС. Следующие переговоры прошли с 24 по 31 марта 2004 г. в Швейцарии, по итогам которых была назначена дата референдума на Кипре – 24 апреля 2004 г.¹

Референдум, предусмотренный в соответствии с проектом К. Аннана, состоялся 24 апреля 2004 г. По его итогам население турецкого Кипра положительно оценило план ООН (64,9% проголосовало за, 35,1% – против при 87% участвовавших в референдуме), в то время как греческий сектор острова значительным большинством отклонил данный план решения Кипрского вопроса (за – 24%, против – 75,8% при явке 88%)². Можно сказать, что итоги референдума – это прежде всего проявление недалёковидности и ошибка ООН, США и мирового сообщества в целом, поскольку не было чёткого представления о методах объединения двух кипрских государств. Очевидно, что без поддержки населения Республики Кипр, которое составляло большинство острова, план К. Аннана не имел шансов на успех. О своём критическом отношении к этому плану выступил президент Республики Кипр Т. Пападопулос, заявив о том, что никогда не будет участвовать в его реализации.

Можно заострить внимание на причинах несогласия греков-киприотов с планом ООН. Примечательным было то, что первоначальный вариант плана ООН в большей степени отвечал интересам греческого Кипра, нежели турец-

---

¹ Там же. С. 179.

² Фонд стратегической культуры. 3.10.2005. URL: <http://fsk.rustrana.ru> (дата обращения: 03.03.2016).

кого. Среди основных положений этого документа объёмом в 150 страниц были следующие:

1. Образование единого государства на Кипре с наличием двух федераций.
2. Кипр должен был стать полноправным субъектом международного права с полноценным гражданством для всех жителей обеих федераций.
3. Территориальные зоны обеих общин подлежали корректированию проживания общин (предполагалось сокращение турецкой зоны с 36% до 28,5%).
4. 85 тыс. греков-киприотов имели право вернуться в свои дома, находящиеся в северной части острова.
5. Предусматривалась выплата компенсаций потерявшим своё жильё в период турецкой оккупации Северного Кипра в 1974 г.
6. Вступление единого Кипра в ЕС и выстраивание особых отношений с Грецией и Турцией.
7. Проведение выборов в двухпалатный парламент, состоящий из 48 депутатских мест.
8. Формирование Президентского совета, состоящего из шести членов пропорционально количеству населения обеих федераций Кипра с 10-месячной ротацией Председателя совета.
9. Демилитаризация Кипра при полном запрете в отношении импорта оружия на Кипр.
10. Проведение постоянного мониторинга по соблюдению прав человека и положению национальных меньшинств¹.

Греки – киприоты не были согласны со следующими пунктами плана: 1) недостаточные гарантии безопасности общин; 2) отсутствие четкого механизма реализации плана на практике; 3) сохранение турецких военных частей на севере Кипра; 4) предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; 5) квоты по ограничению количества греков-киприотов,

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 47.

которым разрешалось вернуться в турецкую часть острова и восстановить свои права на собственность, оставленную после ввода турецких войск¹.

Обсуждая план К. Аннана, президент Республики Кипр отметил, что план ООН не только не устранял фактический раскол острова, но и придавал ему легитимные рамки. Кроме того, он не мог согласиться с планом, который фактически разрешал постоянное присутствие турецкого воинского контингента на острове. Не менее категоричным в своей оценке плана был почётный президент Социалистической партии Кипра Васос Лиссаридис, который заявил, что данный план ООН фактически признавал этнические чистки на севере Кипра во время событий 1974 г., в результате которых более 200 тыс. греков лишились жилья и стали беженцами. Таким образом, данный план ООН фактически оправдывал оккупацию севера Кипра турецкими войсками².

Тем не менее, США и ЕС активно выступали в поддержку плана К. Аннана по урегулированию Кипрской проблемы. Госсекретарь США Колин Пауэлл в интервью греческому телевизионному каналу «Мега» 16 апреля 2004 г. отметил: «Как вы знаете, если обе стороны проголосуют ”за” план, и начнётся осуществление плана ООН, произойдет значительное сокращение турецких войск. И я не думаю, что греки-киприоты должны рассматривать это как какую-то угрозу. На мой взгляд, это почти символическое присутствие. Я думаю, что преимущества плана столь значительно превышают недостатки, а преимущества столь велики, что, как мне представляется, это должно подталкивать их проголосовать ”за”». Кроме того, в продолжение своей позиции по плану ООН, госсекретарь США подчеркнул, что этот план был полностью одобрен Генеральной ассамблеей ООН, международным сообществом, ЕС и США. К. Пауэлл также полностью исключил вероятность повторения событий 1974 г.³

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 178.

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 50.

³ Там же. С. 48.

Как и ожидалось, 1 мая 2004 г. Республика Кипр стала членом ЕС. Естественно, это вступление в клуб европейских стран де-факто касалось только греческой части Кипра. В то же время, поскольку ЕС официально не признавал существование ТРСК как государства, де-юре турецкая часть острова вошла в состав Евросоюза вместе с греческой. В связи с тем, что население и правительство турецкого сектора не признавало постановления правительства Республики Кипр и на этой территории дислоцировались войска Турции, законодательные акты ЕС не действовали в этой части острова. Таким образом, можно констатировать, что с 1 мая 2004 г. Турция фактически оккупировала не только часть суверенного государства, но и ЕС¹.

В конце мая 2004 г. в докладе Генерального секретаря ООН в отношении результатов переговорного процесса по Кипру, вина за медленное решение Кипрского вопроса была возложена на руководство Республики Кипр. К. Аннан выразил разочарование в том, что официальные лица греческого Кипра на практике не следовали принципам партнёрства и равенства². В свою очередь, руководство ТРСК заявляло о том, что урегулирование Кипрской проблемы по плану ООН в достаточной степени доработано, и если правительство Республики Кипр не согласно с какими-либо положениями данного проекта, то необходимо внести только поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Со своей стороны, греки-киприоты были готовы принять поправки турок-киприотов. Однако в ходе переговорного процесса в отношении интеграции Турецкой Республики в ЕС, руководство Республики Кипр было намерено выдвинуть пять условий, без выполнения которых, они отказывались одобрить кандидатуру Турции на членство в ЕС:

1. Турция должна признать Республику Кипр как суверенное государство.

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 179.

² Aksu F. Konusundaki Kibris son gelismeler. URL: <http://www.turkishgreek.org> (дата обращения: 21.03.2016).

2. Прекращение использования Турцией права вето в отношении членства Республики Кипр в различных международных организациях.
3. Прекращение переселения турецких граждан на Северный Кипр.
4. Турция должна выплатить компенсацию Республике Кипр за нелегитимное использование оставленной на территории Северного Кипра собственности бежавших греков.
5. Вывод турецких войск с Кипра¹.

Итак, на момент вступления в ЕС греческой части Кипра –1 мая 2004 г., раскол острова продолжался. Законодательство и экономические преимущества, исходящие от ЕС, никак не касались территории ТРСК. Это способствовало стагнации и отставанию экономики турецкого Кипра от греческой части острова. В отличие от ЕС, генеральный секретарь ООН К. Аннан выступил в защиту интересов ТРСК. Аргументируя свою позицию лояльностью турок-киприотов в отношении выдвинутого им плана урегулирования, он осудил экономическую и политическую изоляцию ТРСК со стороны ЕС. В подтверждение этого, он опубликовал доклад, в котором заявлял о необходимости направить внимание Совета Безопасности ООН и мирового сообщества на положение турецкого сектора острова Кипр. Иными словами, К. Аннан пытался склонить всё мировое сообщество к сотрудничеству с ТРСК на разных уровнях².

По мнению А. Рытова, план К. Аннана представлял собой вполне приемлемый вариант решения Кипрского вопроса. Однако в нём не была отражена ключевая роль греческой общины острова в устройстве объединённого Кипра и ожидаемая совместная интеграция в ЕС. Греки-киприоты претендовали на ведущую роль в силу того, что достигли высокого уровня экономического развития. В свою очередь, турецкая часть Кипра не могла заявлять о

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 180.

² Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 180.

подобных успехах в экономике. Уровень жизни в ТРСК можно было сравнить с уровнем самых небогатых стран Юго-Восточной Европы¹.

Кипрские греки выступали против равенства с их соседями-турками в управлении единым федеративным государством в рамках Президентского совета. Они были против равного представительства двух общин Кипра в различных институтах ЕС². Кроме того, греков-киприотов не устраивало то, что с одобрения ООН на острове останется 650 турецких военнослужащих. Несмотря на то, что это минимальный контингент, этих сил было бы достаточно для того, чтобы в случае обострения отношений обеспечить плацдарм и инфраструктуру для любых милитаристских действий со стороны берегов Турции. Тем более что в психологии греков-киприотов прочно отпечатались память о печальных событиях 1974 г.

План ООН не предполагал понятной схемы компенсаций за потерянную собственность греков-киприотов в ходе оккупации Северного Кипра 1974 г. По плану не разрешалось гражданам греческого сектора покупать недвижимость на Северном Кипре, в связи с этим ограничивались права греков-киприотов, пожелавших вернуться в свои дома в турецкой части острова.

Особую опасность для греков-киприотов представляла продолжающееся много лет массовое переселение на Кипр турок из Турции. План К. Аннана никак не останавливал эту колонизацию, а, наоборот, в силу демократизации и унификации законодательства единого государства, придавал бы ей легитимные рамки. В связи с этим, север Кипра мог стать своего рода «насосом» для притока турецких переселенцев. Более того, эта эмиграция не ограничилась бы территорией ТРСК, а коснулась бы и южного Кипра. Это привело бы к заметному дисбалансу между двумя этническими общностями на острове.

Массовая эмиграция турок из Анатолии напрямую затронула бы и экономическое развитие Республики Кипр. Система оказания экономической помощи, предложенная в плане К. Аннана, не учитывала многих особенно-

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 50.

² Там же. С. 51.

стей экономики Кипра. В этой связи, само членство Кипра в ЕС могло оказаться неполноценным и неактуальным. Как отмечала газета «Время новостей», «с учётом крупных выплат за утраченную собственность и необходимость подтянуть север до уровня более развитого юга, объединение обошлось бы в 6 млрд. долларов. Около 2,5 млрд. обещали ЕС и США, а остальные средства ложились бы серьёзным бременем на налогоплательщиков, в основном более обеспеченных греков-киприотов»¹.

Против плана К. Аннана активно выступили иерархи Кипрской Православной Церкви и Элладской Православной Церкви. В своих выступлениях они отмечали, что план не основан на резолюциях ООН по Кипру, не соответствует законодательству ЕС, что может привести к новым долгим противоречиям и конфликтам. Более того, ряд представителей православной церкви Кипра и Греции назвали план К. Аннана не соответствующим принципам ООН. По их мнению, он вел к легализации присутствия турецкого воинского контингента и, следовательно, одобрения оккупации северной части острова. Кроме того, по мнению греческого духовенства, в случае реализации данного плана, туркам-киприотам будет представлено «непропорциональное представительство» в органах всех ветвей власти объединённого Кипра².

В целом план К. Аннана, в оценках греческой стороны, не выглядел как восстановление справедливости и исправления гуманитарной ошибки США и НАТО, которые, фактически соблюли нейтралитет во время агрессии Турции в 1974 г. Геополитическая игра США и ЕС в пользу Турции была налицо и стала важным отрицательным фактором, повлиявшим на окончательное решение вопроса об объединении острова греков-киприотов в ходе референдума. Таким образом, с 1974 г. позиция США и НАТО мало изменилась. Это можно объяснить уникальным геополитическим положением Турции, членом

---

¹ Лабецкая К., Тарутин И. Кипрский провал Евросоюза. Греческий Юг отказался объединяться с турецким Севером // Время новостей. 2004. № 72. 26 апр. URL: <http://www.vremya.ru> (дата обращения: 21.09.2017).

² Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 56.

НАТО, граничащим с СССР и играющим ключевую роль на южном фланге Североатлантического альянса.

Таким образом, в начале XXI в. геополитическая роль Турции по-прежнему оставалась значительной. В связи с этим, в плане, разработанном К. Аннаном, как и в реакции Запада на события 1974 г., присутствовали элементы политики «свершившегося факта». В частности, как было изложено выше, это касалось присутствия турецкого военного контингента на севере Кипра. После референдума 2004 г. официальную Никосию подвергли резкой критике ЕС и США. Евросоюз на официальном уровне согласился оказывать экономическую помощь ТРСК, а также снять эмбарго на закупку товаров из этой части острова. Кроме того, основную часть помощи, обещанной объединённому Кипру, планировалось направить на развитие экономики турецкого Кипра. После референдума произошло увеличение степени лояльности турок-киприотов политике ЕС и США. В этой связи важно отметить рост внешнеполитической активности Турции, которая готовилась к полноценным переговорам на вступление в ЕС. При этом правящие круги Турции призывали турок-киприотов игнорировать призывы их лидера Р. Денкташа и поддерживать план К. Аннана. Таким образом, прослеживались противоречия между Анкарой и правительством ТРСК. Вместе с тем, Турция вновь собиралась поднять вопрос об официальном признании ТРСК, а на острове по-прежнему продолжал присутствовать турецкий воинский контингент в количестве 35 тыс. чел.¹

Важно объяснить причину такой решительной поддержки ТРСК со стороны ЕС. По мнению ряда экспертов, объединение Кипра было очень важно для Евросоюза. Европа была заинтересована в интеграции Северного Кипра для того, чтобы на тот момент показать всему миру готовность и стремление принять в состав самой цивилизованной части Европы государство с большой мусульманской общиной. Параллельно, это могло помочь сдержать напор со стороны США, которые настаивали на скорейшем приёме в ЕС

---

¹ Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М., 2005. С. 57.

Турции. Некоторые исследователи отмечают, что вступление объединённого Кипра позволило бы институтам ЕС начать адаптацию экономических и социальных инструментов для будущего приёма Турции на примере турецкой общины Кипра¹. Кроме того, витринное присутствие процветающей мусульманской общины демонстрировало бы добрую волю и демократичность ЕС в её отношениях с мусульманским миром, а также снижало бы риски террористических актов против стран-членов ЕС. Таким образом, речь шла о том, чтобы вместо огромной 70-миллионной Турции ограничиться принятием его естественного «филиала». Поэтому, скорее всего, приём Северного Кипра в составе объединённого Кипра в ЕС мог стать последним шагом Евросоюза в процессе расширения.

Критикуя позицию правительства Кипра о призыве греков-киприотов отклонить план ООН на референдуме, западная пресса пыталась объяснить это тем, что нынешние лидеры Кипра мыслили категориями прошлого и не пытались хоть как-то осовременить свои взгляды и подходы. По мнению западных СМИ, населению необходимо было объяснить, за что оно должно голосовать. Они считали, что этот план – наиболее приемлемый вариант урегулирования Кипрского вопроса².

Что касается положения непосредственных участников референдума, то в результате итогов референдума 2004 г. на Кипре политическая ситуация вокруг острова стала ещё более неопределённой. Греки-киприоты достигли так называемого «энозиса» в силу того, что Республика Кипр, как ранее Греция, стала членом ЕС. Иными словами, два братских государства вошли в общую международную организацию. В свою очередь, турки-киприоты не получили практически никаких выгод от «таксима».

Республика Кипр, добившаяся колоссальных экономических показателей, при этом готовая стать донором Северного Кипра в случае реализации плана ООН, превращалась бы в пассивного игрока, зависимого от доброй во-

---

¹ Там же. С. 58.

² Kadritzken N. Cyprus: saying no to the future // Acik radio 94.9. 12 May 2004. URL: <http://acikradyo.com.tr> (дата обращения: 28.02.2012).

ли Турции, которая под лояльным контролем США и ЕС могла продвигать свои интересы на Кипре. Итак, в апреле 2004 г. была потеряна уникальная возможность объединения двух общин в рамках единого государства и полного решения Кипрского вопроса.

Вскоре после референдума, ЕС как было отмечено ранее, обещал выделить ТРСК экономическую помощь в размере 260 млн. евро, а также ослабить эмбарго на импорт товаров из непризнанного турецкого сектора Кипра. Переговоры по этим вопросам продолжались более полутора лет, а желаемых результатов для ТРСК так и не было достигнуто. Так, в ноябре 2005 г. на встрече министров иностранных дел ЕС в Брюсселе некоторые из участников подчёркивали: «Мы дали слово снять изоляцию, но ничего не смогли сделать. Подобную ситуацию необходимо изменить»¹. Турецкие дипломатические источники отмечали, что обещанные туркам-киприотам евро так и не были выделены. Турки оценивали это как «бессилие ЕС перед греками-киприотами»². Касаясь вопроса также обещанной прямой торговли стран Евросоюза с турецким Северным Кипром, то европейское сообщество заявило о своей позиции «пока забыть эту проблему»³.

Таким образом, ЕС не сдержал своих обещаний туркам-киприотам не только относительно экономической помощи, но и по снятию экономической изоляции с ТРСК. Это ещё раз показывает на ограниченные возможности ЕС каким-либо образом влиять на решение региональных проблем. С точки зрения многих политиков, несмотря на провал плана К. Аннана, Кипрский вопрос должен быть решён в рамках ООН.

Можно отметить, что последующие после референдума 2004 г. годы, внесение Кипрского вопроса на рассмотрение ООН усложнялось по трём основным причинам. Во-первых, автор прежнего плана по объединению Кипра К. Аннан к этому времени уже не был Генеральным секретарём ООН. Было

---

¹ Milliet. 05.12.2005.

² Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востоковеды о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 181.

³ Financial Times. 19.12.2006.

очевидно, что новому Генеральному секретарю Пан Ги Муну было необходимо немало времени, для того чтобы вникнуть в данную проблему. Во-вторых, греки-киприоты отвергли объединение Кипра по плану К. Аннана. Поэтому, не было понятно, на какой основе будут вестись переговоры. Третья причина заключалась в том, что обсуждения в ООН часто проходили не так, как ожидалось¹.

Касаясь позиции Анкары, нужно отметить, что после референдума по плану К. Аннана 2005 г., Турция не получила никаких выгод для себя, более того, сохраняющийся после этого статус кво на Кипре, не менее чем раньше, представлял из себя одну из главных преград на пути её членства в ЕС. В связи с этим заместитель министра иностранных дел Греции Э. Стилианидис в интервью Афинскому агентству новостей 19 июня 2004 г. заявил, что перспектива принятия Турции в ЕС в значительной степени зависит от её признания Южного Кипра как единственного государства на острове, объединяющего всю его территорию². После референдума 2004 г. попытки решить Кипрский вопрос, по сути, откладывались в долгий ящик. Руководству Турецкой Республики, в силу желаемой европейской интеграции было не выгодно такое положение дел, поэтому они выдвинули новые предложения для решения этого вопроса – так называемый «План действий». 24 января 2006 г. данный план был озвучен министром иностранных дел Турции Абдуллахом Гюлем. «План действий» предполагал следующие меры:

1. Проведение встреч на высшем уровне между представителями Греции, Турции, Республики Кипр и ТРСК, а также ООН до июня 2006 г.
2. Готовность Турции, в случае принятия плана, открыть свои порты для судов из Республики Кипр.
3. Ликвидация всех барьеров, создающих препятствия торговым отношениям между обеими частями острова.

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 182.

² AB'den Turkiye'ye Kibris Baskisi. URL: <http://grtrnews.com.tr>. (дата обращения: 28.01.2017).

4. Открытие для международных сообщений морского порта Магосы и аэропорта Эрджан (Северный Кипр).

5. Право ТРСК участвовать в международных спортивных и общественных мероприятиях.

6. Полное включение экономики ТРСК в зону действия Европейского таможенного союза.

7. Всесторонняя помощь ООН и Европейской комиссии Турецкой Республике Северного Кипра.

8. Решение проблемы Кипра с участием ООН до конца 2006 г.¹

А. Гюль заявил, что этот план являлся логичным и приемлемым для всех сторон вариантом решения многолетней проблемы Кипра. Очевидно, что турецкий истеблишмент пытался использовать «План действий» как средство для активизации переговорного процесса почленству в ЕС². Таким образом, для Турции проблема Кипра была связана не только с «вассальной» ей ТРСК, но и с вопросом интеграции в Европейское сообщество.

Несмотря на то, что турецкий «План действий» получил поддержку в конгрессе США и в ряде стран ЕС, значительных сдвигов по его реализации на практике в течение 2006 г. предпринято не было. Безрезультатно завершилась встреча в Никосии президентов ТРСК и Республики Кипр Мехмета Али Талата и Т. Папандопулуса, проведенная по инициативе заместителя Генерального секретаря ООН И. Гамбари 6 июня 2006 г. Таким образом, следующая попытка провести переговоры под эгидой ООН и вывести Кипрскую проблему из «замороженного состояния», прошла безрезультатно. Можно сказать, что в переговорах было большезаинтересовано население ТРСК, чем Республики Кипр, так как, именно Турция выдвинула «План действий» и турецкий сектор острова испытывал экономические трудности из-за непризнания его мировым сообществом. В то же время греки-киприоты также не могли отказаться от переговоров по причине того, что Т. Папандопулус не хотел

---

¹ Ibid.

² Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007.С. 182.

выглядеть в докладе ООН как сторона, препятствующая переговорному процессу. Кроме того, сказывалось воздействие, исходящее от США и ЕС на политическую элиту Республики Кипр. По ряду из пяти пунктов, которые обсуждались на переговорах, имели место противоречия между сторонами. Для турок-киприотов была особенно важна формулировка «принципа политического равенства», основанного на «двухзональной общинной конфедерации». Стоит заметить, что для Турции, любая попытка проведения переговоров прибавляла «очки» в глазах Евросоюза, так как это придавало Турции вид страны, стремящейся к урегулированию на Кипре¹.

«План действий», выдвинутый турецким правительством, так и не получил реального развития. Кроме того, руководство Республики Кипр перенесло проведение переговоров из орбиты ООН в институты ЕС. ООН как площадка и структура для решения региональных проблем оказалась малопродуктивной, в частности, в урегулировании Кипрского вопроса. Стоит отметить также, что греки-киприоты стремились добиться, в первую очередь, открытия турецких портов для своих кораблей. Учитывая то, что Кипрский вопрос представлял из себя один из «камней преткновения» на пути к турецкой интеграции в ЕС, осенью 2006 г. европейская комиссия выдвинула требование к Турции открыть её воздушные и морские порты для самолётов и судов Республики Кипр. В случае отказа предусматривалось введение санкций против Анкары. В ответ на это, турецкая сторона выдвинула условие – разрешение международных рейсов для аэропорта Эрджан, находящегося в ТРСК. При соблюдении этого условия турки соглашались открыть один порт для кипрских судов, хотя ранее турецкое руководство выдвигало более серьёзное требование в обмен на открытие своих портов для РК – снятие экономического эмбарго с ТРСК². Эта уступчивость правящей в Турции ПСР вызвала острую критику среди турецкой оппозиции. Заместитель генерального секре-

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 184.

² Там же.

таря Народно-республиканской партии (партия, созданная Ататюрком) Онур Оймен заявил о неприемлемости решения проблемы Кипра методом торговли «порт за порт». В дополнение своей позиции О. Оймен заявило том, что в силу того, что турки-киприоты проголосовали на референдуме 24 апреля 2004 г. за план К. Аннана, будет справедливо, если ЕС отменит эмбарго в отношении ТРСК. По мнению этого турецкого оппозиционера, греки-киприоты вместе с ЕС не имели права требовать уступок от Турции потому, что первые отвергли план ООН по решению проблемы Кипра, что не способствовало конструктивному диалогу. В связи с этим Турция ни в коем случае не должна была открывать свои порты для стороны, которая отказывалась от компромиссов¹. Можно предположить, что эта позиция О. Оймена была вызвана скорее его оппозиционностью в отношении правящей ПСР, чем реальной позицией в данном вопросе.

Теперь, когда Кипр стал членом Европейского сообщества, политика Турции в отношении Кипра стала в большей степени, чем ранее, связанной с взаимоотношениями с ЕС. В 11-м ежегодном докладе Европейской комиссии, опубликованном 11 октября 2009 г., оценивалось соответствие проводимой турецким правительством политики стандартам ЕС. В этом докладе подчёркивалось, что Турция должна создать благоприятную почву для переговорного процесса с помощью вывода войск из Северного Кипра².

Начало 2008 г. было ознаменовано позитивными изменениями в отношениях между обеими общинами Кипра. На этот поворот во взаимоотношениях двух народов острова повлияло избрание 24 февраля 2008 г. президентом Республики Кипр Д. Христофиаса. Этот политик выражал умеренные взгляды в отношении национальных вопросов и генеральным секретарём Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ). 21 марта 2008 г.,

---

¹ Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М., 2007. С. 184.

² Иванова И.И. Кипрская проблема на современном этапе // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. М., 2014. С. 92.

после четырёхлетнего перерыва, состоялась встреча Д. Христофиаса и лидера ТРСК М. Талата. Эти переговоры проходили нелегко. М. Талат отстаивал идею равноправной федерации двух общин с единым суверенитетом, представительством и гражданством. В то время как Д. Христофиас отрицал конфедерацию и выступал за формирование единого государства на Кипре. 18 апреля 2010 г. в ТРСК прошли выборы, по итогам которых президентом стал лидер «Партии национального единства» Д. Эроглу, занимавший, до своего избрания пост премьер-министра. Д. Эроглу, в отличие от своего предшественника, предлагал решить Кипрский вопрос через создание двух независимых государств. Он выдвинул довольно интересный тезис о том, что нерешённость Кипрского вопроса и являлась его решением¹. Однако после выборов он отказался от этой идеи и заявил о стремлении продолжать начатые ранее переговоры при М. Талате². Очевидно, что изменение заявлений Д. Эроглу отражало позицию правительства Турции, так как у ТРСК, как и в предыдущие годы, не было ни экономических, ни политических ресурсов для реализации самостоятельной политической доктрины.

Во время посещения турецкой делегацией Афин 14 мая 2010 г. Р.Т. Эрдоган заявил о намерении своего правительства стремиться к решению Кипрской проблемы. Он также выразил надежду на плодотворное сотрудничество между Турцией и Грецией для скорого урегулирования одной из главных проблем двусторонних отношений³.

Несмотря на новую внешнеполитическую стратегию Турции, провозглашённую министром иностранных дел А. Давутоглу, наличие неурегули-

---

¹ Иванова И.И. Кипрская проблема на современном этапе // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. М., 2014. С. 93.

² Milliet. 20.04.2010.

³ Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 21.01.2016).

рованных двусторонних проблем продолжало вызывать напряжение между Турцией и Грецией¹.

12 января 2017 г. в Женеве состоялась Международная конференция по кипрскому урегулированию с участием министров иностранных дел стран-гарантов – Греции, Турции и Великобритании. Кроме лидера самопровозглашённой ТРСК Мустафы Акинджи и президента Республики Кипр Никоса Анастасидиса, в форуме участвовали министры иностранных дел Турции и Греции Мевлют Чавушоглу и Никос Котзиас, а также глава МИД Великобритании Борис Джонсон². В соответствии с официальным заявлением, распространённом ООН, участники переговоров договорились о том, что дискуссии продолжатся. На 18 января 2017 г. планировалось заседание рабочей группы на уровне заместителей, которая должна была определить конкретные вопросы и инструменты для обсуждения. Параллельно предполагалось содействовать переговорному процессу между обеими общинами Кипра³. 13 января 2017 г. в ответ на требование президента Кипра Н. Анастасиадиса о выводе турецких воинских частей из острова, Р.Т. Эрдоган, в своём интервью турецкому каналу NTV, заявил: «Не может быть и речи о полном выводе турецких войск»⁴. Кроме того, он добавил: «Северный Кипр в переговорах демонстрирует искреннюю позицию. Греция не должна ожидать решения проблемы острова без Турции как страны-гаранта. Турция останется на Кипре»⁵.

28 февраля 2017 г. советник президента Турции Ильнур Чевик заявил, что переговоры по объединению Кипра могут возобновиться только при

---

¹ Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции с Грецией // Институт Ближнего Востока. 6 апреля 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12435> (дата обращения: 23.09.2017).

² В Женеве международная конференция по Кипрскому урегулированию. // Укринформ. 12.01.2017. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/2155321> (дата обращения: 03.04.2017).

³ Эрдоган: Полного вывода турецких сил с Кипра не будет. // Regnum. Информационное агентство. Анкара 13 января 2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2226693.html> (дата обращения: 03.04.2017).

⁴ Там же.

⁵ Палажченко А. Эрдоган заявил, что вывод турецких войск с Кипра не обсуждается // РИА Новости. 13.01.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170113/1485653761.html> (дата обращения: 03.04.2017).

условии того, что руководство Республики Кипр откажется от идеи объединения с Грецией. Р.Т. Эрдоган заявил: «На Кипре следует принять во внимание Кипрскую православную церковь. Именно они блокируют усилия по поддержанию мира, именно они убедили греков-киприотов отказаться от “плана К. Аннана” по урегулированию через референдум 2004 г.» «Думаю, что кто-то должен убедить кипрскую православную церковь в важности объединения» – добавил И. Чевик¹.

14 апреля 2017 г. министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу на встрече с членами Ассоциации бизнесменов Анталы заявил: «Несмотря на то, что мы искренне прилагаем усилия для решения Кипрской проблемы, мы не видим таких же усилий со стороны греков-киприотов»². М. Чавушоглу добавил, что хотя у Турции много территориальных проблем, но его страна никогда не играла негативной роли в формировании и развитии этих проблем. М. Чавушоглу подчеркнул: «Вчера министр энергетики и природных ресурсов (Турции – прим. авт.) Берат Албайрак сделал заявление относительно одностороннего исследования газовых месторождений стороной греков-киприотов. Турки-киприоты также имеют права на эти территориальные воды. Мы предпримем необходимые меры, если греки-киприоты продолжат игнорировать наши предупреждения. Мы уже предприняли законные шаги и официально зарегистрировали свою позицию. Мы не позволим продолжения односторонних акций греков-киприотов в данном вопросе»³.

В начале XXI в. отмечена самая значительная попытка решения Кипрского вопроса – план Генерального секретаря ООН К. Аннана. Эта инициатива

---

¹ Условие Эрдогана: «Недопустимо воссоединение Кипра с Грецией» // Haqqin.az. 28 февраля 2017 г. URL: <https://haqqin.az/news/93752> (дата обращения: 04.04.2017).

² Turkish Foreign Minister Cavusoglu: “There is no sincere effort from the Greek Cypriot side to resolve the Cyprus Problem” // TRNC Public Information Office. URL: <http://pio.mfa.gov.ct.tr/en/turkish-foreign-minister-cavusoglu-there-is-no-sincere-effort-from-the-greek-cypriot-side-to-resolve-the-cyprus-problem/> (дата обращения: 28.09.2017).

³ Turkish Foreign Minister Cavusoglu: “There is no sincere effort from the Greek Cypriot side to resolve the Cyprus Problem” // TRNC Public Information Office. URL: <http://pio.mfa.gov.ct.tr/en/turkish-foreign-minister-cavusoglu-there-is-no-sincere-effort-from-the-greek-cypriot-side-to-resolve-the-cyprus-problem/> (дата обращения: 28.09.2017).

предусматривала проведение референдума, по результатам которого греки-киприоты отвергли этот план как приемлемое решение проблемы. Одна из главных причин этому – недостаточная роль греков-киприотов в формировании нового федеративного государства. В плане эта неценность имела место, несмотря на очевидные преимущества в экономике и численности греков Кипра над турками острова. Характерно, что от нерешённости Кипрского вопроса больше проиграли турки-киприоты чем греки-киприоты, так как ТРСК продолжала оставаться под воздействием экономического эмбарго в силу непризнанности своего государства. Этот аспект усиливал отставание от экономики Республики Кипр. Таким образом, турки Кипра получили не выгодный им «таксим» (раскол острова), в то время как 1 мая 2004 г. Республика Кипр, как и ранее Греция, стала членом ЕС. Таким образом, это в некоторой степени и представляло собой «энозис» – объединение двух «братских» государств. Для Турции это означало то, что теперь её войска оккупировали часть территории ЕС. Таким образом, наличие Кипрского вопроса открытым представляло для Анкары одну из самых серьёзных препятствий для интеграции в ЕС. Единственным «утешением» для Турции было наличие зависимого государства в лице ТРСК. Однако турецкая элита не могла «жертвовать» отношениями с ТРСК по причине того, что государство кипрских турок было очень важно для общественности Турции. Вслед за кипрским референдумом по плану К. Аннана 2004 г., оказался провальным и так называемый «План действий», выдвинутый министром иностранных дел Турции А. Гюлем. ТРСК по-прежнему осталась признанной только Турцией. Турецкие официальные круги обвиняли власти Республики Кипр в нежелании решать Кипрский вопрос, так как те отказались принимать план ООН.

Итак, если в 1990-е гг. турецко-греческие отношения характеризовались как потенциально конфронтационные, а некоторая оттепель наступила только после землетрясений 1999 г., то в 2000-е гг., отсутствовали какие-либо кризисы и конфликтные ситуации в Эгейском море как, впрочем, и реальное решение Кипрской проблемы, которая, несмотря на попытки, предпринятые

с участием и при посредничестве ЕС и ООН, осталась, по сути, не разрешённой. Что касается некоторой эволюции во внешней политике Турции, то в отличие от предшествующих десятилетий в начале XXI в., она имела более чёткие теоретические рамки без явной оглядки на США, НАТО и ЕС. Концепция архитектора новой турецкой внешней политики А. Давутоглу предполагала усиление влияния Турции посредством «мягкой силы». Концепция А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» не обошла стороной и отношения с Грецией как одним из соседей Турции. Однако позиция А. Давутоглу в Эгейском вопросе практически ничем не отличалась от позиции его предшественников. Он также негативно оценил планы Греции по расширению её территориальных вод в Эгейском море. Кроме того, в памяти осталась и так называемая «дипломатия землетрясений», когда стороны оказали помощь друг другу, что послужило платформой для дальнейшего позитивного диалога между сторонами. В отличие от 1990-х гг. в начале XXI в. не имели место кризисы в двусторонних отношениях подобные, например, Кардакскому кризису 1995–1996 гг. Наблюдался рост контактов между турецкой и греческой политическими элитами. Впрочем, продолжались многочисленные случаи нарушения воздушного пространства Греции над Эгейским морем со стороны ВВС Турции. Эгейский вопрос был отодвинут на задний план и так и не получил решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании рассмотрены проблемы взаимоотношений Турции с Грецией и Кипром периода Третьей Республики, политика обоих государств и международных организаций (ЕС и ООН) в решении Эгейского комплекса противоречий и урегулировании Кипрской проблемы.

Относительно турецко-греческих отношений в 1980–1990-е гг. можно заключить, что противоречия и пути их решения имеют похожий сценарий. И турецкое, и греческое общества ждали от своих правительств решительности и, как минимум, неуступчивости к оппонентам. Однако членство обоих государств в НАТО нередко смягчало противоречия между ними. Это касалось, прежде всего, вопросов, связанных с Эгейским морем и Кипром. Также противоречия можно проследить на примере турецко-греческого спора вокруг воздушного пространства над греческим островом Лимия в 1984 г. Эгейский комплекс противоречий не раз приводил обе страны на грань вооружённого конфликта. Такая ситуация складывалась 26 марта 1987 г. и в 1996 г. из-за Кардакского кризиса.

НАТО и ЕС, хотя и не способствовали полному решению турецко-греческих проблем, но оказывали смягчающего воздействия на них. Турция была заинтересована в членстве в НАТО, как и стремилась не одно десятилетие вступить в ЕС. Поэтому, излишнее нагнетание напряжённости с западным соседом было не в интересах Анкары. Греция рассматривала членство в НАТО как своего рода гарантию от возможной турецкой агрессии на фоне событий 1974 г. (оккупация Кипра турецкими войсками). Членство в ЕС использовалось греческими правящими кругами как важный рычаг давления на Турцию и переговоров с ней.

Для США и НАТО в 1980-е гг. также не был выгоден конфликт между Турцией и Грецией, поскольку он существенно ослабил бы Альянс перед лицом стран Варшавского договора. Эта обеспокоенность США и НАТО ясно

продемонстрирована в ходе Эгейского кризиса марта 1987 г., который и стал своего рода стимулом для начала переговорного Давосского процесса 1988 г.

Политика, пришедшего к власти в Турции в 1980-е гг. Т. Озала отличалась от политики его предшественников стремлением вывести отношения с Грецией в реально положительную плоскость. Т. Озал не боялся отвернуть от себя электорат неким «соглашательством» (прим. автора) в отношении Греции. Характеризуя турецко-греческие отношения, нельзя отбрасывать и психологические факторы, такие, как, например, «образ врага». Историческая память накладывала определённый отпечаток на взаимоотношения обоих государств: в глазах турок греки являлись «вчерашними подданными», которые к тому же отстаивали интересы, противоположные турецким, в глазах же греков – турки – пришельцы из Востока, не имеющие ничего общего с европейскими ценностями.

Начало 1990-х гг. было ознаменовано распадом СССР, который способствовал изменению политической карты мира, а значит и места Турции в нём. Это не могло не отразиться на внешней политике Турции, которая стала проводить более активную политику на Балканах, включая и граничащие с Грецией государства. Однако сохранялась ее ориентация на США и приверженность НАТО. Взаимная помощь сторон во время землетрясений в Турции и Греции 1999 г. не могла не способствовать улучшению двусторонних отношений, стала некой «платформой» если не для решения двусторонних противоречий, то для значительного снижения вероятности конфликта в дальнейшем и созданию более позитивного имиджа соседней страны. Это в свою очередь способствовало развитию экономических отношений, которые в том числе «сглаживали» (прим. автора) политические противоречия.

Кардакскому кризису 1996 г. способствовала политика турецкого правительства Т. Чиллер, с одной стороны, и греческого правительства А. Папандреу и К. Симитиса, с другой, которые во многом выражались в отстаивании своих национальных интересов. Причиной кризиса послужило то, что Турция поставила под сомнение принадлежность острова Имия (Кардак)

Греции, а, значит, нарушила её суверенитет. Однако это не означало, что стороны игнорировали переговорный процесс и пути решения двусторонних проблем. После землетрясений 1999 г. противоречия между двумя государствами по Эгейскому комплексу вопросов стали слабее и перешли в разряд отдельных заявлений высших должностных лиц.

В Кипрском вопросе на протяжении всего изучаемого периода (1980 – начало XXI в.) Турция продолжила всесторонне поддерживать Турецкую Республику Северного Кипра. В 2004 г. имела место попытка объединения острова по плану Генерального секретаря ООН К. Аннана, который предполагал решение Кипрского вопроса через референдум, но реализация этого плана не увенчалась успехом. В ходе референдума 2004 г., греки-киприоты отвергли план К. Аннана по объединению острова. Причиной неудовлетворительной оценки большинства населения Республики Кипр стало то, что план ООН не учитывал реалий Кипра. Эти реалии заключались в том, что экономическое развитие греческого Кипра намного превосходило уровень экономики турецкого Кипра. Несмотря на это, план К. Аннана не закреплял за греками-киприотами ведущей роли в формировании объединённого государства двух общин. В итоге, греки-киприоты через получение членства в ЕС добились «энозиса» с Грецией, а турки-киприоты – «таксим» и продолжили развитие отношений только с Турцией, от которой они зависели во всех сферах. Кипрский вопрос перешёл в «замороженную» стадию. На этом примере можно продемонстрировать неспособность крупных международных организаций, таких, как ООН, решить Кипрский вопрос.

В начале XXI в. отмечается стремительный рост экономики Турции по сравнению с 1980–1990-ми гг. Экономический рост в Турции связан с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития, которая, несмотря на умеренно-исламистские идеи, как и предыдущие, более светские правительства, ориентировалась на вступление в ЕС. Благодаря этой ориентации Турция была заинтересована в стабильных и позитивных отношениях с Грецией как членом этой организации. Вследствие экономического

роста выросло и внешнеполитическое влияние Анкары по всем географическим направлениям. Улучшению отношений с Грецией способствовала концепция ставшего в 2009 г. министром иностранных дел Турции А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» в контексте так называемой «мягкой силы» для внешнеполитического роста влияния Турции, в которой сформулированы основы новой парадигмы в отношениях с Грецией. Практическим воплощением этой доктрины стал визит Р.Т. Эрдогана в Афины в 2010 г., когда стороны обсудили экономические вопросы, Кипрскую и Эгейскую проблемы. Однако впоследствии, в ходе обострения напряжённости на Ближнем Востоке, в частности, в пограничных государствах – Сирии и Ираке, эта политика всё больше стала «давать трещину» и фактически стала сводиться к «нулю». К тому же, политика Р.Т. Эрдогана примерно с 2011 г. стала отходить от стремления к вступлению в ЕС. В течение 2014–2017 гг. наблюдаются многократные случаи нарушения воздушного пространства Греции турецкими военными самолётами. Не способствовали улучшению отношений и отказ Греции выдать турецкой стороне восьмерых турецких военнослужащих участвовавших в неудавшемся путче 15 июля 2016 г.

Итак, если отношения между Турцией и Грецией в 1980-е – 1990-е гг. отличались напряжённостью и конфликтностью, то в начале XXI в. можно выделить фазу налаживания диалога и улучшения взаимодействия. Однако налаживание диалога между двумя государствами не происходило в главных спорных вопросах двусторонних отношений – Кипрской и Эгейской проблемах. Эти вопросы, по сути, так и остались в «замороженном» состоянии. Двусторонний диалог наметился в экономической и гуманитарной сферах. Во многом это объясняется тем, что правительствам обоих государств в начале XXI в. было не до конфронтации и увеличений расходов на вооружение. Турция нуждалась в хорошей оценке со стороны ЕС для последующего вступления в эту организацию. Формально, идеологической основой налаживания отношений в этот период послужила концепция А. Давутоглу «ноль проблем с соседями».

Касаясь двух основных вопросов в двусторонних отношениях можно отметить, что если Эгейский комплекс противоречий можно квалифицировать как двусторонний, то Кипрский вопрос, бесспорно, имеет если не мировое, то региональное значение. Это объясняется особенностями геостратегического и политического положения острова. Даже тот факт, что Кипр находится не далеко от такого «кровооточающего» очага международной напряжённости, как Сирия и другие, граничащие с последней, страны Ближнего Востока, заставляет осознать важность стабильности и мира на этом острове.

Подводя итог работе, автор пришёл к следующим выводам:

1. Отношения между Турцией и Грецией в 1980-е гг. можно характеризовать как напряжённые, несколько смягчаемые позицией Т. Озала.

2. Причиной возникновения Эгейских противоречий в 1970-е гг. и их развитие в 1980-е гг. стало стремление Греции реализовать право на увеличение своих территориальных вод до 12 миль. Немаловажным аспектом спора с Турцией являлось наличие нефти в Эгейском море.

3. В 1980-е гг. было налицо влияние Турции на политику ТРСК. Турция, выполнив свою миссию в 1974 г., стремилась полностью контролировать «вассальное» государство.

4. В 1990-е гг. в отношениях с Грецией Турция, делая жёсткие заявления, тем не менее, была вынуждена «оглядываться» на ЕС и проявлять внимание к турецкому населению Западной Фракии.

5. В 1990-е гг., как в предшествующее десятилетие, Эгейский вопрос снова являлся источником конфронтаций и опасности вооружённого конфликта. В предотвращении этой опасности особую роль сыграли США и НАТО.

6. В 90-е гг. XX в. Анкара продолжала политику колонизации севера Кипра, выступала против членства Республики Кипр в ЕС без согласования с ТРСК.

7. Начало XXI в. было ознаменовано появлением теоретически проработанной внешней политики А. Давутоглу. Противоречия с Грецией приобрели латентный характер.

8. По итогам референдума 2004 г., решение Кипрского вопроса провалилось, он перешёл в «замороженную» стадию.

На современном этапе турецко-греческих отношений не происходит каких-либо заметных изменений. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, ситуация в самой Турции из-за неудавшегося государственного переворота не стабильна. Во-вторых, географическая близость к таким очагам напряжённости, как Сирия и Ирак, осложняемая обострением Курдского вопроса и террористической угрозы со стороны исламского фундаментализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Аннан К. Мы, народы: роль Организации Объединённых Наций в XXI веке // Журнал высоких гуманитарных технологий. Безопасность Евразии. М., 2001. № 1. Янв. – июнь. С 51–65.
2. Выступление Г. Иакову перед Советом Безопасности ООН в связи с провозглашением незаконного «Турко-Кипрского государства». Никосия: Издание Бюро прессы и информации, 1983. Ноябрь.
3. Конвенция ООН по морскому праву. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1096 (дата обращения: 21.04.2014).
4. Конституция Республики Кипр от 16 августа 1960 г. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/cyprus/cyprus-r.htm (дата обращения: 18.08.2017).
5. Конституция Турецкой Республики. Принята на всенародном голосовании 7 ноября 1982 г. URL: http://r-ilc.ru/sites/default/files/konstituciya_1.pdf (дата обращения: 28.08.2017).
6. Мы, народы: роль Организации Объединённых Наций в XXI веке. Доклад Генерального Секретаря // Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Пятьдесят четвёртая сессия. Ассамблея тысячелетия Организации Объединённых Наций. March 2000.82 с. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan004566.pdf> (дата обращения: 09.09.2017).
7. Программа Партии справедливости и развития. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar> (дата обращения: 12.07.2014).
8. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / под ред. Ю.В. Ключникова, А.В. Сабанина. М.: Политиздат, 1927. 216 с.

9. Современное международное морское право: Режим вод и дна мирового океана / под ред. М.И. Лазарева. М.: Политиздат, 1974. 308 с.
10. Совет мудрецов» НАТО рекомендовал создать систему ПРО альянса // Полит.ру. 17 мая 2010 г. <http://www.polit.ru/news/2010/05/17/nato/> (дата обращения: 05.07.2017).
11. Тарасов С. Турция хочет пересмотреть границы: Эрдоган ругает Ататюрка и Лозаннский договор // Regnum. Информационное агентство. 30 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2186919.html>(дата обращения: 02.04.2017).
12. An article entitled ‘Cyprus and international security: a plea for a more realistic approach’ by Michael Moran in Cyprus Dialogue, 14 December 2007 // Denktash Rauf R., Moran Michael Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: KulturUniversity Publication, Global Political Trends Center, April 2009. P. 81–95.
13. AB’ denTurkiye’ ye Kibris Baskisi// Haber Virtini. 10.06.2004. URL: <http://grtrnews.com.tr>. (датаобращения: 15.01.2017).
14. Agenda for the Third Round of the Secretary-General’s Proximity Talks on Cyprus // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 43.
15. An article entitled ‘Zürich – from curse to blessing in disguise’ by MakariosDroushiotis in the Cyprus Mail, 1 October 2008, and a letter to the editor in which Denктаş takes the author up on certain points // Denktash R.R., Moran M. Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: KulturUniversity Publication, Global Political Trends Center, April 2009. P. 107–117.
16. A ‘Memorandum of Understanding between Cyprus and the UK’, dated 5 June 2008 // Denktash R.R., Moran M. Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: KulturUniversity Publication, Global Political Trends Center, April 2009. P. 95–99.
17. A transcript of Denктаş being interviewed for Greek Cypriot television in November 2008 by journalist Costas Yennaris on the subject of the TRNC’s al-

leged unilateral declaration of independence in 1983 // Denktash R.R., Moran M. Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: KulturUniversity Publication, Global Political Trends Center, April 2009. P. 99–107.

18. Background Note on Aegean Dispute. The Aegean Status Quo// Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/background-note-on-aegean-dispute.en.mfa> (датаобращения: 28.06.2016).

19. Davutoglu A. Stratejik Derinik, Türkiye'ninUluslararası Konumu. Istanbul: Kure Yayinlari, 2001.

20. Denktash R. Axioms of the Cyprus Question // Impact International. 1987. 23 October – 12 November. P. 10–14.

21. Draft Framework Agreement on Cyprus presented by the U.N. Secretary-General on 29 March 1986 // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 85.

22. European parliament resolution of 15 march 1990 // The Cyprus Problem. Historical review and the latest developments. Nicosia, 1997. 168 p.

23. ‘How I see the Cyprus problem today’ extracted from a briefing given to foreign journalists by Denktas on 18 October 2008 // Denktash R.R., Moran M. Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: Kultur University Publication, Global Political Trends Center, April 2009. 136 p.

24. Letter dated 29 Marh 1986 from the Secretary-general addressed to President Kyprianou and to his excellency Mr. Denktas, presenting the draft framework agreement on Cyprus // Turkish Policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Cyprus: Press and information office. Nicosia, 1988. 120 p.

25. Letter dated 23 January 1995 from permanent representative of Turkey to the United Nations addressed to the president of the Security Council // United Nations. Security Council. URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/42167/S_1995_71_EN.pdf?sequence=3&isAllowed=y (датаобращения: 12.10.2017).

26. Major Greek – Turkish Communiques in 1988, January 31 at Davos, Switzerland // Fascell D. Committee on Foreign Affairs. Tampa, 1988. December 28. P. 13–18.
27. Mr. Denktash's Letter to the U.N. Secretary General dated 21 April 1986 / Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 96–97.
28. Mr. Denktash's Letter to the U.N. Secretary General dated 21 April 1986 // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. P. 109–110.
29. Resolution 17.11.1983 on the 'declaration of independence' by the Turkish Cypriot sector of Cyprus // European stand on the Cyprus problem. London, July 2001.
30. Resolution 13.9.85 on developments in the Turkish-occupied section of Northern Cyprus // European stand on the Cyprus problem. London, July 2001. P. 81.
31. Resolution 21.1.1993 // European stand on the Cyprus problem. London, July 2001. P. 99.
32. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // Turkey's Relations with NATO. URL: <http://www.mfa.gov.tr/nato.en.mfa> (дата обращения: 08.06.2014).
33. The last part of an address entitled 'Legal Aspects of the Cyprus Problem' given by Denktaş to an audience of EU representatives, European Council officials, and others, in Strasbourg on 23 April, 2002 // Denktash R.R., Moran M. Cyprus: Unity and Difference. Istanbul: Kultur University Publication, Global Political Trends Center, 2009. April. 136 p.
34. They have brought hunger European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. July 2001. P. 230–231.
35. Treaty of Guaranty. Signed at Nicosia on 16 August 1960. URL: http://www.mfa.gr/images/docs/kypriako/treaty_of_guarantee.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

36. Turkish Foreign Minister Cavusoglu: “There is no sincere effort from the Greek Cypriot side to resolve the Cyprus Problem” // TRNC Public Information Office. URL:<http://pio.mfa.gov.ct.tr/en/turkish-foreign-minister-cavusoglu-there-is-no-sincere-effort-from-the-greek-cypriot-side-to-resolve-the-cyprus-problem/> (дата обращения: 28.09.2017).

37. U.N. General Assembly resolution 37/253 of 13 May 1983 // The Cyprus Problem. Nicosia, 1997.

38. United Nations Convention on the Law of the Sea (done at Montego Bay, December 10, 1982). URL: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e (дата обращения: 07.05.2017).

39. U.N. Security Council Resolution 550 (11.5.84) // Turkish policy on Cyprus and Efforts to Solve the Cyprus Problem. Nicosia, 1999. 208 p.

40. Unilateral Turkish claims in the Aegean // Hellenic Ministry of Foreign Affairs. Athens, 1999. 16 p.

Материалы периодической печати

41. Агаджанян В. Турция готовит войну Греции? // Русские Афины. 13.01.2016. URL: <https://rua.gr/news/16190-turtsiya-gotovit-voynu-s-gretsiej.html> (дата обращения: 28.06.2017).

42. В Афинах сжигают турецкий флаг на фоне успешных греко-турецких переговоров // Regnum. Информационное агентство. 15 мая 2010 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1283988.html> (дата обращения: 20.04.2016).

43. Гюнгер Менги. Сирийский и Эгейский вопросы // Иносми.ру. 03.03. 2017. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170304/238824005.html> (дата обращения: 02.04.2017).

44. Заграбян Р. Турецко-греческие противоречия вновь обостряются 22.02.2012 // АзатАрцах. 7 марта 2012. URL: <http://www.artsakhtert.com/rus/politics/item/6> (дата обращения: 28.11.2016).

45. Мельник Г. МИД Греции о политике Турции по пересмотру границ // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21062-mid-gretsii-o-politike-turtsii-po-peresmotru-granits.html> (дата обращения: 28.04.2017).
46. Онойко П. В Турции назвали «шоу» визит греческого министра на спорный остров // Русские Афины. URL: <https://rua.gr/news/gospol/21010-v-turtsii-nazvali-shou-vizit-grecheskogo-ministra-na-spornyj-ostrov.html> (дата обращения: 28.04.2017).
47. Тарасов С. Турция хочет пересмотреть границы: Эрдоган ругает Ататюрка и Лозаннский договор // Regnum. Информационное агентство. 30 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2186919.html> (дата обращения: 02.04.2017).
48. Турция обвинила Грецию в провокациях в Эгейском море // Новости Express. 3 февраля 2017. URL: <http://smiexpress.ru/news/politics/-54531-turciya-obvinila-greciyu-v-provokaciyah-v-egejskom-more/> (дата обращения: 28.06.2017).
49. Der Spiegel. Hamburg, 1978. 17.07.
50. Gunaydin. 7–14.1.1986 (special supplement on Cyprus) // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 231.
51. Kibris (newspaper). 16.6.1993 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 234–235.
52. Le Monde, (newspaper) 19.5.1979. The Cypriot crisis: Shaking off the general indifference // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 230.
53. Ortam, 16.8.1993 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 233.
54. Yektaoglu M. Yeniduzen (newspaper). 23.2.90. // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 232.

55. Yeniduzen (newspaper), 14.2.1990 // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, July 2001. P. 231.

56. Yeniduzen (newspaper). 17.8.1995. Exodus of Turkish Cypriots from the Occupied Area Continues Unabated // European stand on the Cyprus Problem. Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly. London, 2001. July. P. 235–236.

Литература

57. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в геополитических процессах: материалы междунар. конф. (г. Москва, 2 апр. 2014 г.) / под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 11–18.

58. Аватков В.А. Турецкие границы: история и современность // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: Аспект Пресс 2013. 273–285.

59. Акритова М.А. Кипрская проблема как козырная карта геополитического пасьянса в Восточном Средиземноморье // Вестник Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 2016. № 4. С. 117–121.

60. Антонова И.А. О современной роли и позиции Греции в кипрском урегулировании // Общество. Среда. Развитие. М., 2010. № 1. С. 57–62.

61. Бредихин О.Н. Эволюция межобщинных отношений на Кипре // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 38–48.

62. Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: попытка «отложенного урегулирования»? // МЭиМО. 2004. № 10. С. 58–63.

63. Бурашникова А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2013. № 2. С. 65–69.
64. Вартаньян Э.Г. История Турции. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. 612 с.
65. Величков К., Иванова И.И., Русев С., Хазанов А.М., Шмаров В.А. Восточное Средиземноморье. Международные отношения в 80-е годы. М.: Наука, Восточная литература, 1992. 191 с.
66. Гаджиев А.Г. Высадка в Афинах: к итогам визита Р.Т. Эрдогана в Грецию. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/17-05-10e.htm> (дата обращения: 05.04.2016).
67. Гаджиев А.Г. Значение Турции для общей европейской политики в области безопасности и обороны // Ближний Восток и современность. Сб. статей. М., Ин-т Ближн. Востока РАН, 2009. Вып.40. С. 36–45.
68. Гаджиев А.Г. Турция и ЕС: место мусульманской страны в «христианском клубе» // Турция в период правления Партии справедливости и развития. Сб. статей. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 168–186.
69. Гаджиев А.Г. Парламентские выборы в Турции 2007 г.: позиции политических партий по проблеме вступления Турции в ЕС // Турция накануне и после парламентских выборов 2007 г. М.: Ин-т Ближнего Востока РАН, 260 с.
70. Дружиловский С., Аватков В. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель. Научно–аналитический журнал. 2013. № 6 (281). С. 73–89.
71. Дуга нестабильности в Средиземноморско-Каспийском регионе: самопровозглашённые территории между Россией и Европой / редкол.: В.В. Журкин, А.А. Язькова. М.: Ин-т Европы РАН; ОГНИ, 2004. 92 с.
72. Закурова Ю. Референдум и внутренняя политика ПСР в греческих СМИ // Турция после референдума 2010 г. Межвуз. студ. конф. Москва,

17 февраля 2011. М.: Институт Ближнего Востока МИД России, 2011. С. 53–60.

73. Зверев П.Г., Зверева Е.А. Кипрский конфликт и вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре: история и современность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 96-98.

74. Иванова И.И. Кипрский вопрос во внешней политике Турции // Востокведы о международных проблемах Востока. М.: Институт востоковед. РАН; Восточный университет, 2007. 315 с.

75. Иванова И.И. Кипрская проблема на современном этапе. М.: МГИМО-Университет, 2015. 240 с.

76. Иванова И.И. Некоторые особенности греко-турецких отношений на современном этапе // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в геополитических процессах: материалы междунар. конф. (г. Москва, 2 апр. 2014 г.) / под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 83–96.

77. Иванова И.И. Основные направления внешней политики Партии справедливости и развития // Турция накануне и после парламентских выборов 2007 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 260 с.

78. Исайченко Ю. Референдум 2010 и его влияние на внешнюю политику Анкары // Турция после референдума 2010 г. Межвуз. студенч. конф. Москва, 17 февраля 2011г. М.: Ин-т Ближнего Востока МИД России, 2011. С. 60–67.

79. Кандель П.Е. Региональные конфликты в Европе и их урегулирование: Южная Осетия, Абхазия, Косово, Приднестровье, Нагорный Карабах, Кипр // Безопасность Европы. М.: Весь мир. 2011. С. 178-212.

80. Каневская М.Ф. Эгейский вопрос в греко-турецких отношениях // Россия в мировой политике. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. Ч. 2. 146 с.

81. Касаба Р., Боздоган С. Турция на распутье // Турция. Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 8–18.

82. Киреев Н.В. История Турции. XX век. М.: «Крафт+»; Ин-т востоковедения РАН, 2007. 608 с.
83. Киреев Н.Г. Метаморфозы правящей элиты Турции // Политическая элита Ближнего Востока. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 78–92.
84. Киреев Н.Г. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., Крафт+; Ин-т востоковедения РАН, 2001. 475 с.
85. Колмыков С., Иванова И., Мейер М. и др. Республика Кипр. Справочник. 3-е изд. М.: Восточная литература; Наука, 1992. 304 с.
86. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2010. 364 с.
87. Куприянов А. Битва за Эгейское небо. Необъявленная греко-турецкая война // ЦентрАзия. 17.02.2016. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1455698100> (дата обращения: 28.07.2016).
88. Кусанова О.М. Проблема международной правосубъектности Турецкой республики Северного Кипра // Молодёжь в науке: новые аргументы. Сб. науч. работ III Междунар. молодёжного конкурса: в 4-х ч. Липецк: Научное партнёрство «Аргумент», 2016. С. 96–101.
89. Лессер Я.О. Безопасность Турции в меняющемся окружении // Турция в XX веке. Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 121–132.
90. Лешуконский А. Кипрское яблоко раздора // Военная история. 2015. №6. С. 34-35. Режим доступа: http://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2015_284.htm (дата обращения: 02.12.2017).
91. Маврина Ю.В. Активизация внешней политики Турецкой Республики в XXI в. // Новый век глазами молодых. Саратов, 2013. Вып. 11.
92. Мамедов М.К.-оглы. Греко-турецкие отношения и Кипрский вопрос // В мире научных открытий. Красноярск, 2015. № 3.7 (63). С. 3159-3169.

93. Надеин–Раевский В. Внешняя политика Турции: ветры перемен // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 2. С. 84–92.
94. Надеин–Раевский В. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017. 316 с.
95. Назимоглу Н. План единства для острова Афродиты // *Region plus*. 2010. № 4 (96). С. 26-29. Режим доступа: http://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2010_62.pdf (дата обращения: 02.12.2017).
96. Нестеров А.Г., Златоустова М.И. Британский проект урегулирования ситуации на Кипре в 1957–1958 гг.: «План Макмиллана» // *Научный диалог*. Екатеринбург, 2017. V., 1.5. С. 240–253.
97. Нестеров А.Г., Златоустова М.И. Британская политика на Кипре во второй половине 1940-х гг. // *Научный диалог*. Екатеринбург, 2017. V, 1.3. С. 176–188.
98. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
99. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции в 60-х – начале 80-х гг. XX в. М.: Наука, 1986. 325 с.
100. Поцхверия Б.М. Проблемы вступления Турции в Европейский союз. // *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2011. № 6. С. 151–152.
101. Раштда М. Региональные, географические, стратегические составляющие внешнеполитического курса Турции // *Ближний Восток и современность*. Сб. статей. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2010. Вып. 42. С. 152–165.
102. Роцин С.А. Этнополитические конфликты на Кипре и в Грузии: сравнительный анализ // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 3. С. 89-124.
103. Рытов А. Кипр: на пути к объединению. М.: Икар, 2005. 315 с.
104. Рытов А.Г. Кипр: новая европеизация и старые проблемы // *Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен*. М.: Весь мир, 2007. С. 262-274.

105. Сабаева Л.М. Приоритетные направления внешней политики Т. Озала (1983–1987 гг.) // Проблемы всеобщей истории и политологии. Сб. науч. тр. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетин. гос. ун-та, 2009. С. 113–117.
106. Саяры С. Внешняя политика Турции после окончания «холодной войны»: проблемы мультирегионализма // Турция. Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2002.
107. Свиридов Э.П. Границы континентального шельфа: международно-правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1981. 152 с.
108. Свистунова И.А. К вопросу об отношениях Турции с Грецией // Институт Ближнего Востока. 6 апреля 2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12435> (дата обращения: 23.09.2017).
109. Смольняк И.В. Средиземноморский рубеж сдерживания: Кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962–1978 гг. // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2016. № 12. С. 42-53.
110. Софоклис С. Кипрская проблема – самая застарелая и нерешенная в Европе // Международная жизнь. 2014. № 12. С. 28-36.
111. Старкин С.В., Лебедева Е.В. Кипрская проблема в контексте реализации стратегии ЕС по урегулированию этноконфессиональных конфликтов // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2013. № 4. С. 33-36.
112. Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: Институт Ближнего Востока; МГИМО-Университет МИД РФ, 2011. 256 с.
113. Степанов В.В. Кипрский конфликт: современное восприятие и проблема преодоления // Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Наука, 2012. С. 466-518.
114. Сыздыкова Ж.С. Особенности региональной политики Турции. М.: Историко-просветительское общество Москвы, 1999. 135 с.
115. Теплов Э.П. Кипр – зеркало противоречий Средиземноморья. Л.: «Знание» РСФСР, 1989. 19 с.

116. Точки Н., Ковзиридзе Т. Кипр // Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Коппиртерс, М. Эмерсон, М. Хёйссен и др. М.: Весь мир, 2005. С. 73-114.
117. Улунян А.А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в. М.: ИВИ РАН, 1998. 331 с.
118. Ульген С. Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. М.: Мос. Центр Карнеги, 2011. 39 с.
119. Цыркуль Э.В. Проблема Кипра в отношениях Турции и Европейского союза // Клио. СПб., 2015. № 7 (103). С. 113-115.
120. Христофи В. Вооруженные силы ООН и урегулирование кипрского конфликта // Право и управление. XXI век. М., 2013. № 4. С. 141-144.
121. Шахбазов В.А. Проблемы Кипра в политике Турции в 1960–1980 годах. Орджоникидзе, СОГУ 1983. 225 с.
122. Шахин Э. Заявка Кипра в ЕС и реакция Турции (1990–1995) // Клио. СПб., 2015. № 7 (103). С. 118-122.
123. Шахин Э. Кипрский конфликт и план Аннана // Клио. СПб., 2015. № 8 (104). С. 159–163.
124. Шеменков К.А. Греция: проблемы современной истории. М.: Мысль, 1987. 286 с.
125. Шиловский Р.С. Участие России и Турции в урегулировании кипрского конфликта // Актуальные проблемы международного права и международных отношений. Россия и Турция в системе глобальной и региональной безопасности: Сб. ст. М.: Центр востоковед.исслед., междунар. отношений и публичной дипломатии МГИМО (У) МИД РФ, 2017. С. 250-257.
126. Шмаров В.А. Особенности империализма в Восточном Средиземноморье. М.: Наука, 1986. 256 с.
110. Akman E. Continuity and change in Greek Security perceptions and priorities in the Post-Cold War Era. A thesis submitted to the graduate school of social sciences of Middle East Technical University, 2005. May. 113 p.

111. Aksu F. Kibris son gelismeler // Kibris Time. 14.02. 2014. Режим доступа: www.turkishgreek.org (дата обращения: 17.05.2016).
112. Aksu F. Konusundaki Kibris son gelismeler // Kibris Time. 14.02.2014. www.turkishgreek.org (дата обращения: 17.05.2016).
113. Armaoglu F. Turkey, Greece and Balkans // Contemporary Review. Incorporating The Fortnightly. L., 1988. Vol. 252. May. P. 230–233.
114. Aslan D. Turkey's Foreign Policy of the Justice and Development Party Governments (2002–2011). Warsaw: University of Warsaw, Faculty of Journalism and Political Science, 2012. June. 333 p.
115. Athanassopoulou E. Greek foreign policy and the Middle East: from possibility to fulfilment? // Byzantine and Modern Greek studies. 2010. Vol. 34. № 2. P. 223.
116. Athanassopoulou E. Greek foreign policy and the Middle East: from possibility to fulfilment? // Byzantine and Modern Greek studies. Athens, 2010. Vol. 34. No 2. P. 195–211.
117. Aybak T. Foreign Policy in the New Century // Turkish transformation. Istanbul: The Eothen Press, 2002. P. 232.
118. Aydin M. Cacophony in the Aegean; Contemporary Turkish-Greek relations // The Turkish yearbook. Istanbul, 2002. Vol. XXVII. P. 109–140.
119. Aydin M., Infantis K. Turkish-Greek Relations: The Security Dilemma in the Aegean. London; N.Y.: Routledge, 2004. 355 p.
120. Ayman G. Negotiations and Deterrence in Asymmetrical Power Situations: The Turkish-Greek Case // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences/ ed. by Dimitri Conostas. Bonn: Springer, 1991. P. 24–39.
121. Bahcheli T. Cyprus in the Post-Cold Era: Moving Toward a Settlement? // Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. Washington: U.S. Institute of Peace, 1997. August. P. 20–30.
122. Bahcheli T. Greek-Turkish Relations since 1955. Boulder: Westview press, 1990. 216 p.

123. Balkans a mirror of the New International order / ed. by Gunay Goksu Ozdogan, Kemali Saybasili. Istanbul: EREN, Marmara University department of international relations, 1995. 351 p.
124. Bayer R. Analyzing Turkey's interactions with Greece and Syria in the post-Cold War era. Ankara: Bilkent University, Department of international relations, 1999. July. 96 p.
125. Bolukbasi S. The Turco-Greek Dispute: Issues, Policies, Prospects / Turkish foreign policy. New Prospects / ed. by C. Dodd. L.: The Eothen Press, 2006. 54 p.
126. Bostonoglu B. European security: a myth or a reality? A Turkish perspective // The Turkish yearbook of international relations. Ankara:Cebeci,1994. P. 97–101.
127. Brauer J. Military Expenditure, Economic performance, and political economy of conflict resolution in Greece and Turkey // The Turkish yearbook of international relations. Ankara: Turk Yilligi, 2001. No XXXII. 25 p.
128. Brown J. Delicately Poised Allies: Problems, Policy Choices and Mediterranean Security. L.: Brassey's, 1991. P. 104.
129. Cakmak G. Greek-Turkish Relations in the post-Helsinki Period: Is Europe a framework providing détente? P. 14. URL: <https://ru.scribd.com/document> (датаобращения: 21.05.2016).
130. Carley P. U.S Foreign Policy and the Future of Greek – Turkish Relations// Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. Washington: United States Institute of Peace. 1997. August. P. 1–20.
131. Celik A., Rumelli B. Necessary but sufficient: The role of the EU in resolving Turkey's Kurdish question and the Greek-Turkish conflicts// European Foreign Affairs. Tampa, 2006. P. 203–222.
132. Coufoudakis V. Cyprus in the EU: Challenges – Opportunities – Prospects. A keynote address to the 7th International Conference on Greek

Research.Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/14932636.pdf> (дата обращения: 08.05.2017).

133. Coufoudakis V. Greek Political Party Attitudes towards Turkey: 1974-89 / The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences / ed.by D. Constat. Bonn: Springer,1991. P. 75–105.

134. Danopoulos C. The Cyprus Problem and Prospects of Reunification // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5, No 2 (19), June. P. 133–149.

135. Davutoglu A. Stratejik Direnlik: Turkiye'nin Uluslarasi Konumu. Istanbul: Birinci Basim Nisan, 2016. 567 p.

136. Dirk B. The Balkans and Turkey: a European sideshow? // Balkans a mirror of the New International order. Istanbul: EREN, Marmara University department of international relations, 1995. P. 321–326.

137. Dodd C. The Eastern Mediterranean: Turkey, Greece and Cyprus // The Maghreb Review. London, 2006. Vol. 31, No1–2. P. 71–79.

138. Dostas D. Greece and Turkey: the regime of the straits, Lemnos and Samothrace. Athens: G.C. Eleftheroudakis S.A., 1987. 248 p.

139. Ekinci D. Ankara: Department of International Relations. Bilkent University, 2009. April. 336 p.

140. Epstein M.A., Popper D.H. Efforts to Resolve the Cyprus Dispute // Perspectives on Negotiation. The Cyprus Dispute. Center for the Study of Foreign Affairs. Washington: Foreign Service Institute U.S. Department of State, 1986. 314 p.

141. Eralp A. Turkey's Role in Political Dialogue in the Mediterranean Region // Perceptions. 1997. Vol. 2 (1), March–May. P. 27–39.

142. Evangelista M. Greece, Turkey and the Improvement of US-Soviet Relations // The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. L.: Macmillan, 1999. 55 p.

143. Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Vol. 11: Cyprus, Turkey, Greece /ed.by D. Zierler. Washington: Department of state, United State Printing Office, 2014. 650 p.

144. Gencer O. Continuity and Change in Turkish Foreign Policy in the Balkans // *Balkans a Mirror of the New International Order* / ed. by Gunay Goksu Ozdogan, Kemali Saybasili. Istanbul: Eren, Marmara University, Department of International Relations, 1995. P. 281–295.
145. Gokakin B. The Turko – Greek dispute and Turkey’s Relations with the European Union. Ankara: Bilkent University, 2001. January, 134p.
146. Greek-Turkish relations in the post Helsinki Period: Is Europe a framework providing détente? URL: www.idec.gr/(дата обращения: 24.02.2015).
147. Green P. Embracing Cyprus the path to unity in the new Europe. L.; N.Y.: Tauris, 2003. 150 p.
148. Gundogdu A. Identities in Question: Greek-Turkish Relations in a period of Transformation? // *Meria Journal*. Herzliya, 2001. Vol. 5, No1. p. 46–57.
149. Heinz K. Turkish Application for Membership in the European Community and so-called Greek-Factor // *Europa – Archiv*. Bonn, 1987. Vol. 42 (21), P. 605–614.
150. Heraclides A. The Essence of the Greek-Turkish Rivalry: National Narrative and Identity. L.: The London school of Economics and Political Science, 2011. October. 36 p.
151. Infantis K. Negotiations and Deterrence in Asymmetrical Power Situations: The Turkish-Greek Case / *The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences* / ed. by Dimitri Conostas. N.Y.: Mac Millan Academic and Professional Ltd., 1991. P. 45–51.
152. Ioanis V. The 1974 crisis over Cyprus: foreign will or ethnic conflict? Monterey: Naval Postgraduate School, 2007. June. 109 p.
153. Kalaigioglu E. Turkish Dynamics: Bridge across Troubled Lands. N.Y.: Macmillan, 2005. 242 p.
154. Katakatsanis N. Do attitudes matter? Military and democratic consolidation in Greece // *Balkan Forum*. 1997. Vol. 5, No. 2(19) June. P. 101–133.
155. Kerides D. Greek-Turkish Relations in the Era of Globalization. Cambridge: The Institute of Foreign Policy, 2001. 312 p.

156. Keridis D. Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization. A NATO Fellowship Final Report. Cambridge, 1999. June.55 p.
157. Keridis D. Political Culture and Foreign Policy: Greek-Turkish Relations in the Era of European Integration and Globalization. Cambridge, 1999. June. 326 p.
158. Kirsi K. Greek – Turkish Relations // Turkish Studies.2000.Vol.1 (1), Spring. P. 181–183.
159. Kirsi K. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state // New perspectives on Turkey. Istanbul,2009. March. P. 29–57.
160. Kourvetaris Y.A. The Southern flank of NATO: Political Dimensions of the Greco-Turkish conflict since 1974 // East European Quarterly XXI.Boulder,1988.No. 4. January. P. 431-445.
161. Kramer H. Turkey's Relations with Greece: Motives and Interests / The Greek-Turkish Conflict in the 1990s. Domestic and External Influences. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.P. 57–73.
162. Kut S. The Aegean Continental Shelf Dispute Between Turkey and Greece // Balkan Forum. Skopje: Nova Makedonija, 1995. Vol. 3 No 1 (10), March.265 p.
163. Kverhelidze I. Efficient is the European Union in Conflict Resolution. Case – Studies of Cyprus and Transnistria. Tbilisi: Tbilisi State University, 2010. July.70 p.
164. Kyris G.Turkey, Cyprus and the Turkish Cypriot political parties: the ephemeral catalyst of EU / The London school of economics and political science. 2011. P. 97–105. [URL:http://eprints.lse.ac.uk/49390/1/Kyris_Turkey_Cyprus_political_2011.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/49390/1/Kyris_Turkey_Cyprus_political_2011.pdf) (датаобращения: 21.03.2017).
165. Larrabee S. F. Instability and change in the Balkans // Survival. The Quarterly. L.: International Institute for Strategic Studies, 1992. Summer.P.31–50.
166. Larrabee S. Instability and change in the Balkans // Survival. The Quarterly. London, 1992. Summer.P. 31–50.

167. Lesser I. Turkey, Greece and U.S.A. in a changing strategic environment. Santa Monica: RandCo., 2001. June, 13. 9 p.
168. Lesser I., Larrable S., Zanini M., Vlachos-Dengler K. Greece's new Geopolitics. Pittsburg; Santa Monica: RandCo, 2001. 108 p.
169. Lesser I. The strategic of Greece and Turkey // U.S.A. –Greece-Turkey in the Emerging International Systems. A summary report. Athens, 1993. June 17–19. P. 30–32.
170. Mallias A. Greece and its Balkan Neighbours // Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5 No 2 (19). June. P. 89–93.
171. Mango A. Turkish Policy in the Middle East / Edited by Clement Dodd. L.: The Eothen Press. 2006. 54 p.
172. Mann S. F. The Greek – Turkish Dispute in the Egean sea: its ramifications for NATO and the prospects for resolutions. Monterey: Naval Postgraduate School March, 2001. 87 p.
173. Mehmet A.B. Turkey and the 'Davos Process': Experiences and Prospects // The Greec-Turkish conflict in the 1990-s/ ed.by. D. Constans. L:Macmillan, 1991.
174. Meyers R., Turper S. Turkish Foreign Policy towards Cyprus. A Comparision of Constructivism and Realism. With an Empirical Focus on the Events of 1974. European Studies Public Administration. 2012. October 31. 51p.
175. Muradov G. Our common way. Nicosia: M.S. Satellite Publication Ltd., 2001. P. 172–173.
176. Naoum M. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999–2004: paradigm shift or epiphenomenon. Master's thesis. Monterey: Naval postgraduate school. 2004. 105 p.
177. Nicholas V. Gianaris Greece and Turkey. Economic and Geopolitical Perspectives. N.Y.; London: Westport, 1988. 204 p.
178. Nugent N. EU enlargement and the Cyprus Problem' // Journal of Common Market Studies. Medford, 2000. Vol. 38, No. 1. P. 131–150.

179. Olcay O. Turkey and Greece: An Appendix and a Letter // Perceptions. 1997. Vol. 2 (3), September – November. P. 54–63.
180. Oran B. Turk dis politikasi. Kurtulus savasindan bugun meolgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2010. 637 p.
181. Oran B. Turkish foreign policy 1919–2006. Facts and Analyses with Documents. Salt Lake City: Univ. of Utah press. 2010. 637 p.
182. Orhun O. European Security and Defence Identity – Common European Security and Defence Policy: A Turkish Perspective // Perceptions. 2000. Vol. 5 (3), September – November. P. 115–124.
183. Ortayli I. Defterimden Portreler. Tarihtenve Gumuzden. Istanbul: TimasYayinlari, 2011. 254 s.
184. Ortayli I. Turkiye'nin Yakın Tarihi. Istanbul: Timas Yayinlari, 2011. 240 s.
185. Panatiotis J., Tsacos P.J. and Dokos T.P. Greek-Turkish Relations in the Early Twenty-first Century: A View from Athens / The Future of Turkish Foreign Policy. L.; Cambridge, 135 p.
186. Posen B. Kremenyuk Viktor The Balkan Crisis and Prospects // U.S.A. –Greece –Turkey in the Emerging International Systems. A summary report. Athens, 1993. June 17-19. 120 p.
187. Posen B., Korb L. Rossides T. Eugene American Foreign Policy / U.S.A. –Greece–Turkey in the Emerging International Systems. A summary report. Athens, 1993. June 17–19. 120 p.
188. Prodromou E., Alexandris, Bahcheli T., Evriviades M. Cyprus and Other Regional Issues / U.S.A. –Greece –Turkey in the Emerging International Systems. A summary report. Athens, 1993. June 17–19. 120 p.
189. Rumelili B. Civil Society and the Europeanization of Greek-Turkish Cooperation. 2005. 1 March. P. 43–54.
190. Rumelili B. Liminality and perpetuation of conflicts: Turkish-Greek Relations in the Context of Community-Building by the EU// European Journal of International Relations. 2009. 284 p.

191. Rumelili B., The European Union's impact on the Greek-Turkish conflict: A Review of the Literature// Working paper series in EU border conflicts studies No. 6, University of Birmingham, 2004. 45 p.
192. Salihi S. Disinformation – The Negative Factor in Turco – Greek Relations // SAM. Center for Strategic Research. Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Ankara, 1998. Vol. 3 (1), March – May. P. 39–48.
193. Savvides P. Cyprus at the Gate of the European Union // ELIAMEP Policy Paper. Athens, 2002. No. 1, June. 53 p.
194. Sezer D. Implications for Turkey's Relations with Western Europe // The implications of the Yugoslav crisis for western Europe's Foreign Relations. Brussels: Institute for security studies, 1994. Oct. P. 43–53.
195. Sezer D. The Strategic Matrix of the SEM: A Turkish Perspective / The Greek-Turkish Conflict in the 1990-s. Domestic and External influence / ed. by D. Contas. N.Y.: St. Martin's press, 1991. P. 109–129.
196. Stavridis S. Double standards, ethic and democratic principles in foreign policy: the European Union and the Cyprus Problem // Mediterranean Politics. No. 1. 1999. P. 95–112.
197. Stephen M. The Cyprus Question: A concise guide to the history, politics and law of the Cyprus question. Revised ed. London: Northgate publ., 2001. 154 p.
198. Tasham S. A Turkish Perspective on Europe-Turkey Relations on the Eve of the IGC. Balkan Forum. Skopje, 1997. Vol. 5. No 2 (19), June. 285 p.
199. Tayfur F. The Turkey/Greece/Cyprus Security Complex and the EU Enlargement: Implications for the Euro – Mediterranean Partnership and Eastern Mediterranean Relations // Greece and Turkey. Euro Mescos. Papers 28. Lisbon, 2004. March. P. 11–21.
200. Theodore A. Coloumbis T.A., Klarevas L.J. Prospects for Greek-Turkish reconciliation in a changing international setting / Greek-Turkish Relations and U.S. Foreign Policy. Cyprus, the Aegean, and Regional Stability. United States

Institute of Peace. Peaceworks. Washington: United States Institute of Peace, 1997. No 17. 50 p.

201. The Turkish Cypriot Political Parties. Nicosia: Press and Information Office, 2001. July. 105 p.

202. Tsakonas P. Turkey Post – Helsinki Turbulence: Implications for Greece and the Cyprus Issue // Turkish Studies. Ankara, 2001. Vol. 2, No. 2. Autumn P. 1–10.

203. Tsizdal S., Turkey's "Zero Problems" Policy is a Flop" // The Guardian. London, 2010. 21 June.

204. Turan I., Barlas D. Turkish-Greek balance: A key to peace and cooperation in the Balkans // East European Quarterly. Skopje, 1999. Vol. XXXII, № 4. P. 225–237.

205. Turbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans: Ambitions and Obstacles // Insight Turkey. Ankara, 2011. Vol. 13, No. 3. P. 139–158.

206. Turbedar E. Turkey's New Activism in the Western Balkans: Ambitions and Obstacles // Insight Turkey. Ankara, 2011. Vol. 13, No. 3. P. 139–158.

207. Yennaris C. Conflict and Partition in Cyprus. L.: Elliot and Thompson, 2000. 285 p.

208. Yeshiltash M., Balji A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map. Ankara: Center for strategic research. 2013. № 7. May. 35 p.

209. Yesiltas M., Ali Balci A. Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map. // Sam Papers. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Center for strategic research. Ankara, 2013, No. 7. May. 36 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

210. Биктимиров Б.Т. Кипрская проблема в политике Великобритании в 1945–1965 годы. Историко-политический анализ. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 23 с.

211. Бредихин О.Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
212. Буянов Н.Н. Политический ислам в Турции: 70-е гг. XX – начало XXI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 28 с.
213. Жукова Н.М. Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений. Дис ... канд. ист. наук. М., 2011. 177 с.
214. Каневская М.Ф. Внешняя политика Греции: преемственность и трансформация в условиях меняющегося мира: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 175 с.
215. Логвинов О.А. Военные аспекты турецко-греческих отношений во второй половине XX столетия. Дис ... канд. ист. наук. М., 2004. 236 с.
216. Маврина Ю.В. Концепция Давутоглу и её влияние на внешнюю политику Турции (2001–2011 гг.). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 23 с.
217. Шахбазов В.А. Кипрский вопрос в политике Турции (1960–1975 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
218. Шахин Э. Кипрский вопрос в переговорах о вступлении Турции в Европейский Союз (1990-е – начало XXI в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.